

15
А-64

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-98

(30-ЛЕТИЕ КАФЕДРЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ)

*Тезисы научно-практической конференции
27-29 октября 1998 года*

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCLXIV

Санкт-Петербург
1998

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 98

(30-летие кафедры социальной психологии)

Тезисы научно-практической конференции
27-29 октября 1998 года

Под общей редакцией
А.А. Крылова

Издательство С.-Петербургского университета
1998

ББК 88

Т11

Редакционная коллегия: д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ А.А.Крылов; д-р психол. наук, проф. А.Л.Свенцицкий; канд. психол. наук, доц. Ю.И.Филимоненко; канд. психол. наук, доц. В.Б.Чесноков.

Издание осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) проект N 9806 85068.

Т11 Ананьевские чтения: (Тезисы научно-практической конференции «Ананьевские чтения - 98») / Под ред. А.А.Крылова. - СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. - 219 с.

Традиционная научно-практическая конференция «Ананьевские чтения» в 1998 г. посвящена 30-летию создания кафедры социальной психологии в Ленинградском - С.-Петербургском государственном университете. Материалы сборника являются обзором современного состояния теоретических и научно-практических исследований в области психологии.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность сотрудникам факультета психологии Е.В.Борисовой, Е.Г.Кузнецовой, А.Г.Белинкой, Т.Ю.Филимоненко за техническую помощь в подготовке сборника.

Без объявл.

ББК 88

© Издательство
С.-Петербургского
университета,
1998

Глава 1. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Андреева Т.В., Козлова Д.В.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ЖЕНЩИН: ВЛИЯНИЕ МАТЕРИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Воспроизведение двумя человеческими существами одной жизни – это проблема нереализованных в потомство потенций личности, проблема одиночества в среднем возрасте при неизбежном отделении единственного ребенка от родителей. Область исследования репродуктивных установок (РУ) личности является актуальной и с научной, и с практической точки зрения. В.В.Бойко (1985) рассматривает репродуктивные установки как комплекс поведенческих актов, суждений, оценок и позиций личности, выражающих ее фактическое (поведенческое), эмоциональное и сознательное отношение к рождению детей. Проблема роли родительской семьи в формировании РУ личности слабо изучена. Исследования этого вопроса носят фрагментарный характер и отражают социально-демографический и социологический аспекты проблемы.

В нашей работе мы попытались осветить новый аспект этой области исследований – влияние особенностей материнского воспитания на формирование РУ дочерей. Нами использовались методика PARI для изучения отношения родителей (прежде всего матерей) к разным сторонам семейной роли, шкала Лайкерта «Отношение к детям», модифицированная А.И.Антоновым – (ШОД), анкета авторов «Репродуктивные установки». Опрошено 30 пар испытуемых (60) человек: матери (средний возраст 48 лет) и их дочери (средний возраст 23 года), а также 45 студенток философского и психологического факультетов СПбГУ.

Исследование показало, что среднее желаемое число детей у единственных в семье дочерей составляет 1,7, а у имеющих родных братьев и сестер – 2,6. Большинство молодых женщин отметили, что если бы это зависело от них, они не хотели бы быть единственными детьми в семье (вне зависимости от наличия или отсутствия братьев и сестер). Обнаружена положительная связь установок на число детей с желанием иметь родных братьев и сестер. У опрошенных женщин преобладающей является установка на рождение девочки (около половины ответов), в то время как на рождение мальчика – четверть ответов, остальным пол ребенка неважен). При установке на двоих детей у подавляющего большинства респондентов отмечается желание иметь детей обоего пола.

Исследование зависимости РУ взрослых дочерей от воспитательного воздействия матерей выявило следующие взаимосвязи. РУ молодых женщин положительно связаны с показателем «ориентированности на детей» (ШОД) их матерей и с показателем «репродуктивный совет матерей». Что касается воспитательного стиля матери, то выявлена парадоксальная зависимость: партнерские отношения матери и дочери (по оценке матерей) отрицательно связаны с РУ дочерей. Раздражительность матери также оказывает негативное влияние на формирование РУ дочерей.

Показатель «ориентированности на детей» взрослых дочерей отрицательно связан с семейными конфликтами в родительской семье, с чрезмерной заботой матери при их воспитании. В то же время стили родительского воспитания, трактуемые методикой PARI как «излишняя строгость, суровость матери», «вмешательство в мир ребенка», приводят к ориентированности на детей у дочерей. Возможно, именно пристальное внимание к жизни дочери, стремление знать о ней больше вызывает у последней ответный интерес к детям. Об этом косвенно свидетельствует положительная связь между признаками «чрезмерное вмешательство в мир ребенка» у матерей и показателем ШОД дочерей «всегда интересно наблюдать за детьми». Неудовлетворенность матери ролью хозяйки дома, ощущение ею самопожертвования отрицательно связано с отношением к детям у их выросших дочерей.

Таким образом, воспитательная позиция матери, ее отношение к семейной жизни, ориентированность на детей, а также количество братьев и сестер в родительской семье прямо или косвенно отражаются на формировании РУ и отношении к детям взрослых дочерей.

Березников А.А.

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ГРУППОВОЙ РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ

Обратная связь является неотъемлемым элементом психологического тренинга как одно из универсальных средств объективации деятельности, перевода поведения участников тренинга с импульсивного, неосознанного уровня регуляции деятельности на осознанный.

К минимальным условиям для достижения наибольшего эффекта обратной связи относят ее конструктивность, а также полноту и насыщенность (Петровская Л.А., 1982). Уже на этапе создания условий для свободной циркуляции обратной связи в подростковой группе ведущий сталкивается с рядом сложностей, напрямую связанных со спецификой

возраста. Подростковый возраст – период противоречий, что необходимо учитывать в любой работе с подростками (Лебедева Е.И., 1997).

Отметим некоторые противоречия при приеме и передаче обратной связи, выделенные нами при проведении тренингов с подростками:

1. Желание увеличения глубины, интимности и неумение держать напряжение, «соскальзывание», уход в сторону от контекста, актуализация психологических защит.

2. Желание открытости общения и страх раскрыться, показать свою «слабость», страх быть отвергнутым и непонятым другими.

3. Желание увидеть себя со стороны глазами других и страх неоправданных ожиданий (несовпадение воображаемого, фантазийного образа с реальностью, рассогласование самооценки и оценки других).

4. Желание открытого, прямого разговора (сказать «все как есть») при подаче обратной связи и желание безоценочности и мягкости формулировок при ее принятии.

Наш опыт показывает, что достижению наибольшего эффекта обратной связи способствует обеспечение следующих специальных условий, необходимость которых определена спецификой возраста:

1. Подробное проговаривание ведущим правил и принципов групповой работы. Группу нельзя начинать, не убедившись, что каждый из участников понимает и принимает принципы работы. Возвращаться к правилам необходимо в течение всей работы, а их выполнение или невыполнение обсуждать в содержательном контексте работы.

2. Формализованность и контролируемость процедур, направленных на получение обратной связи участниками. В подростковых группах намеренная обратная связь часто носит далеко не конструктивный характер. В связи с чем процедуры должны быть по возможности строго заданы и ограничены по форме и содержанию. Уровень интимности контролируется и задается ведущим. Опираясь на положение о малой эффективности единичных тренингов (С.И.Макшанов, 1992, 1997; Н.Ю.Хрящева, 1993), мы полагаем (и это подтверждается практическим опытом), что глубина и открытость обратной связи должны возрастать от тренинга к тренингу.

3. Избыточность и полимодальность. Количество упражнений с обратной связью должно постоянно увеличиваться от первого дня к последнему. При этом – не просто количественно, но и качественно, т.е. по глубине («интимности»), а также по разнообразию форм подачи.

4. Сбалансированность обратной связи. В подростковой группе крайне важно выдерживать баланс позитивной и негативной обратной связи, а также баланс распределения ее тренером между участниками. Любые отклонения здесь могут привести к нежелательному эффекту.

5. Реалистичность обратной связи. Обратная связь должна быть ориентирована на развитие реалистичной самооценки, а не на укрепление у подростков позитивного отношения к себе.

6. Ориентация обратной связи на свойства, которые могут быть изменены. Это условие приобретает особое значение, поскольку в подростковой группе обратная связь участников друг другу часто носит оценочный и деструктивный характер.

7. Особая позиция ведущего в подростковой группе. В таких группах активность тренера должна быть высока. Повышена и значимость обратной связи от тренера как эксперта и носителя психологических знаний и жизненного опыта (Т.Г.Яничева, 1997). Обратная связь от тренера отдельному участнику в подростковой группе имеет гораздо большее значение для всей группы по сравнению со взрослой группой.

Знание особенностей подростковой субкультуры является принципиальным в подготовке ведущих для подростковых тренинговых групп.

Варфоломеева Л.Е.

ВКЛАД Е.С.КУЗЬМИНА В АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие науки состоит в вычленении новых объектов реальности, определении предмета исследования закономерных зависимостей между рядами фактов и факторов, новых систем или «батарей» методов, новой системы понятий. Существует несколько определений предмета акмеологии в опубликованных статьях и пособиях Н.В.Кузьминой (1989), А.А.Деркача и Н.В.Кузьминой (1993), А.А.Бодалева, О.С.Анисимова. В нашем исследовании, опираясь на работы перечисленных авторов, мы определяем предмет акмеологии как поиск закономерностей, условий, факторов и стимулов самореализации творческих потенциалов индивидуальности, групп и объединений на жизненном пути человека к высшим достижениям в учебно-познавательной, профессиональной и непрофессиональной деятельности, развитие творческой готовности к предстоящей деятельности.

В связи с этим ведущими понятиями акмеологии являются:

- творческий потенциал,
- самореализация (в поступках и продуктах),
- жизненный путь человека,
- согласование (внешних и внутренних условий и стимулов),
- уровни продуктивности деятельности,

- искомые конечные результаты и подчиненные им текущие,
- творческая готовность к предстоящей деятельности как способность к ее осуществлению в делах и поступках.

Главным методом акмеологии является моделирование высоко-, средне- и малопродуктивных систем деятельности, включающее описание признаков результатов тех или иных уровней.

Сопутствующими являются методы: наблюдение, анализ продуктов деятельности, анализ взаимодействия, тестирование, анкетирование, интервьюирование, рейтинг, ауторейтинг, проективный рейтинг. В акмеологии различают научно-исследовательские и научно-практические методы, предлагаемые испытуемым в целях самосовершенствования самокоррекции и самореорганизации деятельности.

Определяя предмет и цели социальной психологии, Е.С.Кузьмин указывал на ее назначение в повышении уровней общения. Придавая большое значение внедрению результатов исследования в практику, научным фактам в выявлении закономерностей, он строил социальную психологию на методах измерения. Опираясь на методы моделирования, использовал понятия «идеальная модель» и «реальное поведение». Идеальную модель личности Е.С.Кузьмин связывал с творческим отношением «к делу, труду, жизни», воплотив ее в «модель воронки».

Согласно «воронке» Е.С.Кузьмина, вся наша работа с людьми в коллективе должна включать три ключевых момента:

1. Направляться на систему знания или когнитивную систему, на проникновение в сознание человека;
2. Охватывать эмоциональную систему, что значительно сложнее («необходимо захватить эмоцию, пробудить страхи или удовольствие»);
3. Побуждать человека к деятельности, действию, чтобы «породить черту характера и привычку».

Своей «воронке» Е.С.Кузьмин придавал большое значение, как модели воздействия извне и модели самокоррекции и самореорганизации деятельности изнутри. Теоретическая модель «воронки» широко используется акмеологами. На ее основе был построен успешный эксперимент в докторской диссертации И.Д.Богаевой и кандидатской К.В.Вагановой и других. Мы ее используем, дополнив тремя позициями:

1. Позицию «дело» уточнили – «поступки».
2. Позицию «выход» дополнили – «продукты деятельности».
3. Снабдили обратной связью.

«Воронка» хорошо работает при обучении студентов искусству рефлексии и может быть использована в вышеназванных основных понятиях акмеологии при их исследовании. Очевидно, успех обусловлен тем, что она («воронка») родилась на основе рефлексии Е.С.Кузьмина.

Васильев В.К.

ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ: ЭМОЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

С глубокой древности в феномене лидерства писатели, историографы выделяли только одну сторону – фигуру лидера: его психологические особенности, совершаемые поступки, знаменательные высказывания, характерные черты внешнего облика. Второй обязательной стороны феномена – фигуры ведомого (человек, группа, толпа) – долгое время как будто вообще не существовало. Начиная с работ Лебона, это положение стало меняться: анализ исторической роли и значения психологического качества «ведомости», подчиненности вошел в обиход научного исследования. Специфический подход Лебона к психологии толпы позднее был развит и усилен Гардом и Фрейдом. Суть его заключается в приписывании толпе исключительно иррациональных, разрушительных, примитивных, асоциальных мотивов и способов поведения.

Негативная оценка «ведомости» исследователями прошлого сколь-нибудь существенно не изменилась до настоящего времени. В любом современном руководстве по социальной психологии обязательно найдется раздел, посвященный психологии лидера, а описание ведомому в лучшем случае займет несколько строк. Многообразна и разнопланова феноменология малой социальной группы. Однако в литературе подробно рассматриваются преимущественно негативные стороны психологии группы: групповое давление, конформизм, неадекватное групповое мышление, деиндивидуализация. На уровне обыденного сознания уже в словах «толпа» и «масса» улавливается негативное отношение.

Исследование феномена лидерства во всей его полноте, проводимое нами в последние годы, позволяет критически переосмыслить массовые явления и их научную интерпретацию. Исторически сложившаяся эмоциональность в оценке психологии толпы должна смениться спокойной рациональностью. В тезисном плане выделим основные моменты:

1. Постоянно воспроизводимый упрек толпе за ее «без-умие» на самом деле констатирует одну очень важную и не замечаемую авторами вещь: толпа *создается только для действия*, а не для размышления. Проблема понятна всей толпе, всю предшествующую жизнь она не поддавалась решению и теперь, в конце концов, «надо же что-то *делать!*» В этом реальная сущность и адаптивный смысл толпы как социального явления – экстремальным действием «разрубить» проблемы, непосильные для отдельного члена толпы и длительное время не устранимые свыше.

2. Авторами не без безгливости описывается «заразительность» массовых эмоций. Московичи приводит цитату из Флобера, в которой

главный герой обнаруживает на себе действие психического заражения в толпе: «Он трепетал от нахлынувшего чувства безмерной любви и всеобъемлющего, возвышенного умиления, как если бы сердце всего человечества билось в его груди». Если без предвзятости оценить эту фразу, то она говорит о том, что именно в толпе (сообществе, группе) человек учится возвышаться над мелочными личными интересами, становится способен что-то делать для других людей даже вопреки своему страху, жадности, ленивости. Только чувства, пробуждаемые в группе (группой), ограничивают так называемый животный индивидуализм.

3. В литературе многократно описываются варварство, необузданность и жестокость действий толпы. Но отчасти это означает, что у этих людей а) длительное время практически безнадежно ущемлялись субъективно значимые потребности; б) другого способа удовлетворить эти потребности или хотя бы отреагировать связанное с ними напряжение как в уничтожении того, что хотя бы символизирует фрустратора, не было. Например, идея о том, что в лице пролетариата буржуазия невольно формирует своего могильщика, имеет два смысла. Первый часто обсуждается и осуждается: «могильный» характер (экспроприация, террор, ликвидация как класса и т.д.) всех революций достаточно очевиден. Но забывается второй, не менее важный смысл: ведь именно буржуазия последовательно сформировала себе не партнера, не помощника, не служащего, а могильщика. В этом плане попытки найти корни варварства толпы только в иррациональности ее души ничем не оправданы.

4. Исследователи часто отмечают эмоциональную и поведенческую лабильность толпы: взлеты и спады ярости или умиления, нарастание и ослабление массовых действий и т.д. Но и здесь «душа толпы» скорее ни при чем: массовость придает ощущения всемогущества и уверенности, благоприятствующие для нападения на субъективного противника. Его решительный отпор вызывает в толпе потерю указанных ощущений и последующее отступление или бегство. Как бы ни акцентировалось всеми авторами «безумство» (деинтеллектуализация) толпы, ее действительная адекватность ситуации четко выражается в том, что толпа ориентирована только на победу, а не на, к примеру, полное самоуничтожение. Толпа четко оценивает силу сопротивляющегося противника: если он решителен и силен – толпа отступает, если он проявляет хоть какие-то признаки неуверенности – напор толпы усиливается.

Психология толпы (и шире – психология «ведомости») нуждается в тщательном и непредвзятом исследовании. Отрывочное и зачастую искаженное отражение данного феномена в психологической науке более недопустимо. Разработка проблем психологии «ведомости» является, по

нашему мнению, путем вывода психологии лидерства из затянувшегося методологического кризиса.

Журавлев А.Л.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В настоящее время чрезвычайно дифференцировались представления о предмете социальной психологии. Стало адекватнее говорить о ее «предметном поле», нежели о предмете. Интеграция представлений выступает в 2 основных формах: соединение разных предметов в одном определении или его формулирование на абстрактном уровне (метапредмет). Прекращение дискуссий о предмете может свидетельствовать как о естественном сосуществовании различных представлений, так и об отсутствии продвижения в его понимании.

Наименее подвержены изменениям представления об основных объектах социальной психологии: личность, межличностное взаимодействие, малая группа, межгрупповое взаимодействие, большая социальная группа. Динамика относится прежде всего к соотношению частоты исследований различных объектов. Снижается «популярность» малой группы и возрастает – личности и особенно больших социальных групп и массовых психических явлений. По-прежнему социальная психология испытывает огромные сложности в исследовании общества, утрачивая специфику методов. Слабо разрабатываются также такие подсистемы, как: «личность-общество» (в отличие от «личность-малая группа») и «малая группа – большая социальная группа». Группы средних размеров совсем выпадают из поля зрения социальных психологов, отсутствуют даже методологические разработки по данному объекту.

Произошло существенное увеличение совокупности используемых методов в социальной психологии (исследовательских и особенно практических) за счет экспертных оценок и анализа ситуаций, деловых игр и групповой психотерапии, социально-психологического тренинга и фокус-группы и т.д. Особое место занял естественный эксперимент. Развитие лабораторного эксперимента сопровождается трудностями из-за проблемы репрезентативности данных. Литературный и публицистический анализы сохраняют свою полезность в социальной психологии.

Социальная психология, с одной стороны, достаточно отдифференцировалась от социологии, а с другой – интегрируется с ней по нескольким направлениям: использование некоторых общих методов (прежде

всего опросных), общие объекты (личность и группа), программы подготовки специалистов для практической работы (в промышленности, политике и т.д.). Происходит интенсивная интеграция с экономической и политологической науками. Явно недостаточным остаются взаимодействия с правовой и исторической дисциплинами и совсем отсутствует (и это наиболее непонятно!) – с этикой. Фактически изменяется статус социальной психологии в системе наук. Она становится смежной между психологической и общественными науками, порождая на границах с ними систему социально-психологических отраслей.

По ведущему методу теоретико-эмпирического анализа социальная психология усиленно дифференцируется на исследовательскую и практическую. Под этим процессом существуют объективные основания. Практическая социальная психология становится более независимой, удаляющейся от теории и все более компилятивной. Исследовательская социальная психология переживает период недостаточной востребованности, продолжая производить и накапливать научную продукцию. Учитывая принципиально разный характер деятельности, их интеграция испытывает колоссальные трудности.

Интенсивные изменения происходят и в сфере подготовки социальных психологов: возрастает естественный крен в подготовку практических социальных психологов, усиливается их инструментально-методическая подготовка, принципиально расширяется география такой подготовки, возрастает сходство с западными странами в подготовке социальных психологов.

Развитие социальной психологии происходит в первую очередь за счет ее «периферийных», пограничных зон. Ее «ядерное созревание» осуществляется заметно медленнее. Умножение совокупности социально-психологических отраслей и решаемых проблем не сопровождается порождением новых теоретических парадигм в социальной психологии.

Кузьмина Н.В.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б.Г.АНАНЬЕВА В СВЕТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА АКМЕОЛОГИИ

Борис Герасимович Ананьев оставил нам огромное духовное наследие, разбросанное в мелких и крупных публикациях, начиная с 1928 г., времени, когда он был еще студентом. Потом – очень важные теоретические статьи в период учебы в аспирантуре. В 28 лет (1935) он пишет знаменитую книгу «Психология педагогической оценки», а в 33 года

(1940) защищает докторскую диссертацию по истории психологии в России (опубликована в 1947 г.). Это огромное наследие еще не собрано, не систематизировано, не издано в собрании трудов.

Комплекс проблем, интересовавший Б.Г.Ананьева с выходом на практику, конспективно изложен им в монографии – завещании ученикам – «Человек как предмет познания» (1969). Однако, даже все написанное и опубликованное Б.Г.Ананьевым на протяжении жизненного пути, не может исчерпать всего им сделанного. Это можно сделать с учетом: а) времени, в котором он жил и творил сам; б) отношения к наследию В.М.Бехтерева и его последователям, репрессивных мер в отношении интеллигенции; в) созданных новых направлений в психологии его учениками при непосредственной его поддержке и участии.

При поверхностном взгляде на научное наследие Б.Г.Ананьева может удивлять большой разброс тем, проблем, аспектов. Однако все укладывается в два пересекающихся направления:

- жизненный путь человека от рождения до акмеозрелости и финиша, включая ближайшее и отдаленное окружение в семье, в образовательных организациях, социальных системах;
- системное исследование человека как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности, его самореализацию в поступках и продуктах творчества.

Стержневым, объединяющим все подсистемы свойством является творческая готовность к предстоящей деятельности, определяемая им, как способность. Критерием оценки уровня развития научной школы является выход в практику. В настоящее время в России имеют выходы в практику различные психологические школы и направления. Но наиболее глубокими, теоретически и экспериментально обоснованными являются два направления.

Московская школа психологов усилиями Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, Б.Д.Эльконина, В.В.Давыдова, П.Я.Гальперина, Н.Ф.Галызиной, В.Л.Занкова, Л.И.Бажович и их последователей имеет выходы в педагогическую практику, адресуясь преимущественно ребенку, подростку.

Петербургская школа психологов Б.Г.Ананьева тоже имеет выходы в педагогическую практику. Но ее главной задачей на фоне мирового научного сообщества психологов является выход в психолого-акмеологическую практику. Весь диапазон проблем, которыми занимался Б.Г.Ананьев, в конечном счете, был подчинен теоретикометодологическому и методическому обоснованию акмеологической службы, – целью которой является помощь зрелому человеку в решении его профессиональных и жизненных проблем, чтобы состояться в жизни, профессии, семье, видеть плоды своих трудов, приносящих радость и поль-

зу другим людям. Психологическая служба в современной школе не только решает многие проблемы в ней, но и порождает новые. Чтобы психологическая служба не была вновь отвергнута, она должна быть дополнена акмеологической.

Теоретические основы психолого-акмеологической службы заложены в трудах самого Бориса Герасимовича и его учеников – Б.Ф.Ломова, А.А.Крылова, Е.С.Кузьмина, В.В.Семенова, А.Л.Свенцицкого, Е.Ф.Рыбалко, Е.И.Степановой и других. Главные отличия школы Б.Г.Ананьева:

1. Целостный подход к изучению человека как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности на протяжении жизненного пути, т.е. от раннего детства, первых признаков самосознания, овладения речью до факторов творческого долголетия в преклонном возрасте.

2. Моделирование как базовый метод при группировке объектов исследования по признакам уровня продуктивности деятельности, позволяющий привлекать все другие, в том числе наблюдение, анкетирование, тестирование, анализ взаимодействия.

3. Дополнение методов научно-исследовательских научно-практическими. Только с помощью последних зрелые люди разных уровней продуктивности деятельности, стремящиеся понять причины своей низкой или малой продуктивности, могут в условиях заочного акметренинга помочь себе самим выйти на новые достижения.

Куницына В.Н.

СТАДИИ И БАРЬЕРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО НЕФОРМАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Межличностное неформальное общение – процесс, который идет по пути многочисленных планируемых и непланируемых контактов, накопления субъективно значимой, эмоционально окрашенной информации о другом человеке, выстраивания и стабилизации отношений, завершающихся психологической близостью как кульминационным пунктом развития доверительных отношений. С точки зрения доверительности можно представить процесс неформального межличностного общения как развертку, постепенный и последовательный переход от стадии к стадии при условии отсутствия преград в виде развития нежелательных личностных свойств и состояний, мешающих переходу от формального к неформальному и дружескому, приятельскому, интимному общению. Каждая следующая стадия возможна лишь при продуктивном преодолении барьеров, обусловленных наличием сильно выраженных и нежелатель-

ных для полноценного общения свойств личности. Этот процесс выглядит следующим образом. Стадии перехода к доверительному общению (в скобках свойства, мешающие переходу на следующую стадию):

1. Формальное общение (*шизоидность, аутичность*).
2. Неформальное общение (*отчужденность, подозрительность, некоммуникабельность вследствие личных проблем*).
3. Доверительное общение (*невротизация, застенчивость, низкое самоуважение, авторитарность*).
4. Контактность (*конфликтность, агрессивность*).
5. Коммуникативная совместимость (*сенситивность, чувство одиночества, неудовлетворенность отношениями*).
6. Коммуникативная успешность (*эгоцентризм, манипулирование*).
7. Психологическая близость, дружески-интимные отношения.

Свойства, являющиеся барьером для перехода на следующую стадию, были выявлены в ходе экспериментов 1986–1990 г.г.

Переломным моментом в формировании доверительности является контактность, которую мы определяем как способность вступать в психологический контакт, формировать доверительные отношения в ходе взаимодействия, основанные на согласии и взаимном принятии, обеспеченная владением навыками и умениями общения, саморегуляции, а также благоприятствующими контакту личностными свойствами.

Пахомова Т.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ АКТЕРА

Искусство театра, являясь художественно-образным воспроизведением действительности и специфическим способом ее познания, представляет собой неотъемлемую часть культуры современного общества. В определенной степени театр стал средством социального анализа, раскрывающим духовно-нравственные аспекты бытия, исследующим человека, отображая его во взаимоотношениях с действительностью.

Театр как модель реальной жизни обладает достаточным количеством неисследованных явлений, а личность актера – творческой единицы в структуре театра – сохраняет к себе устойчивый интерес не только зрителя, но и тех, кто находится в непосредственном контакте с ним в профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Предмет исследования – личностные особенности и профессионально-важные качества актеров. Объект – актеры (33 человека) Санкт-

Петербургского государственного драматического театра «Комедианты» и студенты второго курса Санкт-Петербургской театральной академии.

В качестве гипотезы выступило предположение, что представители актерской профессии обладают определенными личностными свойствами, выражающимися в противоречивости структуры личности, а ведущими личностными качествами актера являются его направленность на успех и стремление к реализации потенциальных возможностей.

Обследование проводилось с помощью следующих методик: наблюдение, 16-факторный личностный опросник Р.Кеттелла (форма С), модифицированный опросник карьерных ориентаций Э.Шейна, экспертная оценка эффективности деятельности актеров. Обработка данных производилась методами математической статистики (анализ средних величин по t-критерию Стьюдента, корреляционный и факторный анализы).

Интерпретация и анализ полученных данных позволили описать характерные особенности личности актера. Представителям актерской профессии свойственны чувствительность, тревожность, общительность, экспрессивность в общении и выражении эмоций, стремление к успеху и реализации потенциальных возможностей. Они обладают комплексом качеств, необходимых для профессиональной деятельности: эмоциональность, воображение, убедительность, заразительность, вера в предлагаемые обстоятельства, юмор, оригинальность мышления и др.

Стремление к успеху у актеров выражается не в общепринятом понятии карьеры и ориентации на успех. Эквивалентом понятия карьеры для актеров являются профессиональная компетентность и служение, подразумевающие постоянный творческий рост, развитие своего мастерства, успех у зрителя, признание критиков и коллег, высокий статус театра.

По результатам факторного анализа основными факторами структуры личности актера являются профессионально-важные качества, профессионально-личностный опыт, ориентация на успех, эмоционально-волевые особенности и склонность к творческому руководству.

Выявленные симптомокомплексы являются необходимыми и достаточными предпосылками для формирования и развития актера, как профессионала в своей сфере деятельности. Атмосфера актерского быта, условия работы и жизни, требования к профессии способствуют становлению именно такой структуры личности, и наоборот, личность с такими особенностями удачно вписывается в субкультуру актерской среды.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило известные литературные данные о своеобразии профессионально-личностных качеств актера и предрасположенности личности к данной профессии. Полученные результаты могут использоваться для оптимизации профотбора и совершенствования профессионализма актеров и студентов.

Рыбалко Е. Ф.

ОБ ОНТОПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕНИЯ

Социальные ситуации предъявляют человеку различные требования и могут оказывать не только положительное, но и негативное воздействие на его коммуникативные свойства. Изучение человека как субъекта общения, а также проблем и трудностей, с которыми он сталкивается при непосредственных контактах с людьми, представляет собой одно из основных направлений психологических исследований.

Онтопсихологический подход предполагает учет роли личностных и индивидуальных характеристик в формировании субъекта общения и в решении разного рода проблем, затрудняющих его социальные контакты. В свою очередь активность человека как субъекта общения является необходимым условием личностного и индивидуального роста. Личностные и индивидуальные свойства оказывают воздействие на различные элементы структуры субъекта общения в неодинаковой степени. На базовый элемент субъекта общения и его коммуникативный потенциал существенное влияние оказывают свойства индивида. У лиц с высоким коммуникативным потенциалом общение носит активный характер. В то же время им присущи эмоциональная стабильность, работоспособность и удовлетворенность общением. Лица с низким потенциалом характеризуются тревожностью, эмоциональной нестабильностью, утомляемостью, ориентацией на доверительное, избирательное общение и вместе с тем неудовлетворенностью общением в семейной жизни и профессиональной деятельности (Р.А.Максимова, 1981). Лицам с высоким и низким коммуникативным потенциалом присущ различный набор взаимосвязанных индивидуальных характеристик, которые усиливают коммуникативный потенциал или способствуют появлению проблем в общении.

Индивидуальные и личностные характеристики человека оказывают свое влияние и на процесс формирования вербальных и невербальных средств общения, поскольку их становление осуществляется в процессе социального взаимодействия людей с разными коммуникативными возможностями. Успешное разрешение одной из главных проблем общения, связанной с двойственной природой коммуникативной организации, также зависит от личностных установок и гуманистической направленности участников совместных действий.

Взаимосвязи субъекта общения с личностными и индивидуальными свойствами могут иметь не только положительный смысл, но и негативные последствия, затрудняя межличностные контакты. Личностное

влияние отрицательного характера на коммуникацию проявляется в застенчивости (Ф.Зимбардо, 1995; Е.А.Плеханова, 1997). Разрыв реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности приводит к возникновению чувства одиночества – многомерного сложного явления (Б.Г.Ананьев, 1969; У.А.Садлер и Т.Б.Джонсон, 1989; В.Серма, 1989).

Проблемы и трудности общения могут приобретать конфликтную форму. Причиной конфликтных ситуаций могут быть нарушения самого процесса общения (Д.Г.Скотт, 1991), а также личностные (Х.Корнелиус и Ш.Фэйр, 1992; Д.Дэн, 1994) и индивидуальные особенности человека (А.С.Белкин, В.Д.Жаворонков, Н.С.Зими́на, 1995). В этой связи имеющиеся классификации лиц, предрасположенных к конфликтам и создающих трудности в общении, включают как личностные, так и индивидуальные характеристики (Р.М.Бремсон и Д.Г.Скотт, 1991; В.П.Шейнов, 1997). Преодоление противоречий важно потому, что острые жизненные конфликты могут привести к состоянию стресса и к целостным изменениям личности (Б.Г.Ананьев, 1968). Главная стратегия разрешения конфликтов направлена на процедуру согласования (Н.В.Гришина, 1995). Основная роль при этом принадлежит человеку как субъекту общения.

Таким образом, для решения проблем общения могут быть использованы два основных пути: повышение коммуникативной компетентности человека как субъекта общения и оптимизация свойств его индивидуальной и личностной подсистем в соответствии с целями и задачами социального взаимодействия.

Снетков В.М.

ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В процессе активной трудовой деятельности человек опредмечивает, овеществляет результаты своего познания, свои идеи и замыслы, свои духовные ценности и способности. Вследствие этого на земле формируется окружающая среда, источником и проектировщиком которой был и является сам человек как коллективный субъект. Таким образом, имеется объективная окружающая среда, не зависящая в своём происхождении и изменении от сознания и воли человека, т.н. первичная, космическая среда обитания, а также вторичная, всё более расширяющаяся, антропогенная, но также объективная окружающая среда, которая создана по воле и замыслу человека (сравни «Вначале было слово»).

Величие и сложность обсуждаемой проблемы состоит в том, что человек сам создаёт себя, свою психику через антропогенную среду своего обитания. Создав орудие, человек создал сам себе руку. Создав антропогенную объективную среду, человек создает себя как личность. Таким образом, существуют актуальные проблемы:

- изучение структуры и процесса формирования антропогенного онтологического пространства;
- определение понятия «социально-психологическая система», в пространстве которой формируется и развивается человек;
- изучение механизмов влияния антропогенного пространства на развитие человека как природного и как социального явления;
- формирование научной методологии проектирования и управления развитием антропогенного пространства.

Для решения поставленных проблем предлагается ввести понятие социально-психологической (СП) системы. Социально-психологической мы называем такую систему, которая носит антропогенный, онтологический характер, и неотъемлемым, смыслообразующим атрибутом пространства которой является целостный человек. Именно человек придает смысл существованию любой социально-психологической системы. Можно выделить следующие уровни СП систем:

- отдельный человек, т.е. единичный человек в пространстве его развития и жизнедеятельности;
- различные временные или постоянные группы людей, массовидные явления в пространстве их существования и жизнедеятельности;
- различные государственные, общественные, промышленные, образовательные организации и территориальные образования (села, города, области, страны), включающие в себя человека;
- все человечество в пространстве планеты Земля.

Структура каждой СП системы, независимо от уровня включает в себя как минимум три элемента: человека, пространство, в котором он осуществляет свою жизнедеятельность, и социальную организацию, которая определяет правила взаимодействия человека с окружающим его пространством. Изменения, вносимые в СП систему должны безусловно нести проектный и системный характер, тем более если речь идет о разработке планов стратегического развития СП системы (государства, города или предприятия).

В качестве основных этапов в проектировании изменений СП системы предлагается рассматривать:

1. Осознание необходимости изменений в СП системе.
2. Подбор и обучение команды для реорганизации СП системы.

3. Моделирование – разработка концептуальной модели СП системы, позволяющей описывать основные элементы СП системы, сравнивать между собой различные СП системы, а также применять методы количественной оценки состояния как всей СП системы, так и ее элементов.

4. Нормирование – введение процедур и правил измерения или оценки развития СП системы, предполагающее:

- выбор определенных шкал и единиц измерения;
- выбор методов нормирования: нормативного, статистического, экспериментального, директивного;
- разработку и внедрение стандартов по всем выделенным и ключевым факторам и элементам СП системы;
- оценка финансовых и прочих затрат на изменение СП системы.

5. Нормативный – создание правовой основы для деятельности проектной группы, оценки и собственно изменения СП системы:

- утверждение внутренних стандартов СП системы по всем значимым (целям, финансам, срокам и пр.) и факторам, которые становятся нормативными показателями и критериями оценки ее изменения;
- оформление правовых, должностных и прочих документов, определяющих цели, сроки, права и обязанности, особенности оценки и контроля, объем полномочий и ответственности, а также иные необходимые параметры действий проектной группы и должностных лиц;
- определение и утверждение правил и процедур сбора, хранения и использования информационной базы данных по оценке и управлению изменениями СП системы.

Чикер В.А., Сольц Е.В., Жезмер Н.М., Джос П.

СТРЕСС И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ ПОДРОСТКАМИ

Актуальность исследования ситуаций жизненного стресса обусловлена реальными социальными условиями современного российского общества. Изменения нашего общества, появление рыночных отношений поставили перед россиянами острее психологические задачи, связанные с выживанием в новых условиях. В связи с этим чрезвычайно актуальным становится изучение ситуаций жизненного стресса.

Многочисленными исследователями показано, что течение стрессового состояния обусловлено влиянием медиаторных процессов независимо от того, каким стрессором они были вызваны. Этот опосредующий процесс, определяющий в конце концов степень удавшегося или не-

удавшегося приспособления, названный коппинг-процессом (Merrhy, 1962), стал предметом нашего исследования применительно к поведению российских подростков. Особый интерес представляют сегодня вопросы об особенностях современной российской стрессовой ситуации, переживаемой ими в социальной среде, а также вопрос об их оптимальной адаптации к этой ситуации. Важным моментом ситуации является вопрос о рекомендациях по преодолевающему поведению подростков.

Исследование, проведенное нами в 1997 г. в Санкт-Петербурге, является продолжением исследований, начатых по опроснику P. Jose в 1994 году. Он переведен и адаптирован на русский язык Н.М. Жезмер, В.А. Чикер и Н.В. Гейн. В исследовании приняли участие учащиеся девяти классов привилегированной Санкт-Петербургской гимназии в количестве 39 человек (21 девочка и 18 мальчиков). Был проведен частотный анализ, анализ средних величин, корреляционный и факторный анализ. Достоверность различий устанавливалась по точному методу Фишера.

Своеобразие современной социальной ситуации и культурные различия в восприятии действительности российскими и американскими подростками указывает на необходимость составления разных содержательных списков крупных и повседневных стрессовых событий. Важным моментом является изучение существующего в российской культуре пути формирования жизненного опыта индивида.

Показано, что подростки, адаптируясь к социальной деятельности, используют как эмоционально-фокусированные, так и проблемные стратегии преодоления трудностей. Главным источником, откуда черпаются силы для преодоления трудностей, является социальная поддержка – эмоциональная, информационная или реально поведенческая. Для девочек социальная среда оказывается более насыщенной эмоциональными событиями, имеющими стрессогенное значение. Для мальчиков эти переживания менее эмоциональны, а события представлены менее подробно.

Центральное место в стратегиях переживания стрессовых ситуаций играет оптимизм. Он лежит в основе позитивного восприятия мира и самого себя, формирует активные преодолевающие стратегии.

Результаты проведенного исследования имеют значение как для кросскультурных исследований, в рамках которых преодолевающее поведение российских подростков практически не исследовалось, а также для индивидуального консультирования подростков в целях их успешной социально-психологической адаптации и формирования эффективных стратегий преодолевающего поведения.

Шишкина О.В.

СОВРЕМЕННЫЕ СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Современные супружеские отношения, как известно, основаны прежде всего на духовной близости супругов, на совпадении жизненных взглядов и интересов, социально-психологической совместимости, от чего во многом зависит удовлетворенность супругов браком.

Мы изучали пары 133 супружеские пары в г. Улан-Удэ. Средний возраст мужчин – 39 лет, женщин – 38 лет, среднее количество лет в браке – 17 и 16 соответственно.

Исследование подтвердило установленный на других выборках факт, что в целом удовлетворенность браком у мужчин выше, чем у женщин. Женщины более ориентированы на семью, но менее удовлетворены ею, мужчины же наоборот. Это перекликается с данными зарубежных исследований: супружеское состояние обеспечивает физическое и душевное состояние мужчин, а также благотворно влияет на их деловые качества (J.M. Gottman, 1988, R. Levenson, 1993 и др.) Не случайно развод или вдовство у мужчин быстро завершается новым браком.

На первое место среди 18 терминальных ценностей (по Рокичу) как мужчины, так и женщины в нашей выборке ставят «здоровье», на второе – «счастливую семейную жизнь», на третье – «любовь». Дальше идут «материально обеспеченная жизнь» и «наличие хороших и верных друзей». Последнее место стабильно занимает ценность «развлечения», что позволяет отнести ее к отвергаемой. Мужчины все же ценят ее чуть выше, чем женщины. Таким образом, половые различия в терминальных предпочитаемых ценностях, как и предполагалось, несущественны.

В инструментальных ценностях наблюдается большая вариативность. На первом и втором местах у женщин и мужчин выступают ценности «честность» и «ответственность»; на третьем у женщин – «воспитанность», у мужчин – «жизнерадостность». Значимые различия обнаружилось в оценке честности, скромности, привлекательности, чистоплотности, воспитанности, образованности, широты взглядов, чуткости как значимых для семейной жизни качеств мужа, которые женщины оценивают выше. Мужчины же выше ценят как значимые для семейной жизни следующие качества жены: сила-выносливость, самообладание, самокритичность, независимость. Получается, что партнеры ожидают друг от друга качеств, присущих главным образом своему полу, так как известна характерная для женщин ориентация в большей степени на нравственно-этические качества, а для мужчин – на волевые.

Исключительно важными качествами супруга и супруги как мужчины, так и женщины считают верность-преданность и любовь к детям. Имеющими важное значение женщины считают доброту-отзывчивость, правдивость, искренность, умеренность в употреблении спиртного. Мужчины к важным качествам «подруги жизни» относят доброту-отзывчивость, уважение к родителям, честность, трудолюбие.

Что касается взаимосвязи ценностных ориентаций и удовлетворенности браком, то в отношении терминальных ценностей наблюдается положительная связь удовлетворенности браком у мужчин с ценностью «продуктивная жизнь», отрицательная связь с ценностью «наличие хороших и верных друзей», а высокая оценка «развлечений» и «счастья других» коррелирует с низкой оценкой удовлетворенности супругой, что представляется нам вполне закономерным. У женщин наблюдается положительная связь с ценностью «счастливая семейная жизнь». Относительно инструментальных ценностей интересным оказалось то, что у мужчин наблюдается отрицательная связь удовлетворенности браком с ценностью «честность», у женщин же, напротив, эта связь положительная, как и с ценностью «жизнерадостность».

Исследование показало, что различие в оценке супругами ценностей «друзья» коррелирует отрицательно с удовлетворенностью браком, а ценность «продуктивная жизнь» – положительно. У женщин не прослеживается зависимость между удовлетворенностью браком и различием в оценке инструментальных ценностей. У мужчин же выяснилась отрицательная связь удовлетворенности браком с различием в оценке ценностей «воспитанность», «ответственность» и положительная – с различием в оценке высоких запросов. Результаты исследования свидетельствуют, что уровень образования и количество детей не оказывают существенного влияния на удовлетворенность браком ни мужей, ни жен.

Щербаков А.Б.

ВЛИЯНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

В силу значительной удаленности общественно-политических явлений от непосредственно воспринимаемых индивидами событий реальной жизни и практики, знания о политических процессах оказываются фрагментарными и неорганизованными. В структуре политической установки недостаток информации нивелируется привнесением элементов оценки и отношения, которые становятся доминирующими установоч-

ными компонентами. Поэтому поведенческие модели, формирующиеся на базе такой установки, имеют яркую аффективную направленность.

Преимущество оценочно-эмоциональных или когнитивных характеристик политической установки требует обоснованного выбора стратегии ее изменения. Средства массовой коммуникации сегодня являются одними из главных источников формирования политических установок. По данным исследований, наиболее нестабильная часть электората более других следит за политическими телепередачами и читает политические статьи в газетах. Следовательно, средства массовой коммуникации являются источниками информации и влияния для людей, чьи политические установки слабы, неустойчивы или отсутствуют вовсе.

Модель вероятности обработки поступающей информации (Petty & Cacioppo, 1981, 1986) предлагает два пути изменения установки:

- центральный, включающий активный анализ информации с последующим негативным или позитивным изменением установки;
- периферический, изменяющий установки без привлечения когнитивной обработки, на основе простых аффективных средств оценки.

Центральный путь требует наличия у субъекта, воспринимающего сообщение, желания и способности принимать и активно обрабатывать поступающую информацию. Однако, как правило, мотивация к глубокой проработке отсутствует, а возможность проверки ограничена в силу лимитированности и крайней противоречивости информации, поступающей через каналы массовой коммуникации. Отметим также высокую персонифицированность в оценке политических процессов. Восприятие политических лидеров имеет характер стереотипичности, образности и подразумевает идентификационные явления.

Таким образом, изменение политических установок и процесс убеждения через средства массовой коммуникации происходят по периферическому пути, через использование простых намеков. Последние действуют на уровне аффекта и применяют эмоционально окрашенные образы в противовес когнитивному процессу в тех случаях, когда реципиент не готов к активной переработке и оценке информации, когда его политические установки слабы и плохо организованы, когда существует большой дефицит информации и времени.

Юрьев А.И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Российскую политику преследуют неудачи, обусловленные пополнением ее рядов людьми, не имеющими политического образования и воспитания. В стране властвует традиционное для России поклонение житейскому опыту и мудрости в противовес специальным политическим знаниям, умениям и навыкам. В результате, народу систематически навязывается мнение о том, что проблемы России сложны и неразрешимы.

В действительности из-за отсутствия профессиональной подготовки псевдополитики (может быть, блестяще разбирающиеся в какой-либо отрасли народного хозяйства) подменяют политическую деятельность ее имитацией. Имитация проявляется в том, что действия, которые необходимо выполнить на профессиональном уровне, подменяются реализацией психологических механизмов защиты.

Использование метода включенного наблюдения позволило соотнести конкретные практические действия политика с механизмами защиты, которыми эти действия подменялись. Когда политик не в состоянии выполнить свои обязанности, он пускает в ход имитацию в виде отрицания реальности, регрессии, формирования реакций и эмоциональной изоляции. Когда он не умеет выполнить свои обязательства, то в ход идут рационализация, идентификация, компенсация и разрядка. Когда он не знает, что делать, то проявляет интеллектуализацию, интроекцию, сублимацию и фантазию. Когда он не хочет исполнять некоторые действия, то вместо действий предъявляет подавление, проекцию, перемещение и возмещение. И, наконец, когда он не может исполнить свой долг, то пускает в ход репрессию, сочувствие, избегание и замещение.

Очевидно, что подобного рода замены действий на механизмы психологической защиты трудно обнаруживаются, но, что самое главное, они делают российскую политику бесперспективной в отсутствие специальной системы образования и воспитания политиков.

Глава 2. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ

Балин В.Д.

УТОЧНЕНИЕ ФОРМУЛИРОВКИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

По традиции, принято считать, что психофизиологическая проблема – это «проблема соотношений физиологического (точнее, нейрофизиологического) и психического» (Б.Ф.Ломов, 1984). На практике она чаще всего понимается как проблема объяснения психических явлений физиологическими законами. Неоднократные попытки решить эту задачу кончались тем, что рано или поздно ученые сталкивались с проблемой «гомункулоса». Это обстоятельство свидетельствует о том, что исследователи приходят к логическому тупику, а также о том, что непосредственно из физиологических законов психологические не вывести.

Если понимать психофизиологическую проблему как проблему соотношения двух групп явлений объективной действительности – физиологических и психологических, то это значит, что, во-первых, их надо рассматривать как равноценные, в известном смысле рядоположенные, а во-вторых, чтобы выяснить их взаимоотношения, на них следует посмотреть с более общих, общенаучных позиций.

Еще в 30-е годы австрийский математик и логик К.Гедель доказал несколько теорем о неполноте. Одна из них гласит, что если формальная система непротиворечива, то невозможно доказать ее непротиворечивость средствами, формализуемыми в этой системе. В закрытой системе высказываний всегда найдется такое положение, которое не выводится из аксиом данной системы. Формализация полностью не осуществима, всегда есть положения, недоказуемые в системе существующих аксиом.

Из сказанного следует, что «напрямую» согласовать законы психологии и физиологии невозможно. Чтобы решить эту проблему, надо сделать нашу систему (совокупность эмпирических фактов и законов) более обширной, не рассматривать ее как конгломерат физиологических и психологических явлений. Дабы согласовать между собой физиологические и психологические законы, необходимо выйти за пределы обеих дисциплин, решать эту задачу надо с общесистемных позиций.

Какую же идеологию следует взять в качестве опорной для решения обозначенной проблемы? На наш взгляд, для этих целей подходит идея самоорганизации, лежащая в основе синергетики. Эта категория носит

общенаучный характер. Многие закономерности, описанные в физике И.Пригожиным и его последователями, «работают» в психологии, физиологии и психофизиологии. В связи со сказанным актуализируется терминологическая проблема. Поскольку мы признаем, что для того, чтобы разрешить «конфликт» между психологическими и физиологическими описаниями, мы должны привлечь общенаучные законы и терминологию, в значительной степени обязанные своему происхождению физике, то проблема перестает быть только психофизиологической, а становится естественнонаучной, общенаучной, т.е. мы возвращаемся к старому ее обозначению – психофизическая.

Здесь возникают трудности другого рода. За последние полтора столетия термин «психофизический», «психофизика» поменял свой смысл и обозначает в сущности науку, изучающую сенсорные пороги. По этой причине пока возможно сохранить прижившийся термин «психофизиологическая проблема», но следует вернуться к старому, расширенному ее пониманию, имея в виду сделанные оговорки, и исходить из того, что это одна из основных естественнонаучных проблем.

Бордовская Н.В., Хулхачиева Г.И.

САМОУВАЖЕНИЕ КАК «СОЦИАЛЬНАЯ ВАКЦИНА»

В зарубежной литературе можно встретить много определений «самоуважения». Беднар, Уэллс и Петерсон определяют самоуважение как «субъективное и реалистичное самоодобрение». Они отмечают, что самоуважение отражает то, как человек видит и оценивает себя на самых существенных уровнях психологического переживания, и что самоуважение является постоянным эмоциональным чувством личностной ценности, основанным на правильных самовосприятии.

Бренден предлагает свой взгляд на самоуважение. Он предполагает, что самоуважение имеет два взаимосвязанных аспекта: чувство личной действенности (уверенность человека в его способности думать и действовать) и чувство личностной ценности. Согласно этим определениям, высокое самоуважение означает то, что человек высоко оценивает себя, убежден в своих способностях, чувствует себя компетентным и могущественным в контроле над собственным образом жизни. Ослабленное же самоуважение означает самоумаление, беспомощность, бессилие и депрессию (Мекка, Смелсер и Васконселлос). Низкое самоуважение сопровождается чувством сомнения относительно собственной ценности.

Анализ результатов исследований зарубежных психологов и педагогов показал важность самоуважения. Прежде всего, самоуважение является основной человеческой потребностью, необходимой для нормального психологического развития человека. Чтобы справиться с проблемами роста и развития, людям важно верить в свои способности и в то, что они заслуживают счастья в этой жизни. Влияние самоуважения особенно сказывается при выборе карьеры и принятии важных решений.

Высокое самоуважение вырабатывает у человека иммунитет к крутым виражам современной жизни. Разочарования и неудачи являются частью повседневной жизни. Жизнь не всегда справедлива, наши лучшие попытки не всегда оказываются успешными. В таких случаях высокое самоуважение помогает человеку «выдержать шторм». Когда же самоуважение ослаблено, то уменьшается и способность быстрого восстановления физических и духовных сил перед лицом жизненных напастей.

Самоуважение вдохновляет людей на достижение целей и на получение удовлетворения от этого. Достижение целей воспитывает самоуважение. Низкое самоуважение ограничивается уже достигнутым и знакомым, и это еще более ослабляет его. Чем прочнее самоуважение, тем лучше человек справляется с проблемами в личной жизни и на работе. Чем выше самоуважение, тем более честолюбивым будет человек и не только в отношении карьеры, но и с точки зрения того, что он надеется испытать в этой жизни – эмоционально, интеллектуально, творчески.

Для такого человека характерны благожелательность, справедливость в отношениях с другими людьми, уважение чувства собственного достоинства и уважение позиции и мнения других людей. Жизнеспособность и открытость для него более привлекательны, чем пустота и зависимость (Бренден). Хорошо развитое чувство личной ценности и автономия тесно связаны с добротой, великодушием, сотрудничеством и чувством взаимопомощи (Ватерман). Высокое самоуважение является одной из предпосылок личного счастья человека (Мейерс). В общем, оказывается, что самоуважение рассматривается как «социальная вакцина», придающая людям силы и служащая прививкой против широкого спектра саморазрушительного и социально нежелательного поведения.

Анализ научной литературы позволил сделать некоторые выводы о важности и влиянии самоуважения на развитие личности:

1. Семья – мощная сила в развитии самоуважения. Ранние годы особенно важны в создании «подлинного и постоянного самоуважения».

2. Высокое самоуважение родителей является решающим фактором в воспитании высокого самоуважения и действенности в детях.

3. Школа играет важную роль в развитии самоуважения учащихся.

4. Самоуважение и личные достижения могут быть или причиной друг друга, или влияют друг на друга.

5. Люди с высоким самоуважением реже замечены в саморазрушительном поведении, включая плохое обращение с детьми, алкоголизм, злоупотребление наркотиками, насилие и преступления.

6. Высокое самоуважение не может быть дано человеку другим извне. Человек сам должен выработать в себе чувство самоуважения.

7. Среди наиболее используемых терминов, необходимых для демонстрации высокого самоуважения, исследователями называются компетентность, настойчивость, уникальность, уверенность, духовность.

Василенко В.Е.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛЕКТА И ФРУСТРАЦИОННЫХ РЕАКЦИЙ

Проявление личности в поведении и деятельности во многом обусловливается интеллектуальным потенциалом человека. Учитывая роль интеллекта в структуре личности, можно предположить, что он будет иметь важное значение в ситуациях стресса, фрустрации. Интересно проследить динамику этих отношений в процессе онтогенеза.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи показателей интеллекта с особенностями реакций в ситуациях фрустрации на одном из начальных этапов – у детей младшего школьного возраста. Для решения поставленных задач использовались методика Векслера (WISC) и детский вариант экспериментально-психологической методики изучения фрустрационных реакций Розенцвейга. В качестве испытуемых выступили учащиеся 2-х классов средней школы № 463 Санкт-Петербурга: 30 мальчиков и 21 девочка.

Интеллектуальное развитие детей диагностируется на уровне выше среднего. Невербальный интеллект превышает вербальный. У мальчиков показатели интеллекта выше, чем у девочек, но эти различия недостоверны. Преобладающее направление реакций детей – экстрапунитивные, внешнеобвинительные реакции. Доминирующий тип реакций – самозащита. Реакции девочек более разнообразны. Корреляционный анализ выявил достоверные связи между показателями интеллекта и фрустрационных реакций. У девочек их количество значительно больше. Направления и типы реакций коррелируют как с общим, вербальным и невербальным показателями интеллекта, так и с оценками отдельных субтестов: экстрапунитивные реакции имеют отрицательные связи с интел-

лектом, а интропунитивные – положительные. Импуниитивные реакции оказались положительно связаны с успешностью выполнения словарного субтеста. Это говорит о том, что чем выше уровень интеллекта, тем больше вероятность безобвинительной и самообвинительной реакций и тем меньше – внешнеобвинительной. Положительно связаны с уровнем интеллекта реакции с фиксацией на удовлетворении потребности. Важную роль здесь играет наличие арифметических, аналитико-синтетических способностей и развитого пространственного воображения, т.е. компонентов математических способностей. Типы реакций с фиксацией на препятствии и самозащите связаны с показателями интеллекта отрицательно. Из корреляций с отдельными субтестами интересно отметить положительные связи с общей осведомленностью и понятливостью.

Таким образом, в ситуациях фрустрации младшим школьникам свойственны экстрапунитивные, внешнеобвинительные реакции, главную роль в которых играет защита своего «Я». Организующая функция интеллекта на данном этапе проявляется в том, что высокий уровень интеллектуального развития позволяет детям найти адекватный способ разрешения фрустрирующей ситуации, направленный на удовлетворение потребности и не связанный с агрессивным поведением.

Васильева Н.В., Плебанек О.В.

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ КАК ПРИНЦИП ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КУЛЬТУРЫ

В последнее время растет интерес к относительно новой научной и учебной дисциплине – культурологии. Ценность новой концепции общественных наук несколько снижается тем, что нет единого подхода к ряду основополагающих понятий, нет единой научной парадигмы культуры. Между тем, разнообразие подходов имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Среди главных недостатков такого состояния в науке является то, что зачастую противоположным образом оцениваются одни и те же явления и факты. А в случае с культурологией следствием различных подходов являются и разные, иногда взаимоисключающие прогнозы и рекомендации. Одной из таких проблем, нуждающихся в разрешении, является создание адекватной типологии культур.

Существующие типологии культур опираются на различные концепции культурного развития, которые можно свести в основные парадигмы – линейного общественного развития и культурного полицентризма. Концепция линейного развития и вытекающие из нее типологии

культур уже достаточно критиковались в современной научной литературе. Однако типологии культур, восходящие к М.Веберу, А.Тойнби, П.Сорокину, О.Шпенглеру и другим ученым, сторонникам концепции культурного полицентризма, также достаточно противоречивы. Разрешить проблему может использование методологии естественных наук.

Уже К.Г.Юнг выделил психологические типы, которые связал с культуральными различиями, называя их «восточным» и «западным» типами мышления. После разработки Р.Сперри проблем межполушарной функциональной асимметрии мозга ясно обозначается сходство особенностей когнитивного стиля и типов мышления, с одной стороны, и культуральных особенностей мышления и типов культуры – с другой.

Для краткости именуя когнитивный стиль, определяемый функционированием одного из полушарий, правополушарным и левополушарным мышлением, обозначим особенности мышления обоих типов. Левополушарное мышление – это рациональное, аналитическое, вербальное, логическое, знаковое мышление. Для него характерна дискретность, категориальность, номинативность. Оно так организует материал, что может извлечь только однозначный контекст, являющий из себя логическую структуру. Преобладает аналитический способ освоения действительности, сукцессивная стратегия. В деятельности доминирует активный компонент, способность к экспериментальному познанию мира. Временной аспект характеризуется направленностью в будущее. Законы этого типа мышления описываются формальной логикой.

Правополушарный тип мышления – образно-чувственный. Это целостное мышление, для которого характерны континуальность, симультанность. Это интуитивные, иррациональные способы познания. Правополушарный тип диагностируется преобладанием в языке прилагательных, а в мышлении – оценочных категорий. Временной аспект – направленность в прошлое. Законы этого мышления еще не изучены.

Эта схема различий детально совпадает с культуральными особенностями мышления Запада и Востока. Для Запада характерны интеллектуализм, логико-символическая структура познания, атомарный характер языка, преобразующее отношение к природе, направленность в будущее и прогностическое мышление. Следствием этого является преобладание точных наук и возникновение технической цивилизации. В социальной сфере активность и дискретность формируют ощущение равенства, чувство индивидуализма, агонизм (соревновательность) в межличностных взаимоотношениях. Доверие к фиксированным нормам права соотносится с однозначностью восприятия мира.

На Востоке в сфере познания превалирует интуитивизм, иррационализм, дескриптивность. Выражением этого является целостность иерог-

лифического знака. Мир воспринимается как целое, каждая часть которого голографически повторяет свойства этого целого. Взамен стремления к преобразованию природы – созерцательность, стремление к адаптации, принцип ненарушения целого. Результатом такого мировосприятия и мышления явилась нетехническая цивилизация или, как ее иногда называют, духовно ориентированная цивилизация Востока. Познание направлено на постижение единой высшей сущности. Именно поэтому «Все религии с Востока». В социальной сфере это порождает принцип приоритета общественных целей и безразличие к личности.

Таким образом, если понимать под цивилизацией не уровень общественного и технического развития, а совокупность социокультуральных характеристик, то различия в способах мышления, порожденные функциональной асимметрией полушарий головного мозга, точно совпадают с глобальными цивилизационными различиями.

Грачев А.А.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНЖЕНЕР

Социальную инженерию предлагается понимать как область практического знания, позволяющего формировать и корректировать среду жизнедеятельности человека, включенного в социальную организацию, и реализующегося в процессе социального управления, ориентированного не на организационные цели, а на удовлетворения жизненных интересов членов организации.

В основе социальной инженерии лежит операциональная модель жизненных интересов человека, реализация которых выступает целью социального управления. В качестве таковой можно принять модель жизненных ориентаций человека, основанную на принципах гуманистической психологии, в соответствии с которой человек ориентирован на удовольствие, самореализацию и самосовершенствование.

Особенности ориентации на удовольствие: а) существование отставленного во времени результата, ведущего к удовольствию; б) стремление максимизировать полезность результата и минимизировать затраты; в) оценочность; г) стремление к состоянию комфорта как идеальному; д) построение функциональных образов, обеспечивающих достижение цели; е) метафорическое обозначение ориентации как «взять», «обладать».

Особенности ориентации на самореализацию: а) стремление человека реализовать в своем поведении потенциал – когнитивный, коммуникативный и практический; б) стремление не минимизировать, а произ-

водить затраты на верхнем уровне своего потенциала; в) стремление к «ощущению потока» как идеальному; г) безоценочность поведения; д) эгоцентризм; е) метафорическое обозначение ориентации как «быть».

Особенности ориентации на самосовершенствование: а) выход за пределы собственного «Я» и вхождение в некоторый объект в системе координат общегуманистических идеалов (добро, истина, красота); б) трансформация человека в процессе такого вхождения; в) построение образов на основе доминирующего идеала (ощущение истины, принятие другого таким, какой он есть, ощущение гармонии); г) использование разных систем координат при построении образов; д) метафорическое обозначение ориентации как «служить», «отдать себя».

В жизни человека должны быть выражены все три ориентации, что определяет полноту человеческой жизни. Помощь в реализации всех трех жизненных ориентаций человека определяет психотехнический и социотехнический аспекты социальной инженерии.

Основу психотехнического аспекта может составить модель потребностей А. Маслоу со следующими дополнениями: а) разнесение потребностей по трем жизненным ориентациям; б) дифференциация потребности в самоактуализации с учетом ориентации на самосовершенствование; в) дополнение списка потребностей потребностью во влиянии (в доминировании и подчинении). Такое понимание позволяет определить функции существующих в настоящее время психотерапевтических техник и моделей управления без их внутреннего противопоставления.

Основу социотехнического аспекта социальной инженерии может составить (с учетом моделей Херцберга и социологических ценностных) модель среды жизнедеятельности человека как члена социальной организации, описывающая организационные (смысл результатов деятельности, оценка и оплата результатов, содержание и условия деятельности, возможности статусного роста) и внеорганизационные компоненты (семья, материальные условия жизни, общение вне семьи).

Когнитивный аспект социальной инженерии состоит в формировании образов среды и ситуаций жизнедеятельности человека с учетом их: а) полноты; б) непротиворечивости; в) относительной самостоятельности и стабильности (регуляция поведения на основе построения и проигрывания сценариев своей собственной жизни); г) иерархичности, связанной со смыслом жизни; д) символичности (реализация жизненной ориентации на уровне образа – без реализации в поведении).

Выступая в роли социального инженера и удовлетворяя жизненные интересы человека, психолог организует свою жизнедеятельность по критерию добра. Если при этом он удовлетворяет все свои жизненные

ориентации, то такая деятельность организуется по критерию любви, так как в любви реализуются все три жизненные ориентации.

Дерманова И.Б.

СТРУКТУРА ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Совокупность ценностных ориентаций человека определяет содержательную сторону направленности личности, детерминирует отношения человека к окружающему миру и самому себе, составляет основу его мировоззрения. Особое место среди всего множества ценностных ориентаций занимают моральные ценностные ориентации. Именно они являются наиболее значимыми при общении с другими людьми и вынесении оценки о личности другого.

Взаимодействуя с человеком, мы стремимся узнать, можно ли на него положиться в сложных ситуациях. В народной лексике сложилась речевая форма для оценки степени надежности человека «возьму ли я его с собой в разведку?». Она представляет собой интегральную характеристику со многими входными параметрами, не последнюю роль среди которых играют именно нравственные ориентиры оцениваемого человека.

Однако количество нравственных (моральных) ценностей, выработанных человечеством в процессе его истории, достаточно велико. Кроме того, их содержание в значительной степени соотносится с историческими условиями и культурой данного общества. В зависимости от этнических, социальных и культурных причин совокупность и структура ценностных ориентаций могут значительно различаться в разных группах и обществах и даже у разных людей. Поэтому ответ на вопрос, заданный выше, может быть прямо противоположным.

Можно сформулировать гипотезу о том, что все множество нравственных ценностей, норм, оценок, принципов и т.д., включая моральные качества человека, могут быть соотнесены с небольшим количеством «интегральных» нравственных ориентаций. Эти ориентации играют роль базовых оснований нравственности, характеризующих общую культурную и психологическую установку. Так, для европейца таким базовым основанием является, как считают философы, гуманизм.

Какова же базовая ценность российского человека? Ответ на этот вопрос требует серьезного эмпирического исследования. Пока же можно предположить, что сейчас сложно найти такую основу для всего нашего общества. Оно – разобщено. Нравственные ориентиры абсолютно разные, что создает картину их неопределенности на уровне целого.

Езан С.В.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНОГО ОБРАЗА

Хорошо известно, что в психическом образе всегда присутствует момент субъективно-личностной пристрастности (С.Л.Рубинштейн, 1959; А.Н.Леонтьев, 1975; Д.А.Леонтьев, 1988 и др.), которую создает личностный смысл (А.Н.Леонтьев, 1975). Отчетливее всего это проявляется при восприятии хорошо знакомых людей (Д.А.Леонтьев, 1988), а также в семейной жизни (Т.В.Дубинина, 1995). Личностный смысл является характеристикой образа (Д.А.Леонтьев, 1988; А.М.Эткинд, 1979). Характеристикой, раскрывающей личностный смысл человека, являются его отношения (В.Н.Куницына, В.Н.Панферов, 1992). Отношения могут быть познавательными, волевыми и эмоциональными (В.Н.Мясищев, 1960), при этом ведущими среди них являются эмоциональные отношения (В.Н.Мясищев, 1960; А.А.Бодалев, 1994). Таким образом, основной составляющей личностного смысла, а через него и образа, презентующего этот личностный смысл в сознании, являются эмоции.

У А.В.Запорожца и Я.З.Неверовича встречается понятие, близкое к понятию личностного смысла – эмоциональные образы в структуре, в которых значительное место занимают особо значимые для субъекта объекты, события, отмеченные ярко выраженным личным отношением (А.В.Запорожец, 1986). К этому же понятию прибегает и А.М.Эткинд (1979). Применительно к сфере межличностных отношений можно сказать, что образы хорошо знакомых людей всегда являются эмоциональными. Ведущую роль в этих образах играют эмоции, так как именно они презентуют значимость объектов.

Таким образом, социально-перцептивный образ обладает особым личностным смыслом и, следовательно, является эмоционально насыщенным. Степень этого насыщения в каждом конкретном случае может быть различной. Это связано с тем, что потребности, мотивы, ценности в разных ситуациях могут иметь различную степень актуализации. Социально-перцептивный образ определяется и выраженностью эмоционального компонента, т.е. чем значимее со временем становится объект (другой человек) для воспринимающего человека, тем эмоционально насыщеннее делается образ этого объекта и тем более преобладающим в структуре этого образа становится его эмоциональный компонент.

Также можно предположить, что значимость в сознании человека отражается в зависимости от «сложности» эмоциональной сферы человека: чем она богаче, тем сложнее строение и содержание, которое при-

обретает в сознании образ, опосредованный личностным смыслом. Кроме того, значимость социального объекта сама способна определять сложность образа. Это происходит таким образом, что чем значимее в каком-либо отношении является объект, тем дифференцированнее становится его образ. В этом плане интересна точка зрения А.И.Палея, который объясняет обнаруживаемую в экспериментах большую детальность, дифференцированность оценок непривлекательных людей по сравнению с людьми привлекательными, стремлением избежать конфликтов в общении при помощи тщательного изучения людей, с которыми эти конфликты более вероятны (А.И.Палей, 1982).

Итак, мы полагаем, что «сложность» социально-перцептивного образа определяется в первую очередь «сложностью» эмоциональной. Чем значимее объект, тем эмоционально сложнее образ. Относительно же интенсивности эмоций можно сказать, что чем они интенсивнее, тем менее дифференцированнее образ. Это происходит именно так, поскольку доминирующая эмоция концентрирует восприятие человека лишь вокруг какой-либо определенной, ограниченной области.

Калягина Г.В.

ПРОБЛЕМЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

Разработка проблем биологического и социального в психике человека имеет кардинальное значение для психологии. Она является необходимым условием построения целостного представления о психике человека, понимания ее сложности и противоречивости. Огромное значение она имеет и для решения задач прикладного характера.

Этот вопрос решается в нескольких сферах. Изучается физиологическая система обеспечения психической деятельности человека, соотношение биологических и социальных факторов психического развития индивида, психологические аспекты проблемы антропогенеза.

Две последние задачи наиболее продуктивно решаются с помощью сравнительного метода исследования, ставшего основой целого научного направления, именуемого «сравнительная психология». Становление и развитие этого направления на факультете психологии было инициировано Б.Г.Ананьевым, который считал необходимым развитие идей В.А.Вагнера, касающихся влияния филогенетических факторов на процесс социализации личности. Созданное на факультете направление смогло избежать многочисленных ошибок предшественников, которые

заклучались в необоснованном преувеличении роли одной из групп факторов. Суть этой важнейшей проблемы не в том, природное или социальное в большей степени определяет психические особенности индивида, а в том, как эти две сферы психики сосуществуют, каково их взаимовлияние. В этом плане все возникающие проблемы можно условно разделить на два уровня: теоретический и прикладной.

В теоретическом аспекте важно конкретизировать всем известное положение о том, что биологическое является необходимой основой социального развития. Под биологическим в данном случае подразумевается филогенетический опыт. Работы В.А.Вагнера, Л.С.Выготского, а затем и Б.Г.Ананьева, Н.А.Тих, Ю.Г.Трошихиной положили начало таким исследованиям, и сейчас сравнительная психология достигла в решении этой проблемы определенных успехов.

Далее, важно определить, как сосуществуют две такие различные по своему происхождению и развитию сферы психики человека. Кардинально отличаются они и по функциям, являясь изначально антагонистами. Биологическая часть представлена психикой центрированной, единственной функцией которой является удовлетворение биологических потребностей (только на себя и для себя).

Децентрированная с помощью сознания сфера высших психических функций человека дала ему иной вектор активности – на другого человека и общество, на необходимость согласовывать свои потребности с требованиями общества. Изначально в психике заложен конфликт между «хочу» и «надо». Это служит причиной многих жизненных проблем.

В прикладном аспекте важно иметь в виду, что данное природой невозможно скорректировать. Социальные факторы развития не устраняют биологические, они лишь в некоторой степени могут их преобразовать, включая в социально приемлемые формы поведения.

Круг проблем, поднимаемых сравнительной психологией, ясно очерчен и основные положения не встречают возражения. А вот в решении конкретных задач разные научные направления идут своим путем.

Карсаевская Т.В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАРТИНЫ МИРА

На пороге нового тысячелетия все шире осознается научная потребность выработки адекватного с точки зрения парадигмы устойчивого развития мировоззрения. Все чаще высказывается мнение, что настало

время распрощаться с монопольным видением мира, базирующимся на физикалистском мировоззрении со свойственным ему типом рациональности. Все более широкое осознание наступившей сегодня поворотной точки истории приводит к интересным поискам новой картины мира. Новое видение природной среды и механизма взаимодействия с ней все чаще осуществляется в русле «природной интерпретации» истории в системе взаимоотношений природы и общества. Вектором новой картины мира становится переход от антропоцентризма к биоцентризму.

Одну из инновационных попыток разработки нового образа науки, соответствующую новому типу рациональности, представляет капитальная междисциплинарная концепция биофилософии и биофилософской картины мира. В этой новой картине преодолевается асимметрия отношения человека, как бы стоящего над природой. В биофилософской картине мира история предстает как грандиозный единый, непрерывно протекающий планетарный процесс, а идея коэволюции оказывается новой общекультурной установкой, позволяющей осмыслить взаимоотношения человечества с природой. Интересный опыт «переоткрытия» истории содержит геополитическая концепция А.Дугина. В русле таких идей разрабатывает концепцию биополитики греческая исследовательница А.Влавианос-Арванидис. По мнению С.П.Капицы, С.П.Курдюмова, Г.Г.Малинецкого, в современных условиях, решающим становится демографический фактор устойчивости (в русле идей Л.Н.Гумилева).

Социальный контекст формирования новой, более широкой картины мира, ставящей развитие общества в зависимость от ценностей выживания и стабильности, требует переоценки сложившейся иерархии типов культурного опыта, в которой до сих пор доминирует евроатлантическая прогрессионистская парадигма, а также мобилизация всего множества остальных, в том числе традиционных типов социального развития. Для такого открытого общества, по определению Дж.Сороса, «будут приемлемы любые вариации азиатских или каких-либо иных ценностей».

Все большую популярность приобретают поиски новой концептуальной модели «общества нематериальных ценностей» (В.С.Степин, В.Толстых, 1996), базирующейся на признании приоритета плюрализма региональных этнокультурных моделей социального и экологического поведения людей, равенства социокультурных ценностей индустриальных и традиционных путей цивилизационного развития (Койяма, Гиддинс и др.), на новом типе соединения принципа свободы и социальной справедливости (А.Печчеи). Взамен линейной, подчиненной непреложным закономерностям концепции исторического процесса должна быть создана такая парадигма истории, в которой была бы учтена тенденция взаимовлияния культур (А.Панарин, 1997).

Левченко Е.В.

ИДЕЯ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ М.БУБЕРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

В философской антропологии М.Бубера (1923) идея отношения является ключевой. Вхождение в отношения рассматривается как условие развития сущности человека. Человек изначально предрасположен быть соотношенным с миром: философ говорит о со-бытии человека и мира, об их со-поставленности. Эта соотношенность двойственна и существует в двух качествах, обозначаемых как «Я–Ты» и «Я–Оно». В сопоставлении этих основных слов и раскрывается сущность отношения. Связь «Я–Оно» потенциальна, обращена к прошлому, образует мир опыта. Связь «Я–Ты» актуальна, существует в настоящем, создает мир отношения. Мир «Оно» объектен, рационален, упорядочен, оформлен. Связь «Я–Оно» является субъектно-объектной. Она возникает как результат исчерпанности отношения – связи «Я–Ты»: объект – это «отсутствие отношения».

Источник основного слова «Я–Ты» – природная взаимосвязь. Отношение между «Я» и «Ты» возникает раньше, чем выделяются и оформляются соотносящиеся стороны: Я «вышло из отношения», из отношения выходят и разделенные и оформленные, противостоящие субъекту вещи. Возникающая и развертывающаяся взаимосвязь, обозначенная словом «Я–Ты», – симметрична. Каждая сторона субъектна, активна, устремлена навстречу другой и одновременно готова испытывать ее воздействие.

«Я» подступает к миру. Но и вещи, идеи не пассивны. Они подступают к нам. Пред-стоящее – «живое воздействующее», обладает силой. Не только «Я», но и соотносящаяся с ним сторона готова к тому, что М.Бубер называет встречей. Эта метафора означает, во-первых, что возникающее отношение непосредственно, что прошлый опыт и предшествующее знание не вмешиваются между «Я» и «Ты», не подготавливают и не предвосхищают их соединение. Во-вторых, встреча не зависит от воли одной из сторон: она произвольна, она случается. В-третьих, каждая сторона проявляет себя в отношении как целое. В «наивысшей Встрече» обе стороны обретают нечто новое, приращенное. Каждая из сторон в отношении проявляет себя как «действующая цельность».

В концепции М.Бубера человек рассматривается как обладающий тройным жизненным отношением, включающим в себя отношение к миру и вещам, к людям (к отдельному человеку и множеству людей) и к духовным сущностям. Реализация человеком своей природы в действи-

тельной жизни – это придание сущностного характера всем основным отношениям. В том случае когда не все, а лишь отдельные отношения выступают как сущностные, реализация невозможна.

Подход М.Бубера представляет значительный интерес для отечественной психологии, поскольку он основывается на феноменологии отношения. Существуют перспективные возможности психологической интерпретации каждой из трех составляющих жизненного отношения. Первая возможность связана с анализом исходного для психологического рассмотрения отношения человека к миру вообще. Она определяется тем, что имеется целый ряд отечественных психологических концепций высокого уровня обобщенности, авторы которых исходят из понимания психического и его сущности как отношения (Н.Я.Грот, М.М.Троицкий, В.М.Бехтерев, А.Ф.Лазурский, М.Я.Басов, В.Н.Мясищев). При анализе отношения они делают основной акцент на идеях субъектно-объектной связи, активности и целостности. Вторая возможность касается сферы социальной психологии и обусловлена трактовкой отношения как идеи социальности (диалогичности). Эта линия исследования близка идеям интересубъектного подхода, оформившегося в отечественной социально-психологической науке под влиянием работ А.А.Ухтомского и М.М.Бахтина. Третья возможность связана с разработкой проблем психологии духовного развития человека. Имеется значительное сходство взглядов М.Бубера и положений философской психологии С.Л.Франка, содержащихся в работе «Душа человека» (1917). Для психологического познания эвристичность идеи отношения в трактовке М.Бубера состоит в обосновании необходимости их интеграции для развития психологической антропологии и познания сущности психического.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 98-06-08218).

Лоскутов В.В.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ВОЛЯ ?

1. Природа воли всегда казалась необыкновенно загадочной и была камнем преткновения для философской и психологической мысли. Считается, что «понятие воли в современной психологии в большей мере *житейское*, чем научное» (В.А.Иванников, 1991).

2. Если мы спрашиваем, что такое воля, то ответ такой: не знаем. Если мы не спрашиваем, что такое воля, то мы знаем, что такое воля. Этим

мы хотим сказать, что нам хорошо известна воля, как *конкретное* явление, дать научный ответ о сущности воли мы не в состоянии.

3. Попытки научной психологии связать воедино познавательную (отражательную) природу психики и ее активность до сих пор терпят неудачу. Психика как отражение действительности и психика как активность оказываются метафизически оторванными друг от друга.

4. На одном полюсе оказалась бездейственная созерцательность. На другом – действенная сторона сознания, оторванная от отражения действительности и поэтому воплощенная в особом самостоятельном деятеле – *воле*, которая трактуется причиной деятельности и активным началом сознания. Сознанию выпадает функция абсолютной свободы.

5. В рефлেকторной концепции И.М.Сеченова содержится отрицание самостоятельного психического процесса, – воли, воплощающей в себе отчлененную от других психических процессов активность. Воля как особая сущность есть «психологическая фикция». Действия наши управляются не призраками, вроде свободной воли, а мыслью и чувством.

6. В вопросе о воле радикальную позицию занимает В.А.Иванников, – один из немногих исследователей воли и психологических механизмов волевой регуляции с точки зрения концепции деятельности. Он пишет: «вначале мы допускаем наличие особых способностей или психических функций, а затем вынуждены признавать, что ни одна из них самостоятельно своих задач не решает»... и продолжает, что «обилие гипотез при отсутствии заметного прогресса в выделении психической реальности, соотносимой с термином «воля», вряд ли является случайным. Дело скорее всего в том, что такой реальности просто *не существует*».

7. У.Джемс считал, что воля есть *отношение* сознания к идее о действии. Отношение задано только тогда, когда налицо имеется два компонента: сознание, включающее в себя и мысль и чувство, и какая-либо идея минимум о двух действиях, каждое из которых может быть реализовано только путем задержки двигательного эффекта первоначальной мысли или влечения. Отсюда вытекает, что произвольное действие есть продукт сочетания влечений и задержек, что требует задания отношения между «личным я» (душой) и идеей, т.е. воли. Следовательно, воля, понимаемая как отношение, не является какой-то особой сущностью, самостоятельной субстанцией. Такой воли действительно не существует.

8. Всегда подчеркивалась органическая связь воли с сознательными процессами. Воля рассматривалась как *практическое* сознание, производящее изменение и преобразование внешнего мира, как отражение собственной практики (В.И.Селеванов, 1952). Но хорошо известно, что на вопрос, существует ли сознание как некая сущность, ответа нет: «сущность эта вымышлена, тогда как мысли о чем-то конкретном впол-

не реальны» (У.Джемс, 1912). Поэтому и в этом плане говорить о существовании особой психической активности, т.е. воли, не приходится.

9. Неудовлетворительность положения с волей в современной психологии является общепризнанной. После периода многочисленных экспериментальных и прикладных исследований различных аспектов воли к 30–50-м годам наблюдается падение интереса к этой проблеме. Проблема воли почти полностью переносится в область изучения мотивов и мотивационных механизмов. На место воли ставится понятие мотива.

10. Понятие мотива начинает использоваться в качестве объяснительного принципа по отношению к разным психологическим явлениям и закономерностям. Но при этом собственное психологическое содержание понятия мотива, как и воли, остается многозначным. Чтобы понятия «мотив» или «воля» можно было использовать как объяснительные, они сами должны быть объяснены. Если этого не сделано, то понятие утрачивает эвристическую силу как объяснительного принципа.

11. Проблема воли – это вопрос о содержании воли: о том, какие мотивы и цели являются для нее определяющими; о ее строении; о том, как реально складываются соотношения между личностным и всеобщим.

12. Если воля выступает как активная сторона психических процессов, регулирующих сознательные действия, то индивидуальная воля – это обозначение некоторых серий опыта, связанных между собой определенными переходами, а объективная реальность представляет собой подобные ряды опыта, но связанные переходами иного рода.

13. Воля и познание, опираясь на единство субъективного и объективного, по-своему разрешают внутреннее противоречие между ними. Преодолевая одностороннюю субъективность идеи, *познание* стремится сделать идею адекватной объективной действительности. Преодолевая одностороннюю объективность этой последней, практически отрицая ее мнимую абсолютную разумность, *воля* стремится сделать объективную действительность адекватной идее.

Мазилев В.А.

О СООТНОШЕНИИ ТЕОРИИ И МЕТОДА В ПСИХОЛОГИИ

Б.Г.Ананьев большое внимание уделял исследованию методологических вопросов психологической науки. В частности, им была разработана современная классификация методов научной психологии. В свете продолжения исследований, начатых Б.Г.Ананьевым, представляется важным вопрос о соотношении метода и теории. Характеризуя интерпретационные методы, Б.Г.Ананьев сделал важный вывод, согласно ко-

тому на этом уровне исследования «метод становится в известном смысле теорией», определяя путь формирования концепций и новых гипотез. Связь метода и теории в психологии несомненна. Многие авторы даже утверждают, что можно говорить о единстве теории и метода (Б.Ф.Ломов и др.). Механизм их связи изучен недостаточно. Исследование этого вопроса тем более важно, что многими авторами вопрос как бы «выносится за скобки», поэтому выпадает из поля внимания.

Историко-методологическое исследование использования методов в психологии второй половины XIX века показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. Было проанализировано использование методов интроспекции и эксперимента в психологии второй половины XIX – начала XX вв. (становление психологии как самостоятельной науки).

Давно известно, что существуют различные разновидности и модификации данного метода. Показано, что структура интроспекции или эксперимента как эмпирического метода во многом определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Между теорией и методом действительно существует тесная связь, которая достигается за счет того, что теория, как результат исследования, и метод, как средство осуществления исследования, имеют общие корни.

Общие корни, обеспечивающие единство теории и метода, могут быть обнаружены в предтеории – предварительных представлениях исследователя. Исследование начинается с возникновения проблемы. Однако фиксации проблемы самой по себе недостаточно: проблема должна предметиться, замкнуться на предмет психологии, стать психологической. В основе исследования лежит опредмеченная проблема. Может быть описана структура предтеории: базовая категория, моделирующее представление, идея метода, организационная схема (Мазилов, 1996).

Эмпирическое исследование никогда не начинается «с нуля», не бывает совершенно неподготовленным. Возможность «чистой» эмпирической науки – несбывшаяся мечта позитивиста. Как не бывает и «чистых» фактов, свободных от теории. Проведению исследования в области научной психологии предшествует предтеория – совокупность исходных представлений исследователя, уточняющих понимание проблемы и в значительной степени предопределяющих его результаты.

Отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода. Выявлено, что эмпирический метод в психологии имеет по меньшей мере три уровня: идеологический, предметный (содержательный), операционный (процедурный). Установлено, что различные уровни метода детерминируются разными элементами предтеории. Идеологический уровень определяется идеей метода, предметный ур-

вень – базовой категорией и организующей схемой, процедурный – моделирующими представлениями. Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае – «функциональный» вариант. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Он подлежит интерпретации. Ядром, определяющим схему интерпретации, является интерпретирующая категория. В «наивных» концепциях, характерных для ранних этапов развития психологии, часто наблюдается совпадение базовой категории и категории объясняющей. В более поздних концепциях происходит «наложение»: эмпирический материал может добываться методом, соответствующим одной категории, а интерпретироваться с помощью другой. Это создает возможности для появления альтернативных видов объяснения.

Мазилев В.А., Панкратов А.В.

Б.Г.АНАНЬЕВ И ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

Б.Г.Ананьев был одним из тех, кто определил «лицо» современной отечественной психологии. Тщетно старались официальные психологи представить дело таким образом, будто марксистская психология является не направлением или школой, а есть новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной психологии, и, следовательно, советская психология едина, поскольку едины ее методологические основы. Конечно же, единства не было, поскольку реальная научная методология (не философская!) была у разных направлений и школ в советской психологии различной. Одним из наиболее ярких методологов отечественной психологии был Б.Г.Ананьев.

Методологические интересы Б.Г.Ананьева проявились рано. В журнале «Психология» (1931) опубликована статья двадцатичетырехлетнего Б.Г.Ананьева «О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии». Уже в этой статье впервые появляются многие мотивы, которые впоследствии получают развитие в работах Б.Г.Ананьева и его сотрудников. В работах Б.Г.Ананьева, выполненных в шестидесятые годы, были поставлены, сформулированы, разработаны многие методо-

логические проблемы, имеющие принципиальное значение для отечественной психологической науки. Эти работы во многом определили последующее развитие психологии и, возможно, в них следует искать «ростки будущего», которые так необходимы сегодня нашей науке, испытывающей глубокий методологический кризис.

Исследования Б.Г.Ананьева наглядно продемонстрировали преимущества комплексного, междисциплинарного подхода к проблеме человека, позволили психологии действительно стать наукой о человеке во всей его сложности и многогранности. Антропологизм как принцип построения психологической науки позволил по-иному взглянуть на сам предмет психологии. В концепции Б.Г.Ананьева предмет психологии предстает как многоуровневая системная организация психики.

Особое методологическое значение исследований Б.Г.Ананьева, на наш взгляд, в том, что разработанные им подходы позволили позитивно решить проблему ограниченности теоретического знания. Ратовавший за психологию К.Д.Ушинский очень верно заметил в «Педагогической антропологии»: «Ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям». Можно сказать, что выдающийся педагог полтора века тому назад прекрасно сформулировал смысл проблемы, на которую указывал В.Дильтей: у Шекспира больше психологии, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых. Иными словами, психологические теории «страшно далеки» от жизни. Проблема может быть названа «психология и жизнь». После Дильтея многие пытались создать психологию, которая бы сочетала в себе научность и жизненность. Б.Г.Ананьев разработал такую систему, которая обеспечивала «жизненность» науки за счет комплексного подхода к изучению человека – реального объекта целого комплекса наук.

Огромной заслугой Б.Г.Ананьева является то, что он не только сформулировал идею комплексного подхода и теоретически разработал систему современного человекознания, но и организовал масштабные исследования, посвященные комплексному изучению реального человека. Во всяком случае, ананьевский подход позволяет разработать практическую психологию, которой «можно пользоваться». Реализация Б.Г.Ананьевым комплексного подхода к проблеме человека позволила реально преодолеть психофизиологический параллелизм, который, несмотря на «правильные» с точки зрения идеологии декларации, оставался характерным для многих направлений в психологии.

Б.Г.Ананьеву принадлежит известная классификация методов психологической науки. Напомним, что до Б.Г.Ананьева фактически существовало лишь перечисление эмпирических методов. Отталкиваясь от классификации Г.Пирьова, Б.Г.Ананьев разработал схему научного ис-

следования в психологии, в которую были «вписаны» конкретные методы. Б.Г.Ананьевым выделены следующие группы методов: организационные, эмпирические, методы обработки данных, интерпретационные. Таким образом, была разработана классификация, соответствующая современному уровню науки и стимулировавшая дальнейшие исследования по этой центральной для методологии психологии проблеме.

Сейчас, когда отечественная психология находится в состоянии глубокого методологического кризиса, в работах Б.Г.Ананьева и его школы можно попытаться найти мост в психологию XXI века.

Мирошников С.А.

УРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОДЕЛИ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Несмотря на наличие известных теоретических и прикладных разработок по теме моделирования в нейрофизиологии и психологии, пока еще отсутствуют средства, позволяющие работать с моделью одновременно на различных уровнях организации – от математического содержания «нейрона» до целостной системы организма и окружающей его среды. Это положение позволяет исправить новая версия программы моделирования NPS 2.0, которая дает возможность проводить анализ, изменение структуры и текущего состояния модели на трех уровнях – математическом, динамическом и общесистемном.

Первый из этих уровней является математической основой модели. Это искусственный заменитель биологического субстрата организма, образованный из математических объектов. Следующие два уровня воспроизводят свойства соответственно нейрофизиологического и поведенческого уровней реальных нейропсихологических систем. Эти уровни являются вторичными моделями. Они образованы из математических моделей нейронов и связей между ними, которые в целом характеризуются уже не математическими свойствами, а специфическими особенностями динамики нейронов и их взаимосвязей.

Разработка математического уровня была основана на выделении тех свойств нейронов, которые определяют их как функциональные единицы нервной системы, обеспечивающие переработку информации в системе в целом. Такие свойства воспроизводятся во многих известных компьютерных моделях нейронов и нейронных сетей в тех случаях, когда целью исследования являются не биохимические свойства нейрона, а его роль в переработке информации (GENESIS, Neurosim, Hopfield

Network, Perceptron и другие). К свойствам этого типа относят способность к изменению состояния (возбуждение и торможение), к приему и передаче импульсации, к «сравнению» поступающей импульсации с порогом возбуждения–торможения. При этом связь между нейронами в модели определяется математическим «весом» – аналогом силы влияния единичной импульсации одного нейрона на другой.

Созданные таким образом единичные модели нейрона и связи между нейронами становятся универсальными «кирпичиками» следующего, физиологического уровня, на котором строятся различные нейронные сети. Каждая такая сеть характеризуется определенной организацией нейронов, что позволяет рассматривать ее как модель нейропсихологической подсистемы, выполняющей определенные функции в организме.

Созданная на физиологическом уровне сеть нейронов в большинстве известных к настоящему времени моделей является конечным итогом собственно моделирования и далее используется для проверки различных гипотез или для учебных целей. Нами подготовка математического и нейрофизиологического уровней модели была продолжена с целью воссоздания еще одного важного уровня организации – поведенческого, необходимого для исследования различных нейропсихологических подсистем целостного организма, взаимодействующего со средой.

Эта потребовало, с одной стороны, придания нейронной сети абстрактного «тела», и с другой, создания модели среды организма. Последняя должна включать в себя модели различных объектов, определяющих базовые способы поведения биологических организмов. Это модели пищи, опасности и препятствия. Для обеспечения взаимодействия «тела» со «средой» модель дополнена функциями отражения ею объектов среды и перемещения среди этих объектов с «поглощением» пищи. Связь этих функций с «нейронами» изменяется экспериментатором, что позволяет создавать модели с разным набором «рецепторов» и «эффекторов». На данном этапе смоделированы базовые сенсомоторные функции, являющиеся основой для развития первичных форм поведения. Это простейшие виды, с одной стороны, отражения наиболее важных для жизни видов объектов – пищи, опасности, препятствия, и, с другой стороны, передвижения с «естественным» взаимодействием с такими объектами. Связывание этих функций с моделями отдельных нейронов преобразует последние в модели рецепторов или эффекторов. В первом случае возбуждение нейрона является ответом на присутствие в «зоне видимости» объекта определенного вида, во втором – вызывает моторную реакцию тела (перемещение).

Проделанная работа позволила перейти на новый уровень модели – поведенческий, поскольку был воссоздан полный цикл поведенческой

реакции – от ощущения объекта до моторной реакции на него. Дальнейшая работа проводится в нескольких направлениях:

- создание «библиотеки моделей» основных видов нейропсихологических функциональных систем, обеспечивающих передачу возбуждения по рефлекторной дуге, латеральное торможение и другие функции;
- разработка модели «временной связи», как основы моделирования систем, способных к онтогенетическому развитию на такой основе;
- разработка информационного уровня модели, соответствующего психологическому уровню нейропсихологических систем.

Никандров В.В., Сони́на Э.К.

СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФЕНОМЕНОВ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Развитие любых систем (в том числе биологических и социальных) включает в себя две разнонаправленные тенденции: сохранение и изменение. Сохранение осуществляется через адаптационные механизмы наследственности (в том числе социальной наследственности – стереотипы, нравы, обычаи). Это адаптация к известному. Изменчивость реализуется путем приспособления к неизвестному через поиск новой информации и приобретение избыточных свойств, актуально не нужных.

«Лишние» свойства могут быть востребованы в будущем при изменении условий жизни, но могут так и остаться в латентном состоянии. В действие включаются так называемые бифуркационные механизмы (лат. *bifurcus* – раздвоение, разветвление). Эти механизмы срабатывают в кризисные периоды жизни системы и характеризуют неопределенность ее будущего. Если до некоторого момента – точка бифуркации – развитие системы предсказуемо, то дальнейшее ее поведение из ее прошлого (опыта, наследственности) невыводимо. Малейшее воздействие, любое событие могут привести к новому непредсказуемому пути развития.

В психологическом преломлении адаптационные механизмы, обеспечивающие устойчивость человечества при стабильных условиях его развития, выступают в виде типичного поведения в обществе. Срабатывают стереотипы, психологические установки, привычки. Здесь память важнее воображения, преобладает мышление репродуктивного характера и рассудок. Обдуманное поведение выгоднее импульсивного, волевая регуляция доминирует над эмоциональной.

В социальном контексте – общественное выше личного, а коллектив важнее личности. Бифуркационные механизмы, обеспечивающие пере-

ход человечества от одних социально-исторических форм к другим, проявляются в виде индивидуального поведения в проблемно-конфликтных ситуациях. Здесь действуют другие формы психической активности: воображение, дивергентное мышление, самореализация. Интуиция не уступает логике, а в дискурсивном логическом мышлении разумностный компонент доминирует над рассудочным. В регуляции эмоциональная составляющая не уступает волевой. Индивидуальное «Я» не подавлено обществом. Коллективное не выше личного.

Таким образом, постигается социально-биологический смысл появления таких качеств человека, как личность и индивидуальность. Типичное в человеке обеспечивает устойчивое развитие индивида и общества, а индивидуальное обеспечивает многообразие вариантов этого развития. Личность – это «норма» и «нормальное» поведение на спокойных этапах человеческой истории. Индивидуальность – это отклонение от «нормы» и обеспечение выживания человечества на крутых исторических изломах. Конечно, понятие нормы в науке дискуссионно. В самом первом приближении нормой достаточно считать среднее арифметическое. «Ненормальность» индивидуальности в привычных социальных условиях подтверждается и часто отмечаемым фактом достижения людьми особых творческих успехов в «пограничных состояниях».

Итак, содержание категорий «личность» и «индивидуальность» с точки зрения их социально-биологического смысла можно представить следующим образом. Личность символизирует типичное в человеке, объединяющее его с другими людьми и позволяющее адаптироваться к наличным социальным условиям. Индивидуальность олицетворяет нетипичное в человеке, обеспечивающее ему и обществу в целом успешный переход от одних форм социального существования к другим. Личность – это механизм, обеспечивающий жесткость и устойчивость системы, именуемой человеческим обществом, и механизм адаптации индивида к обществу в нормальных условиях. Индивидуальность – это механизм, обеспечивающий пластичность и изменчивость общества, это механизм адаптации общества к экстремальным условиям.

Человек как личность формируется в процессе социализации через усвоение общественной морали и правил поведения. Человек как индивидуальность вырастает в процессе индивидуализации через усиленное развитие своих специфических качеств и обособление от общества.

Панферов В.Н.

ПРОБЛЕМНЫЕ ПОЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Психологическая профессия приобретает массовый характер в связи с возрастающей потребностью людей в психологической помощи со стороны квалифицированных специалистов по жизненно актуальным проблемам личности, межличностных отношений, социального взаимодействия, профессиональной деятельности, быта, досуга, отдыха, здоровья, спорта, искусства, игры, учебы, праздников, секса, религии, политики, права, экономики – всех сфер человеческой жизнедеятельности.

Для научно-практической и повседневной ориентации в бескрайнем пространстве жизненно важных психологических проблем необходима их систематизация, которая может производиться по разным основаниям, выполняющим роль координат. Выбор удачных оснований для систематизации психологических проблем является сложной методологической задачей. Здесь и возникает вопрос о корневых основаниях классификации, связанной с источниками психологических явлений.

Психологические явления и проблемы производны от рефлексивной деятельности человеческого сознания, направленной на самого себя. Она протекает в условиях индивидуального самоотношения и межличностных отношений людей (диадных, триадных, массовых), в которых происходит трансформация психических свойств человека в специфические психологические качества его личности, порождая психологические проблемы самоотношения и взаимодействия людей друг с другом. Итак, источники психологических проблем заключены в саморефлексивной психической деятельности человека, совершаемой им в процессах социального поведения и предметно-практической деятельности, приобретающей, как правило, профессиональный характер.

В результате такого понимания природы психологических явлений обозначаются следующие классы психологических проблем с дифференциацией их по субъектно-объектному основанию: 1) проблемы самоотношения; 2) проблемы межличностных отношений; 3) проблемы социального поведения; 4) проблемы профессиональной деятельности, где человек выступает в качестве субъекта, порождающего психологические отношения с самим собой, с другими людьми, с общественными организациями, с предметным миром. Это своеобразные параллели на психологическом глобусе нашей жизни.

В качестве меридианов можно использовать эксплицитные функции психики: коммуникативные, информационные, когнитивные, эмотивные, конативные, креативные. На пересечении этих координат получаем

24 проблемных поля, где произрастает множество психологических явлений, превращающихся при еще неопределенных обстоятельствах в психологические проблемы человека как субъекта психологической деятельности.

На полях самоотношения произрастают проблемы тождественности человека самому себе. Они связаны с половой, возрастной и социально-ролевой идентичностью, заключенной в образах «Я», с самореализацией и самоутверждением, психическим развитием, расстройствами и заболеваниями, аномальными формами самопроявления личности.

На полях межличностных отношений распространены персональные конфликты в борьбе за лидерство, которая воплощается в отношениях «сотрудничества–соперничества», «дружбы–вражды», «любви–ненависти», «независимости–подчинения», «понимания–непонимания», «общительности–замкнутости», «ведущего–ведомого», «ответственности–безответственности», «добра–зла» и других.

На полях социального поведения естество желаний сталкивается с нормативами общественной организации жизни людей в сообществах, что выливается в проблемы социальной адаптации или дезадаптации личности, социальной депривации и реабилитации человека и другие психологические последствия конфликта личности и общества.

На полях профессиональной деятельности возникают сложные проблемы в системах «человек–техника–человек», «человек–природа–человек», «человек–товар–человек», «человек–искусство–человек», «человек–языки (знаковые системы)–человек», «человек–вера–человек», «человек–человек–человек».

Прохоров А.О.

НЕРАВНОВЕСНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Состояние как психическое явление было представлено в психологии и преимущественно исследовалось в плоскости временной оси. Именно временной фактор являлся одним из ведущих дискриминантов, дифференцирующих категории психических явлений в психологии. Исследования состояний в континууме времени позволили описать ряд качественных характеристик этой категории как психологического феномена: проявления, состав, структуру, функции, отношения со свойствами и др.

Переход к другой плоскости – энергетической – переводит исследования состояний в область процесса: из феноменологической (результативной) формы в область исследования динамических измене-

ний состояний. В этом направлении открывается возможность выделения этапов изменения состояний, основных характеристик процесса и их изменений в зависимости от внешних и внутренних условий и др. По аналогии с временной осью состояния также могут быть градуированы по энергетической шкале. Основанием для выделения градаций состояний является континуум активации (Д.Линдсли, 1960) и шкала уровней психической активности (В.А.Ганзен, 1991).

В соответствии с этими основаниями состояния характеризуются энергетическим уровнем, отражающимся в психической активности субъекта и качественной специфике актуализирующихся состояний. За точку отсчета могут быть приняты относительно равновесные состояния (среднего уровня психической активности), характеризующиеся предсказуемым, взвешенным и контролируемым поведением, комфортностью переживаний, а также длительной продуктивной деятельностью.

Состояния, связанные с повышенной психической активностью, а также состояния пониженной психической активности, характеризующиеся соответственно более высоким или низким уровнем активности условно среднего уровня, будут отнесены к неравновесным (неустойчивым) состояниям. Изменения психической активности субъекта, связанные с энергетической шкалой, приводят к трансформации психического состояния – его динамике. Исследования неравновесных состояний, проведенных на большом числе испытуемых (3485 чел.), в течение нескольких лет позволили выявить ряд закономерностей.

Было установлено, что неравновесные состояния возникают как реакция на сложные обстоятельства жизнедеятельности. Они характеризуются специфической картиной проявления и переживаний, интенсивностью выше или ниже оптимального уровня, имеют различную длительность, зависящую от ситуации, возраста и пола, обуславливают поведение и действия. Ведущей составляющей неравновесных состояний является эмоциональный компонент.

В зависимости от типа ситуации (обратимой или необратимой) выявлены различия в способах нормализации неравновесных состояний. Состояния, возникающие в необратимых ситуациях, нормализуются вследствие использования «интеллектуализированных» способов и приемов, ведущими из которых являются сравнение, анализ и обобщение. Необратимая ситуация «перерабатывается», а состояние нормализуется при появлении новых смыслов, знаний, новообразований в структуре ментальности и личности субъекта.

Динамические особенности неравновесных состояний характеризуются фазовыми процессами синусоидального типа, возрастанием однородности и качественной близости в ситуациях высокой инфор-

мационной насыщенности и значимости, повышением когерентности и нелинейности отношений между информационными и энергетическими составляющими неравновесного процесса. Это свидетельствует о снижении уровня устойчивости системы и активизации адаптационных механизмов, связанных с взаимной координацией подсистем и структур целостной психологической организации субъекта, а также об актуализации процессов саморазвития системы – формировании свойств личности и форм поведения. Данный процесс сопровождается изменениями структуры и рельефа состояний.

Неравновесные состояния разделяют однонаправленную динамику психических процессов: в сторону стабилизации и высокой продуктивности деятельности или снижения характеристик и уменьшения их продуктивности. Состояния обуславливают диапазон проявлений психических процессов: положительно окрашенные состояния вызывают более высокий уровень проявлений психических процессов по сравнению с отрицательными состояниями. Психологические свойства личности влияют на динамические изменения неравновесных состояний, обуславливая величину неустойчивости состояния, характер динамики и амплитуду, а также возникновение и течение неравновесного процесса. Уровневые характеристики психологических качеств определяют типичные картины динамических характеристик неравновесных состояний, дифференцируя различия между ними. Влияние психологических свойств на состояния обнаруживается преимущественно в сложных и напряженных ситуациях жизнедеятельности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-32029).

Реан А.А.

АУТОАГРЕССИВНЫЙ ПАТТЕРН ЛИЧНОСТИ

В наших предыдущих работах мы рассматривали на теоретическом и эмпирическом уровнях анализа различные аспекты феномена агрессии (А.А.Реан, 1996, 1997). Предметом краткого рассмотрения в данной публикации (на уровне тезисов доклада) будет феномен аутоагрессии.

Хотя в настоящее время и нет общепринятой психологической теории агрессии, все-таки существует возможность в большинстве случаев достаточно удовлетворительно объяснить акты агрессивного поведения или даже общую агрессивность личности с помощью тех или иных концепций. Хорошие возможности для этого предоставляют теория фруст-

рациональной агрессии, а также теория социального научения. Феномен аутоагрессии в этом плане представляется наиболее загадочным, если конечно не сводить его к клинической мазохистской интерпретации. Понятно, что феномен аутоагрессии представляет значительный интерес именно для «нормальной» психологии личности, и не может быть сведен лишь к рассмотрению на уровне патопсихологии.

Проведенное нами эмпирическое исследование позволяет ввести понятие «аутоагрессивный паттерн личности». Аутоагрессия представляет собой не просто изолированную личностную черту, но является сложным личностным комплексом, функционирующим на различных уровнях. В структуре аутоагрессивного паттерна личности, как показывают наши эмпирические исследования, выделяются характерологический, самооценочный, интерактивный и социально-перцептивный субблоки.

Характерологический субблок аутоагрессивного паттерна. Как оказалось, аутоагрессия имеет множественную систему достоверных связей с целым рядом характерологических особенностей личности (все связи здесь и далее значимы на уровне $\alpha=0,01$ и $\alpha=0,05$). Так, уровень аутоагрессии положительно коррелирует с интроверсией, педантичностью, а также с депрессивностью, невротичностью. Он отрицательно связан с демонстративностью личности.

Самооценочный субблок аутоагрессивного паттерна. Самооценке и самоотношению принадлежит центральное место в структуре личности. Поэтому не вызывает удивления то, что в аутоагрессивном паттерне выделяется самостоятельный самооценочный блок. Уровень аутоагрессии, как нами установлено, отрицательно коррелирует как с уровнем общей самооценки личности, так и с отдельными ее составляющими. Так, чем выше аутоагрессия личности, тем ниже самооценки собственных когнитивных способностей (память, мышление), тела («физическое Я»), способности к автономности поведения и деятельности.

Интерактивный субблок аутоагрессивного паттерна. Аутоагрессия связана со способностью-неспособностью к успешной социальной адаптации личности, с успешностью-неуспешностью межличностного взаимодействия в микросоциуме. Уровень аутоагрессии личности, по нашим данным, положительно коррелирует с необщительностью и с застенчивостью. Аутоагрессия – это низкая самооценка и неприятие себя. Уже этого вполне достаточно для появления трудностей социально-психологического характера, связанных с установлением контактов и продуктивным общением, что и фиксируется на поведенческом уровне в высоких показателях застенчивости и необщительности.

Социально-перцептивный субблок аутоагрессивного паттерна. Наличие аутоагрессии связано с особенностями восприятия других людей.

Однако связи эти являются далеко не тривиальными, а на первый взгляд даже парадоксальными. Аутоагрессия, по нашим данным, практически не связана с негативизацией восприятия других. Напротив, уровень аутоагрессии коррелирует с позитивностью восприятия значимых «других». Наиболее сильно эта тенденция проявляется у подростков и юношей в отношении учителей и собственных родителей (дифференцированно изучалось отношение к отцу и к матери – тенденция оказалась общей). Уровень аутоагрессии оказался отрицательно связанным лишь с представлением о том, «каким меня видят другие» (двойная рефлексия). Чем выше уровень аутоагрессии, тем негативнее представления об оценке другими его личности. Данный социально-перцептивный феномен прямо связан с зафиксированными выше особенностями самооценочного субблока аутоагрессивного паттерна личности.

В заключение отметим, что аутоагрессия не коррелирует ни с какими другими шкалами агрессии (всего в нашем исследовании использовалось 10 таких субшкал), за исключением положительной корреляции со шкалой «Обида». Это еще раз подчеркивает особенность феномена аутоагрессии внутри общей проблематики психологии агрессии. Мы предполагаем определенную недостаточность методической концепции Басса-Дарки именно относительно феномена аутоагрессии. Эта недостаточность связывается нами с доминантой концепции на «чувстве вины», при недостатке внимания к общему «неприятию самого себя».

Реброва Н.П., Клецина И.С.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ ПОВЕДЕНИЯ

В последнее время в связи с активизацией исследования гендерных проблем в научных публикациях вновь стали обсуждаться вопросы о детерминации половых различий. Диалог специалистов по этим вопросам осуществляется в рамках двух альтернативных парадигм: социокультурной и социобиологической.

Согласно социокультурной модели гендерная дифференциация является результатом социализации и влияний культуры в направлении освоения мужчинами и женщинами полоспецифических социальных ролей. Психологические исследования половых различий в нашей стране и за рубежом убедительно показывают, что по традиционно изучаемым психологией чертам и свойствам личности мужчины и женщины практически не различаются. Это касается интеллектуальной, волевой и мо-

тивационной сфер личностного развития. Общепризнанными являются лишь более развитые пространственно-математические способности у мужчин и вербальные способности – у женщин (Е.Е.Массобу, С.Н.Джаклин, 1974). Отсюда понятно стремление обнаружить ключ к половым различиям в организации структур и механизмов социальной жизнедеятельности. Довольно широкое распространение в последние годы получила концепция социального конструирования гендерных различий. Социокультурная парадигма пока не заняла однозначно приоритетной позиции ни в научной среде, ни в сфере обыденного сознания.

В рамках социобиологической модели гендерная дифференциация – универсальный биологический процесс, который культура только оформляет и осмысливает с теми или иными вариациями. Анатомофизиологические различия между полами настолько очевидны, что обусловленность психологических различий главным образом биологическими факторами представляется весьма возможной. Наиболее традиционным в этом вопросе является путь изучения психофизиологических свойств человека. Если по морфологическим и некоторым физиологическим признакам различия между мужчинами и женщинами не вызывают сомнения, то по психофизиологическим свойствам отличия не столь очевидны. Под руководством Б.Г.Ананьева проводилось детальное изучение психофизиологических функций взрослых людей. Было выявлено, что женщины характеризуются меньшими показателями тремора рук, большей успешностью дифференциации мышечного напряжения. В сенсорно-перцептивной сфере отмечалась слабая тенденция к большей дифференциальной чувствительности женщин. Исследования других авторов показали высокую достоверность половых отличий по аномальности цветового зрения: число цветоаномалов среди мужчин больше.

Изучение полового диморфизма по показателям нейродинамики в школе Б.Г.Ананьева позволило установить, что по динамичности возбуждения и чувствительности женщины превосходят мужчин, а по показателям силы нервной системы уступают им. Более поздние исследования определили, что различия по свойствам нейродинамики не столь однозначны (К.Б.Булаева, 1991). По времени реакции на сигналы максимальной интенсивности показатели силы нервной системы у женщин ниже, чем у мужчин, а по времени реакции на стимулы небольшой интенсивности получена обратная картина. Противоречивость данных о свойствах нервной системы может быть обусловлена рядом причин, одна из которых заключается в отсутствии у специалистов единого взгляда на структуру свойств нейродинамики и методы их оценки. Это приводит к тому, что сведения, полученные с использованием различных методических приемов, трудно сопоставить между собой.

В последние годы особое внимание уделяется межполушарной асимметрии как нервному субстрату познавательной и эмоциональной сфер психической деятельности. Показано, что у мужчин доминирование левого полушария над правым встречается чаще, чем у женщин, особенно в моторной и зрительной системах (Е.Д.Хомская и др., 1997). По данным других авторов межполушарная асимметрия у женщин выражена меньше, чем у мужчин, что позволяет говорить о билатеральной представленности вербальных и пространственных способностей (S.F.Witelson, 1986). Однако есть работы, показывающие отсутствие отличий между полами по специфике межполушарного взаимодействия.

Таким образом, вопрос о проявлении полового диморфизма в психофизиологических характеристиках требует дальнейшего изучения, так как имеющиеся данные пока не дают весомых оснований для утверждения социобиологической парадигмы в вопросе гендерной дифференциации. Проведение исследований, направленных на поиск не только психологических и психофизиологических различий между полами, но и на анализ их сходства в разных проявлениях психической жизни, позволит найти более обоснованные ответы на вопросы об истоках и причинах неравенства в социальном статусе мужчин и женщин.

Сафонов В.К.

О ПСИХИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ И СОСТОЯНИИ ПСИХИКИ

Несмотря на достаточно интенсивную экспериментальную проработку проблемы состояний человека, в теоретическом плане открытыми остаются вопросы определения понятия психического состояния, роли психического состояния в функционировании психики человека.

Психическое состояние рассматривается категорией психических явлений. Н.Д.Левитов (1964) психическое состояние определил как целостную характеристику психической деятельности за определенный период времени, показывающую своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений деятельности, предшествующего состояния и психических свойств личности. Для обоснования понятия психического состояния им было выделено четыре значения этого термина: 1) как временное положение, в котором кто-нибудь, что-нибудь находится; 2) как звание; 3) как наличие чего-либо; 4) как готовность к действию. По Н.Д.Левитову, несомненно, что только первое значение адекватно психическому состоянию.

В собранном нами материале насчитывается 56 авторских определений психического состояния. Из этого следует, что во всех определениях психическое состояние раскрывается как некоторая интегральная характеристика психики в конкретный (актуальный) момент времени.

Занимаясь прикладными исследованиями в области инженерной и спортивной психологии, постоянно сталкиваешься с фактами неоднозначной, а иногда и противоположной связи личностных особенностей с результативностью деятельности. Подчас в одних и тех же ситуациях у одного и того же оператора или спортсмена характеристики протекания психических процессов существенно различались.

В связи с этим возникают следующие вопросы. Психическое состояние – *следствие* и, таким образом, характеристика психической сферы человека в конкретной ситуации?, или же психическое состояние – *причина*, т.е. оно детерминирует проявление индивидуальных особенностей психики человека? Если психическое состояние всего лишь характеристика психики в конкретный момент времени, то может ли оно претендовать на статус научной категории? Если психическое состояние – категория психических явлений, то какие функции оно выполняет и в чем отличие этой категории от других? И последнее, в скольких психических состояниях одновременно может находиться человек?

В практике бытового общения, да и в научной практике, под состоянием понимается временная характеристика чего-либо или кого-либо – состояние мира, политики, экономики, здоровья, работоспособности, умственных и физических возможностей и т.д. В то же время в узконаучном плане в понятие состояния вкладывается значение не просто характеристики, а атрибутивной составляющей существования любого явления. Только в таком толковании состояние может претендовать на статус категории (всеобщего свойства). Термин «состояние» в научном обиходе имеет как бы два значения – характеристика и неотъемлемое свойство явления. Применительно к предмету психологической науки это может (должно!) раскрываться как состояние психики – состояние объекта и психическое состояние – состояние субъекта. Состояние психики – ситуативная, интегральная и т.п. характеристика психической сферы человека. И такой термин широко используется в психиатрии.

В рамках разрабатываемой нами концепции механизмов детерминации психического состояния рассматривается «состояние объекта» и «состояние субъекта». На основании этого разводятся понятия «состояние психики» и «психическое состояние». Психическое состояние трактуется как единичное атрибутивное проявление диалектики природы. Диалектическая функция психического состояния заключается в том, что психическое состояние субъекта есть форма существования

психики, функционально связывающая две остальные категории психических явлений – психические процессы и психические свойства. Особенности функционирования психики в конкретный момент времени есть следствие психического состояния. Конкретные проявления психической сферы человека есть характеристики его психического состояния. Именно в психическом состоянии проявляется диалектика изменчивости и устойчивости, объективности и субъективности, произвольности и произвольности, прошлого и будущего.

Таким образом, психическое состояние (состояние субъекта) детерминирует количественные и качественные характеристики психических процессов, выраженность проявления психических свойств, субъективных проявлений состояния – чувств, переживаний, настроения. Интегральной же характеристикой психической сферы человека в конкретный момент времени является состояние психики (состояние объекта). Т.е. состояние как категория – причина конкретного функционирования психической сферы, а состояние как характеристика – следствие функционирования психики человека.

Тарасов С.В., Тимофеев Ю.Т.

ВОСПРИЯТИЕ МИРА И ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Социальная функция образования в современном мире противоречива. С одной стороны, образование служит трансляции социального опыта и тем самым его закреплению, с другой стороны, оно готовит поколения к предстоящему. Примерно до XIX в. это противоречие разрешалось в пользу первой функции, однако отношения с будущим в обществе нашего времени принципиально изменились. Научно-техническая и информационная революции определили ускорение изменений во всех сферах жизни, требуют от института образования открытости по отношению к будущему, требуют мобильности опыта в пределах жизни одного поколения. Именно в последнее время возникла проблема инновационного образования, которое готовит человека к адекватному восприятию изменяющегося мира и к жизни в нем.

Восприятие мира молодым поколением должно быть открытым и многомерным, чутким к проблемам, смелым и вдумчивым. Пожалуй, одной из основных целей инновационного образования как раз и является разработка методологии системно-целостного подхода к действительности, призванного помочь воспитанникам современной школы. Разработка такой методологии находится еще в самом начале.

Чтобы работать с мировосприятием, необходимо знать его сущность, структуру, особенности. В исследованиях и практической деятельности педагогов и психологов почти не отражены особенности ментальности детей школьного возраста, этико-культурные различия. Без этого невозможно построение оптимальных моделей современного образования.

Инновационное образование предъявляет новые требования к профессиональным и личностным качествам педагога, к его подготовке. Такая подготовка может строиться в русле движения к новой парадигме – обучение контекстом деятельности, воспроизводящей реальность в учебных условиях. Это обусловило появление проблемного обучения, деловых игр и других методов, обеспечивающих личностную вовлеченность обучаемых в процессы познания и самопознания, а также в диагностику межличностных ситуаций, составляющих педагогическую среду, в которой происходит образовательное взаимодействие.

Важной когнитивной характеристикой педагогов и учащихся в инновационном образовании является «осознание неосознанного» или рефлексивность. Такое осознание помогает расширять субъективный мир, преодолевать негативную мифологию, предрассудки и заблуждения, осознанно конструировать свой жизненный и профессиональный путь. По своему основному смыслу понятие «инновация» относится не только к созданию и распространению новшеств, но и к преобразованиям и изменениям, которые связаны с этим новшеством.

Целью инновационного подхода к образовательному процессу можно считать развитие у учащихся возможностей осваивать новый опыт на основе целенаправленного воспитания творческого и критического восприятия мира, опыта и инструментария учебно-исследовательской деятельности, ролевого и имитационного моделирования. Понятие «инновация» является популярным в современной педагогической культуре. Укажем на условия эффективности педагогических инноваций:

- новое должно являться средством решения актуальных для данного образовательного учреждения задач, т.е. решать кардинальные проблемы, обеспечивая положительную динамику стратегического развития;
- выбор инновационных средств должен соответствовать условиям конкретной образовательной системы;
- чем полнее разворачивается инновационный процесс, тем эффективнее и полнее должна быть система оценки его результативности;
- от каждого участника инновационного процесса требуется осознание значимости инноваций и высокий уровень ответственности;
- необходимо понимание степени и обоснованности педагогических рисков, связанных с нововведением.

Таким образом, инновационное образование способно создать предпосылки для появления новой ментальности, характеризующей человека информационного общества, однако этот процесс является сложным и противоречивым. Он требует от педагогов вдумчивой работы и ответственности перед учениками.

Трифопова С.А.

ВЛИЯНИЕ ПОЗИЦИИ СУБЪЕКТА НА ВОСПРИЯТИЕ И ОТОБРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ

Одной из интереснейших проблем психологической науки является проблема психологии ситуации. Понятием ситуации оперируют различные научные школы и направления, такие, как психология социального научения, интеракционизм, психология среды, социальная психология и др. При этом ситуация анализируется не только как результат субъект-объектного взаимодействия. Под ситуацией также понимается «естественный сегмент социальной жизни, определяющийся вовлеченными в нее людьми, местом действия, сущностью деятельности» (Л.Ф.Бурлачук, 1998). В своей повседневной практике действующий субъект проектирует с различной степенью осознанности межличностные ситуации и участвует в них, стремясь к достижению тех или иных целей, являясь при этом участником непрекращающихся межличностных отношений (Ю.Н.Емельянов, 1985).

Несмотря на то, что ситуация стала «элементом психологического тезауруса», до сих пор нет четкого определения границ этого понятия. Именно поэтому наши исследования направлены на изучение самой ситуации, особенностей ее отражения субъектом. При этом мы исходим из того, что ситуация – это субъективный полимодальный образ актуального фрагмента окружающей действительности, как он конструируется и репрезентируется в голове его участника.

Исходя из этого, нами был проведен анализ субъективных описаний различных ситуаций, в результате которого выделены некоторые индивидуальные способы восприятия и понимания испытуемым изображений конкретных ситуаций. Одним из них оказалось понимание происходящего с помощью смены перспективы наблюдения, т.е. умение встать на точку зрения непосредственного участника данной ситуации. Далее, рассматривая эту проблему со стороны ситуации, мы предположили, что ее отражение существенно изменится в связи с изменением позиции

участника (наблюдателя) в ситуации. Следовательно, изменится построение ситуации субъектом для себя.

Экспериментальная проверка данной гипотезы показала, во-первых, что позиция субъекта по отношению к ситуации определяется включенностью или невключенностью в нее, активностью или пассивностью к ней (в ней). Таким образом, позиция существенно влияет на восприятие и отображение данного фрагмента окружающей действительности:

- смена перспективы наблюдения за ситуацией (активный участник ситуации, сторонний наблюдатель, который может вмешаться в ход события, сторонний наблюдатель, который не имеет возможности включиться в ситуацию) смещает акцент на различные элементы ситуации, несущие наибольшую «функциональную» нагрузку в данном случае и лежащие в основе дальнейшего структурирования ситуации;

- существенно изменяются границы ситуации (так, при включенности в ситуацию и активной позиции в ней, они определяются задачей, которую ставит перед собой субъект и которую необходимо при этом решить) и ее динамические параметры, трансформируется ее объем;

- в определенной позиции по отношению к ситуации по-разному происходит оценивание как собственного субъективного поведения и эмоций участника или наблюдателя в ситуации, так и эмоционального состояния других ее действующих лиц всей ситуации в целом.

Таким образом, полученные данные могут стать теоретической основой при моделировании и анализе ситуаций в ходе социально-психологических тренингов, разрешении проблемных ситуаций при общении и межличностном взаимодействии и т.д.

Федюнина Н.В.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПСИХОЛОГИИ

В психологии было предложено четыре понимания ее предмета. Во-первых, в доматериалистической психологии, вплоть до XVIII века – это идеалистические представления о душе, как тончайшей субстанции и необъяснимой первопричине всех психологических явлений.

Во-вторых, явления сознания, которые, несмотря на аксиоматичное принятие в качестве первоосновы человеческой психики, беспомощно увязли в оковах интроспекции.

Третьим предметом изучения психологии явилось поведение человека, быстро обнаружившее свою несостоятельность по причине как недоступности объективного психологического анализа поведения, так и

необоснованного сужения предмета психологии, игнорирующего, как минимум, явления сознания.

Последним предметом психологии в XX в. стала ориентировочная деятельность, на которую возлагали большие надежды в плане объективного объяснения психологических явлений.

Однако ни один из существовавших в истории психологии предметов, как бы он ни казался хорош для решения узко специфичных проблем психологии, не в состоянии дать полноценное научное обоснование таких массовых явлений современности, захлестывающих наше общество, как медиумизм, вампиризм, колдовство, медитация и других.

Таким образом, несмотря на узкопрактическое применение известных психологии предметов изучения, ее академизм выступает в качестве сдерживающего механизма развития науки, призванной формировать сознание социума, а не только разбираться в быстро накапливаемом эмпирическом материале научно необъяснимых до настоящего времени фактов. Настало время, когда предметом изучения психологии полноправно должны стать проявления тонких структур человеческого организма, о которых известно из древних источников. Иначе психология может остаться за бортом других, опережающих ее по актуальности современных наук. В наличии тонких структур официальная наука уже не сомневается, их проявления фиксируются техническими измерительными средствами., благодаря чему они стали вещественно явными.

Изучение проявлений тонких структур человека в качестве предмета психологии позволит нам не только объяснить вышеописанные явления, имеющие место на современном этапе развития человечества, но и раскрыть механизмы таких краеугольных тем психологии, как гипноз, нейро-лингвистическое программирование, сознание и бессознательное.

Филимоненко Т.Ю.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ САМООЦЕНКИ СОБСТВЕННОГО ВОЗРАСТА

Вопрос о факторах и значении субъективного отношения человека к собственному возрасту практически не исследован. Каким образом объективная мера времени жизни трансформируется в самооценку возраста, определяемую в сознании личности на основе обобщенного отражения особенностей жизненного пути, психического тонуса, степени активности? Что лежит в основе того, что хронологический (паспортный) возраст иногда утрачивает объективное значение во внутреннем мире человека? Практически закономерна такая ситуация, когда в шестьдесят лет

человек чувствует себя, например, тридцатипятилетним и, живя этим чувством, не находит внутренних различий в ощущениях возраста в свои 60 и 35 лет (Сноу, 1981). В рамках данной проблематики нами было проведено исследование, целью которого было определение связей между личностными характеристиками испытуемых и их субъективным возрастом.

В рамках работ, проводимых лабораторией политической психологии СПбГУ, были обследованы две выборки испытуемых (40 мужчин и 40 женщин) разных профессий и образовательного уровня. Средний возраст мужской группы – 42,8 лет, женской – 40,1 года. Все испытуемые тестировались стандартным набором методик: опросник Г.Айзенка «Экстраверсия-нейротизм», основные шкалы опросника ММРІ, фактор «В» 16-факторного личностного опросника Кеттелла, тест «Рисуночной фрустрации» Розенцвейга, модификация цветового теста Люшера («Попарные сравнения»), методика определения точности психологического оценивания и самооценки, «Прогрессивные матрицы» Равена, паспортный возраст (ПВ) и оценка испытуемым своего субъективного возраста (СВ). Первичные экспериментальные данные обрабатывались с помощью корреляционного и факторного анализа.

Анализ среднегрупповых оценок показал, что можно говорить о ярко выраженной тенденции людей обоего пола субъективно ощущать себя моложе, чем указывает паспорт. Это рассогласование с возрастом увеличивается ($r=0,38$ и $r=0,45$ для мужчин и женщин, соответственно, при $p<0,05$). Характерно, что в отличие от обыденных представлений, мужское самовосприятие в большей степени склонно к «самоомоложению» чем женское: СВ первых «занижен» на 6,3 года, у вторых – на 5,3 года.

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы.

Мужская выборка. Испытуемые, получившие высокие оценки по шкале «D» (ММРІ), что может характеризовать их как застенчивых, чувствительных людей с недостаточной удовлетворенностью собой и своими возможностями, оценивают свой СВ превышающим паспортный.

Акцентировано омоложенными оказываются самооценки экстравертированных испытуемых. Сюда же относятся те, кто склонен предпочитать желтый цвет в методике Люшера, т.е. оптимистичных, непостоянных, настроенных на поиск острых ощущений, стремящихся к приятности и удовольствию. Установка на спокойное отношение к признанию своих недостатков (шкала «Л» опросник Айзенка) также соотносится с выраженным «самоомоложением».

Совпадению оценок СВ и ПВ, по данным корреляционного анализа, способствуют такие качества, как «Паранояльность» («Ра» методики ММРІ), резкое преобладание интрапунитивной («на себя») направленно-

сти стрессового реагирования над эстрапунитивной («на других»), а «фиксированного на препятствии» типа реагирования на фрустрацию над «фиксированным на самозащите».

Женская выборка. Эта выборка обнаруживает гораздо меньшее количество значимых корреляций СВ, чем мужская. Это может свидетельствовать о большем разнообразии возможных структур личности у женщин и, соответственно, более сложной (индивидуализированной) системе детерминации СВ психологическими факторами.

У испытуемых-женщин, показавших высокие оценки по шкале «Психопатичности» («Pd» ММРІ), т.е. готовых к несдержанности, агрессивности, к конфликтным взаимоотношениям, имеющих неустойчивое настроение с доминированием обидчивости, показали минимальную разницу ($r=0,41$ при $p<0,05$) между паспортным и субъективным возрастaми. По цветовому тесту Люшера испытуемые, выбравшие коричневый цвет как предпочтительный, оценили свой СВ выше паспортного. Предпочитаемый коричневый цвет обнаруживает повышенную напряженность, тревожность, ощущение хронической усталости и небезопасности окружающего, поэтому не удивительно, что такие особенности благоприятствуют переживанию субъективного «постарения».

Анализ данных эксперимента приводит к следующим выводам:

1. Восприятие себя более молодым, чем указано в паспорте, является доминирующей тенденцией в самооценке своего возраста здоровыми людьми зрелого возраста независимо от их половой принадлежности. Весьма вероятно, что с возрастом абсолютное (в годах) значение подобного рассогласования СВ и ПВ последовательно увеличивается.

2. В составе психологических факторов, предопределяющих оценку СВ и ее несоответствие ПВ, имеют место четкие гендерные различия.

3. На специфику самооценки своего возраста оказывают влияние как устойчивые личностные качества, так и особенности устойчивого психического состояния и реагирования на фрустрирующую ситуацию.

Чураков М. А.

О ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕРЬЕЗНОГО И КОМИЧЕСКОГО

Современный человек часто живет в «паутине серьезного», нормы которого он, как правило, усваивает еще в детстве. «Не дурачься, не балуйся, не шуми!» – требуют от ребенка родители, учителя, окружающие. Таким образом, запрет на нарушение меры часто сопровождается запретом на несерьезное. На серьезное также ориентирован и государствен-

ный строй, в условиях которого в связи с цензурой все смеховые формы – одни раньше, другие позже – переходят на положение неофициального аспекта (Бахтин М. М., 1990). Исследования М. М. Бахтина показывают, что в условиях доклассового строя смешное и серьезное занимали одинаковое по значимости место в жизни человека, они были одинаково священными. И если существует потребность в труде, планомерной и нормативной деятельности (потребность в серьезном), то должна существовать потребность в несерьезном. Неудовлетворение этой потребности может привести к невротизации личности.

По П.В.Симонову (1981), потребность, лежащую в основе смеха, трудно определить однозначно. Потребность, удовлетворяемая при реакции на смешное, не является устойчиво доминирующей потребностью субъекта. Автор считает, что смех есть известное отвлечение от мотивационной доминанты, отход от нее, взгляд со стороны. Он полагает, что юмор имеет отношение к интеллектуальному превосходству: в понимании, в оценке событий, лиц, положений и т. п. Поэтому в основе смеха лежит сплав социальной потребности превосходства с идеальной потребностью познания. П.В.Симонов (1993) замечает также, что юмор нельзя свести к какому-либо одному фактору, будь то агрессивность, сострадание и т.д. Но в чувстве юмора неизбежно присутствует «потребность в экономии сил», в соответствии с чем эффект комического возникает, когда субъект обнаруживает несоответствие расходуемых сил реально необходимым тратам. На вопрос о том, какая потребность удовлетворяется смехом, еще не дано определенного ответа.

Интеллектуальное превосходство (Т.Гоббс), освобождение от напряжения (И.Кант, Дж.Селли) – все это варианты потребности, лежащей в основе смешного. Многие исследователи смешного признают, что смех – это проявление некоего состояния, сходного с состоянием детской игры. По З.Фрейду (1925) остроумие берет истоки в детской игре. А.Бергсон (1981) считает, что смех связан с понятием игры, где она понимается как противоположность труду, усилию. Жан-Поль (1981) полагает, что смех – это наслаждение рассудка отпущенного на свободу.

Мы солидарны с этими взглядами и считаем, что смех, если и является свидетельством удовлетворения какой-то потребности, то это потребность в переживании несерьезного (переживании состояния комического). На наш взгляд, смех является свидетельством удовлетворения потребности переживании состояния комического, детерминированного ситуацией, в которой нарушается норма. При изучении состояния комического необходимо рассмотреть вопросы социогенеза этого состояния.

Глава 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

Авидон И. Ю.

ИНТЕРЕС К ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МОТИВАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Цель проведенного исследования заключалась в выявлении структуры мотивов потенциальных интеллектуальных мигрантов, то есть тех, кто намерен реализовывать свой интеллектуальный потенциал за пределами страны. Респондентами исследования выступили студенты, выпускники и аспиранты Санкт-Петербургских вузов (30 человек).

После ряда пилотажных процедур была разработана анкета, содержащая четыре группы мотивов, условно названные как «деловые», «материальные», «туристические» и «психологические». В первую категорию (деловые) вошли мотивы получения информации и опыта, которые могут оказаться полезными для профессионального образования и деятельности. Сюда же был отнесен и интересующий нас мотив – желание выучить новый язык или усовершенствовать тот, которым респондент уже владеет. В категорию материальных мотивов были отнесены мотивы, выражающие направленность на получение материальных благ (достаток, стабильность). В туристическую категорию вошли мотивы, характерные для путешествий и туризма в целом (интерес к стране, потребность во впечатлениях). В психологическую категорию были отнесены мотивы, связанные с потребностью в достижениях, самоутверждением, защитным поведением (уход от актуальных проблем).

Применение факторного анализа привело к построению четырехфакторной модели мотивации. Первый фактор можно назвать фактором самореализации, подразумевающей расширение социального и информационного пространства личности. Она предполагает активное освоение предоставляющихся возможностей, удовлетворение своих интересов и применение интеллектуальных и коммуникативных способностей. Второй фактор был определен как фактор стремления к социальным гарантиям, к стабильности и комфорту. Конфигурация третьего фактора позволяет интерпретировать его как фактор эмиграции. Четвертый фактор был назван фактором стремления к эмоциональной насыщенности жизни. Именно в него наряду с потребностью в новых впечатлениях и реализацией механизмов психологической защиты входит и заинтересованность в перспективе языковой практики.

В результате корреляционного анализа была установлена связь между такими мотивами, как перспектива языковой практики и намерение проверить свои адаптационные способности. В то же время не были получены значимые корреляции с такими переменными, как карьерный рост, возможность межличностной коммуникации, доступ к источникам информации, интерес к культуре страны изучаемого языка.

Таким образом, мы можем сделать вывод о второстепенности социальной и коммуникативной составляющих в структуре представлений об иностранном языке и о преобладании в ней личностной компоненты, связанной с психологической защитой, самооценкой, потребностью в эмоциональной насыщенности жизни.

Городецкая И.М.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ И ТРУДА БЕЗРАБОТНЫХ

Безработные граждане – это особая социальная группа, характеризующаяся спецификой образа жизни, ценностных ориентаций, системы отношений. Кроме того, ситуация вынужденной незанятости обычно влечет за собой изменение статуса, позиции, общественных ролей личности, которые определяют особенности мотивации поведения и, как отмечал Б.Г.Ананьев (1968), являются важными личностными характеристиками. Таким образом, можно говорить об определенных социально-психологических особенностях безработных как социальной группы.

Поскольку 9 из 10 безработных связывают свое будущее с трудовой деятельностью, а найти работу по специальности многим очень сложно или невозможно, то одним из важнейших направлений регулирования ситуации на рынке труда является профессиональная подготовка и переподготовка безработных в соответствии с социальным заказом. Мы считаем, что процесс профессиональной подготовки специалистов будет более эффективным при учете их социально-психологических особенностей. Целью нашего исследования стала мотивация безработных граждан к учебной и трудовой деятельности.

Следует отметить, что ситуация незанятости является, в общем-то, мотивационной ситуацией. Потеря такой ценности, как работа, и связанных с ней престижа, материального благополучия, признания, делают эту ситуацию стрессовой. И чем выше место потерянной работы в иерархии ценностей человека, тем выше мотивационный потенциал

совладания с возникшей трудностью. В этом случае профессиональное переобучение воспринимается как возможность изменения ситуации.

В своем исследовании мотивации учебной деятельности безработных мы исходили из структуры мотивации учения, разработанной М.Г.Роговым (1998). Она включает две большие группы мотивов: непосредственные, то есть непосредственно включенные в сам процесс деятельности и соответствующие ее социально заданным целям и ценностям, и опосредованные, связанные с целями и ценностями, которые лежат вне самой деятельности (данной, конкретной), но могут в ней хотя бы частично удовлетворяться. Автор выделяет две группы непосредственных мотивов: познавательные и мотивы развития личности. Опосредованные мотивы были объединены в три группы: социальные мотивы, мотивы успеха и стимульные мотивы.

Полученные данные позволяют говорить о том, что в процессе профессионального переобучения безработных наиболее значимыми являются непосредственные мотивы. При этом в данном блоке более выражены мотивы развития личности, такие, как стремление расширить свой кругозор и эрудицию, стремление повысить свой общекультурный уровень. В блоке опосредованных мотивов наибольшую значимость имеют стимульные мотивы, такие, как возможность самореализации в профессиональном плане, профессионализм преподавателей и др.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что на структуру мотивации учения безработных оказывают влияние такие социально-демографические характеристики, как образование и возраст. Для безработных со средним специальным образованием особую значимость имеют познавательные мотивы, включающие в себя интерес к изучаемым предметам, желание повысить свой социальный статус и стремление получить глубокие профессиональные знания. Что касается безработных с высшим образованием, то у них наиболее выражены мотивы развития личности и мотивы достижения. Безработная молодежь характеризуется сильной выраженностью мотивов развития личности, тогда как у людей среднего возраста более значимыми являются познавательные мотивы, хотя мотивы развития личности также сильно влияют на мотивацию учения и занимают по рангу второе место.

Таким образом, проведенные исследования дают возможность глубже понять социально-психологические особенности феномена безработицы. Изучение мотивации учения безработных граждан позволит повысить эффективность их профессиональной подготовки и переподготовки, тем самым способствуя улучшению ситуации на рынке труда. Следует отметить, что безработица в нашей стране – явление относительно новое и малоизученное, требующее дальнейших исследований.

Гулина М.А.

ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С БЕЗДОМНЫМИ ДЕТЬМИ

Оглядываясь на историю развития социальной работы за рубежом, нетрудно заметить, что первоначально социальная работа была очень тесно связана с социальными науками. Так, Stein (1955) напоминает, что первая национальная конференция социальных работников в Америке была организована «Американской ассоциацией социальных наук» в 1870 г. Хотя уже в 1879 г. социальная работа выделилась как отдельная область, вплоть до 20-х годов этого столетия она оставалась в США и в развитых странах Западной Европы под влиянием социологии, экономики, политических наук (Hearn, 1958). Начиная с 20-х годов, под влиянием идей психоанализа социальная работа драматически изменила свою ориентацию. На первый план выступила работа с конкретным человеком (*social casework*), но уже не столько в традициях психиатрического или диагностического подходов, сколько *психодинамического*.

Как формулировали теоретики и практики социальной работы, не человек является проблемой, а у него есть проблема. Психодинамический подход в социальной работе неоднократно анализировался в зарубежной литературе (Smalley, 1967; Turner, 1979; Lishman, 1994; Wasserman, 1979 и др.). Он может именоваться как «психодинамический подход», «психодинамическое консультирование», «психодинамическая работа со случаем», психосоциальный подход. Есть согласие большинства теоретиков в том, что социальная работа впитала в себя следующие идеи З.Фрейда и его последователей (особенное место отводится О.Ранку, а также теориям Д.Боулби, Э.Эриксона, М.Кляйн): принятие опыта клиента и ситуации, в которой он находится; учет предыдущего опыта отношения клиента со значимыми близкими; особенное внимание уделяется травмам отрыва от матери, недостатка привязанности, проблемам сепарации; роль желаний и контржеланий клиента; сопротивление изменениям; необходимость усиления Эго и др.

Наш опыт работы в Санкт-Петербурге в рамках одной из российско-американских программ с детьми, поступающими в приюты города после нескольких лет жизни «на улице», показал, что трудности и особенности установления отношений с бывшим беспризорным ребенком зависят в первую очередь от того, какого рода психологическую депривацию он испытывал в период своей беспризорной жизни. Это вполне укладывалось в рамки периодизации стадий психосексуального развития, предложенные в свое время З.Фрейдом, А.Фрейд, Э.Эриксоном и дру-

гими психоаналитиками. Из более поздних разработок наиболее полезным оказался уже концептуализированный зарубежными психологами и социальными работниками опыт работы с детьми, пережившими насилие – с детьми, которыми «злоупотребляли» взрослые. Собственно говоря, определение характера этой депривации и особенностей травматического опыта у ребенка и являлось задачей первых этапов работы с ним, так как именно эти травматические фиксации как «окрашивали» отношения ребенка с психологом – социальным работником, так и влекли за собой пока нерешенные задачи развития этого ребенка.

Другим важным для данного вида помощи психодинамическим принципом явился учет особенностей построения ребенком трансферных отношений с психологом и персоналом в целом (отметим, что порой ребенок строит диаметрально противоположные отношения с «близкими» и «чужими»). В построении этих отношений ребенком (по крайней мере, в попытках их строить) в полной мере проявлялась структура его субъектных отношений со значимыми Другими в прошлом опыте. Здесь важно было в процессе знакомства и работы с ребенком разделить «реальное и воображаемое Эго», отделить его неосознаваемые потребности от принятых им решений о себе и о мире.

Третьим, возможно, наиболее существенным моментом в работе с детьми оказался вопрос о феномене контрпереноса со стороны персонала больницы, где ребенок, поступивший с улицы, проходит обязательное обследование в течение месяца, а потом и приюта. Решение этой профессионально и жизненно важной проблемы видится в проведении систематической психологической помощи персоналу и супервизирования работы с детьми и возникающими.

Представляется недопустимым, что медики, психологи, педагоги, социальные работники работают с глубоко травмированными детьми в ситуации отсутствия профессиональной психологической поддержки.

Дейнека О.С., Савенко А.К.

ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ПРЕДКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Фигура российского предпринимателя вызывает постоянный научный интерес у психологов и социологов. В европейской культуре образ предпринимателя скорее негативен, чем позитивен (П.Х.Верхан, 1992). Отношение населения к российскому предпринимателю в период реформирования также диагностировалось как отрицательное, что объяс-

нялось прежде всего сомнительным происхождением первичного капитала и использованием незаконных методов ведения дел. Однако недавние измерения показали определенные трансформации в отношении к предпринимателю в период временного оздоровления экономики.

Объектом исследования были представители интеллигенции гуманитарной сферы, которые являются работниками наемного труда (33 чел.) и предприниматели малого и среднего бизнеса (20 чел.), получающие доход от собственного дела. Использовался метод семантического дифференциала (СД) Ч.Осгуда с применением дополнительной шкалы «выгоды–риска». Помимо ключевого понятия «предприниматель» исследовались важные контекстные понятия «государство» и «налоги», «интеллигенция», «семья».

Было обнаружено, что за последние годы произошли значительные изменения в образе предпринимателя – он стал *позитивнее*. В обеих группах понятие «предприниматель» расположено в зоне положительных значений шкал. В группе наемных работников только по шкале «Оценки» показатель близок к нулю (0.2), а по шкалам «Активности», «Силы» и «Выгоды» средние составили соответственно 1.5; 1.0; 0.9. В своих глазах предприниматель оценивается, естественно, выше: «Оценка» – 0.9, «Активность» – 1.6, «Сила» – 1.4, «Выгода» – 1.1.

Корреляционный и факторный анализ в отношении предпринимателя с *государством* выявил противостояние, особенно в звене «предприниматель–налоги». Отражая свой класс как активный и сильный, предприниматели оценивают государство как слабое и пассивное. В сильном государстве предприниматели видят гарант своего успеха.

Интеллигенция позитивнее воспринимает предпринимателей, чем предприниматели интеллигенцию. Интеллигенция стремится к союзу и взаимодействию с классом предпринимателей. Предприниматели же ставят «выгоду» интеллигенции под сомнение.

В семантическом поле координат «оценка–выгода» семья для предпринимателя стоит на более высоком месте, чем у представителей интеллигенции. Высокозначимая отрицательная связь «активности семьи» и «выгоды» предпринимателя показывает, что предпринимательство сегодня требует полной отдачи, а семья нужна скорее, чтобы восполнять затраты сил в комфортной домашней обстановке. Поэтому активность в семье предприниматель считает невыгодным делом.

Корреляционный анализ внутри понятия «предприниматель» показал различия в оценках и идеалах у самих предпринимателей и работников наемного труда. Хороший предприниматель у первых ассоциируется с волевыми качествами, а именно он – решительный, самостоятельный, уверенный, а затем уже созидательный и прибыльный. Для

представителей интеллигенции хороший предприниматель – это гуманный и справедливый, а также прибыльный. И в той, и в другой выборке высокая оценка предпринимателя связывается с фактором времени, он – перспективный, современный, передовой.

В целом отношение к предпринимателю стало более терпимым, его образ трансформировался за последнее время в позитивную сторону. Однако идеальный образ предпринимателя у самих предпринимателей и наемных работников различен.

Дмитриева М.В.

ИЗУЧЕНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ БЕЗРАБОТНЫХ

Изменения, затронувшие в последние годы различные стороны жизни наших соотечественников, стали поистине тяжелым испытанием, приводящим, как правило, к резкому ухудшению психического состояния личности. Не случайно, что одной из важнейших проблем современной психологической науки стало изучение личности во взаимодействии с трудными жизненными ситуациями. В ряду со множеством различных трудных ситуаций, возникших перед нашими людьми, находится безработица. Ситуация эта, во многом непривычная для подавляющего большинства наших граждан и осложненная отсутствием опыта действий при потере работы, вызывает сильные негативные переживания, перенапряжение физических и психических функций. В этой связи является актуальным выявление факторов психологической устойчивости личности и ее умения справляться с ситуацией потери работы. Важнейшую роль в этом, на наш взгляд, призвана играть мотивационная сфера личности, особенности ее структурной организации, под воздействием которых личность занимает либо активную поведенческую позицию, демонстрирует гибкий стиль поведения, либо избирает другой путь, мало способствующий поиску выхода из создавшейся ситуации.

Выбирая для исследования данный тип ситуаций, мы исходим из предположения о том, что способность человека совладать с трудной жизненной ситуацией зависит от уровня осмысленности жизни. Смысл жизни как главная мотивирующая сила, а также уровень самоактуализации являются теми «вершинными» образованиями личности, которые влияют не только на способ, но и на результат деятельности, определяют способность индивида быть субъектом своих отношений, а не пассивным объектом воздействия ситуационных переменных.

Теоретическую и методологическую основу данного исследования составили принципы комплексности и системности, изложенные в трудах Б.Г.Ананьева, Б.Ф.Ломова и др.; концепция жизненного пути личности, разработанная в трудах С.Л.Рубинштейна и Б.Г.Ананьева, согласно которой жизненный путь личности представляет собой историю личности и субъекта деятельности.

Проблема особенностей мотивационной сферы личности, находящейся в ситуации потери работы, в отечественной и зарубежной психологии остается малоизученной. Среди психологических исследований стиля поведения людей, находящихся в ситуации потери работы, практически отсутствуют работы, рассматривающие поведение в такого рода ситуации в зависимости от особенностей мотивационной сферы, в частности, от смысла жизни, который венчает иерархию мотивов личности и создает как «главный мотив» «внутреннюю психологическую оправданность существования» (А.Н.Леонтьев, 1975).

В эмпирическом исследовании, проводившемся на базе областного и городского центров занятости населения (г. Белгород), приняли участие 225 безработных. Из общего числа обследованных были выделены две группы. В первую группу вошли безработные, чье поведение после потери работы отличалось активностью, стремлением найти выход из создавшейся ситуации, что, в конечном итоге, завершилось их устройством на новую работу. Поведение безработных второй группы характеризовалось низкой активностью, уходом от решения ситуации и, как правило, не способствовало их дальнейшему трудоустройству.

Выявленные специфические особенности в структуре мотивации безработных обеих групп подтверждают правомерность выдвинутой гипотезы. Анализ структурных особенностей безработных 1-й группы свидетельствует о большей взаимосвязанности между всеми параметрами их мотивационной структуры, включая смысложизненные ориентации и самоактуализацию, что обуславливает наличие у них гораздо большего личностного потенциала, способствующего более результативному стилю поведения. Таким образом, более структурированная система мотивационных образований позволяет им в большей степени быть независимыми от изменений социума и помогает реализовать в ситуации потери работы собственные потенциальные возможности. Напротив, структурные особенности мотивационного потенциала безработных, вошедших во 2-ю группу, характеризуются меньшей интегрированностью, изолированностью отдельных показателей. Разорванность психологических связей, гораздо меньшая их структурированность обуславливают неэффективность стиля поведения в ситуации по-

тери работы, выступая ограничителями внутреннего развития, препятствующими нахождению выходов из создавшегося положения.

Коваленко М.И.

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО СЕКТАНТСТВА

Изучение этнопсихологических факторов религиозности чрезвычайно актуально. Именно конфессиональное единство консолидирует народы в этнические таксоны, оказывая глубокое влияние на их быт, традиции и мировоззрение. В России сейчас происходит процесс духовного обновления, появились многочисленные «нетрадиционные религии». Несколько лет назад их появление воспринималось как проявление плюрализма. Теперь стало ясно, что многие новые «религии» – это деструктивные тоталитарные секты, опасные для человека и общества.

Идеология тоталитарных культов всегда деструктивна: неприятие, отвержение материального мира ради иллюзорных ценностей. Тоталитарные секты отличаются осознанием своей исключительности, страстной нетерпимостью к другим религиозным направлениям, самоутверждением путем отрицания всего, находящегося вне принятого ими круга мыслей и деятельности. Не ортодоксальность придает секте деструктивный характер, а неискренность, манипулятивность деятельности. Практикуется обманная вербовка и тотальный контроль сознания.

Тоталитарные секты активно борются с проявлением национальных особенностей. Весь окружающий мир трактуется как сатанинское порождение, от которого следует отказаться. Мунизм, например, выступает против государственных границ. Как правило, у мунистов брачные пары состояются из адептов из разных стран. Миссионерствовать они посылаются в третью страну. Получается, что мунист – это и есть национальность. Став членом тоталитарной секты, человек не может отдавать почести национальному флагу, не имеет права голосовать, а в годы войны – защищать свою Родину. Сектанту внушают, что все, кто не состоит в его секте – враги.

Почему возникают деструктивные культы? Тесный контакт некомплементарных суперэтносов, согласно учению Л.Н.Гумилева, приводит к образованию этнических химер, т.е. общностей дезэтнизированных индивидов, утративших оригинальные этнические стереотипы поведения и этнические традиции. В недрах этнических химер могут возникать антисистемные идеологии, отрицающие реальный мир, этнические традиции ради абстрактных разрушительных целей.

Питательная почва для антисистем – мегаполисы. Именно там в результате негативных суперэтнических контактов продуцируются этнические маргиналы, противопоставляющие себя любой этнической традиции. Вспомним, насколько нелепы шествия кришнаитов на улицах наших городов. Конечно, не все химеризованные люди входят в антисистемы, а только те, кто обладает негативным мироощущением. Такое мироощущение было характерно для приверженцев гностицизма, манихеев, богумилов, катаров, измаилитов. Для этих антисистем была характерна скрытность действий и такой мощный прием борьбы, как ложь. Антисистемы всегда характеризуются футуристической идеологией, ради которой надо или изменить мир, разрушая его, или требуют от человека вырваться из оков реальности, разрушая самого себя.

Можно утверждать, что современные деструктивные культы – это разновидность антисистем. Их деятельность направлена на подавление личности, разрушение семьи, уничтожение национальных культурных традиций. Поэтому государство обязано выработать действенные меры профилактики негативного влияния сектантства.

Мартюшев Д.Г.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕС-СЛОЯ

Политико-экономические преобразования в России поставили перед отечественной наукой ряд задач, связанных с изучением развивающегося социального слоя, представители которого в той или иной мере вовлечены в бизнес-деятельность. Среди наиболее актуальных проблем его исследования с позиций политической и экономической психологии мы выделяем формирование представлений об особенностях мировоззрения современных российских бизнесменов.

Статусные портреты основных социальных групп, составляющих бизнес-слой, по мнению Т.И.Заславской, выглядят следующим образом. *Предприниматели* – собственники предприятий и фирм, лично управляющие ими, не совмещающая эту деятельность с работой по найму. *Самозанятые* – лица, занятые мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной трудовой деятельности с помощью собственных средств производства. Они отличаются от «классических» предпринимателей меньшими размерами бизнеса и индивидуальным типом труда, т.е. отсутствием организации совместной деятельности людей. *Бизнесмены-менеджеры* – наемные директора предприятий, совмещающие

управленческую работу по найму с ведением собственного бизнеса, а также брокеры. *Полупредприниматели* – наемные работники, не выполняющие управленческих функций и совмещающие основную работу с теми или иными видами предпринимательства. *Менеджеры-совладельцы* – хозяйственные руководители мелких и средних акционированных предприятий, работающие по найму, но вместе с тем располагающие пакетами акций управляемых предприятий. «Классические» менеджеры – хозяйственные руководители, управляющие предприятиями на основе найма, «за зарплату». Лидерами основных направлений бизнес-деятельности являются представители профессиональных групп предпринимателей, брокеров и менеджеров.

В нынешней ситуации особую роль играет наличие тех духовных ценностей и свойств личности, которые способствуют победам в жесткой конкурентной борьбе за личное благополучие и выживание. По целому ряду причин они не могли быть сформированы у основной массы жителей России ранее. Постепенно сложились компенсаторные механизмы выживаемости, действующие вне системы легитимных отношений. Их основой являются деградация общественной морали и утрата общественным сознанием иммунитета к криминальной деятельности.

Процесс становления корпоративных этических норм в России идет довольно интенсивно. Важнейшим моментом рассматриваемого процесса является появление продвигающихся к полному господству социальных групп, которые в основном приобрели признаки классов: криминальной по своему характеру компрадорской буржуазии и новой бюрократии. Эти две группы сближаются, но между ними остаются противоречия в интересах, обусловленные различиями по месту, которое они занимают в системе экономических и политических отношений.

Обобщение результатов исследований отечественных психологов дало возможность выделить социально-психологические факторы, определяющие успешность деятельности в современном российском бизнесе. Они связаны в основном с социальным происхождением, независимостью и верой в собственные возможности, сочетанием рациональности и расположенности к риску, тщеславием и честолюбием, предприимчивостью и профессионализмом, мотивацией обогащения, перспективностью, «калейдоскопностью» и концентрацией мышления, коммуникативной компетентностью и склонностью к лидерству, готовностью к переструктурированию информации и среды, интуицией.

Проблемы этики российского бизнеса, служащего фундаментом формирования класса буржуазии, остро нуждаются в обстоятельном психологическом исследовании. Дело в том, что именно психология раскрывает психическую природу и условия формирования их нравст-

венных проявлений. Пробелы в этой части во многом объясняются тем, что государственная пропаганда новых терминальных ценностей длительное время сдерживала употребление ряда понятий. Среди них в данном случае мы выделяем такие, как «класс» и «идеология». Под идеологией предпринимательства следует понимать ту часть мировоззрения его субъектов, которая отражает как внешние формы существования предпринимательства в правовой системе, так и взаимоотношения его с другими социальными общностями и государством.

На фоне все более осложняющейся политико-экономической ситуации в нашей стране, анализ психологического контекста этих и других проблем реформирования сегодня особенно необходим.

Первова И.Л.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Россия переживает редчайший в истории период одновременного изменения экономической, политической, социальной систем, сопровождающийся идеологическим вакуумом и смещением общечеловеческих ценностей. Россия находится в состоянии неопределенности и неуверенности в будущем, нестабильности и дисбаланса. Социалистические нормы общественного бытия в политике, экономике и социальных отношениях перестали соответствовать новым социальным условиям, а система новых норм складывается с большими трудностями.

Наиболее уязвимой для отрицательного влияния кризиса является подрастающее поколение. Духовная жизнь детей, подростков, молодых людей в силу недостаточной сформированности подвергается насильственному воздействию со стороны асоциальных условий проживания, маргинализации и криминализации, кризиса образования.

Большой «вклад» в популяризацию и распространение зла, насилия, жестокости, бескультурья, хамства, невежества среди молодежи вносят средства массовой информации, зачастую культивирующие акты насилия, агрессию, превосходство физической силы, героизацию преступлений и преступников, вседозволенность и безнаказанность, неуважение к национальным, государственным и человеческим ценностям.

Нарастающий кризис отечественного среднего и среднего специального образования отлучает от школы все большее количество детей и подростков. Рушится материальная база школ, ПТУ, техникумов, вузов, теряются квалифицированные кадры. Отсечение талантливой, но мало-

имущей молодежи от вузовского образования, безработица в среде молодых специалистов толкает молодых людей на получение средств к существованию, зачастую выходящих за рамки законных.

Показатель патологической пораженности детей и подростков по числу заболеваний и морфо-функциональных отклонений неизменно растет практически по всем группам. Репродуктивный потенциал молодежи вызывает обоснованное беспокойство и давно вышел за рамки только медицинских интересов. Вопрос недопущения катастрофического роста физической и психической ущербности грядущих поколений, задержки обвала морально-нравственных ценностей в молодежной среде и приближение его к былому высокому уровню, свойственному российскому гражданину в наши дни стоит очень остро.

Одномоментное решение такой объемной проблемы, как социализация молодежи в условиях тотального кризиса, является, безусловно, нереальным. Абсолютного, универсального рецепта для борьбы с болезнью, поразившей наше общество, также не существует. Дело здесь не только в отсутствии финансовых средств. Согласованность, межведомственная информированность, определенность, содержательность, конкретность, целенаправленность, действенность – вот неполный список отправных точек в реализации государственной молодежной политики. Только в системе слаженных политико-финансово-социально-психологических воздействий возможно удержать молодежь, а значит, и будущее всей страны, на краю образовавшейся пропасти.

Своевременное и целенаправленное формирование социальных навыков полноценной самореализации отнюдь не является панацеей в системе возрождения молодежного потенциала. Вместе с тем социально-эмоциональные аспекты человеческой деятельности имеют огромное воздействие не только на самого индивида, но и на жизнь общества, причем зачастую более значимое во времени, чем интеллектуальный потенциал, который принято считать определяющим.

Очевидность влияния сформированности социальных навыков просматривается практически во всех проявлениях жизни человека и общества, начиная с семейных отношений, успеваемости, профессиональной деятельности, психологической комфортности и заканчивая социальной стабильностью, национальными отношениями, уровнем негативных девиаций, таких, как преступность, алкоголизация и наркоманизация населения, смертность, самоубийства, проституция.

Попытка серьезного рассмотрения процесса формирования социальных навыков в рамках системы обучения и воспитания как возможности направленного воздействия на стабилизацию общества может реально, правда не сразу, а постепенно внести свой вклад в сокращение

огромного разрыва, существующего между теорией и практикой преодоления кризиса в современной России.

Семенов В.Е.

ДИНАМИКА РОССИЙСКИХ МЕНТАЛИТЕТОВ НА СТЫКЕ ВЕКОВ

Один из основателей социально-психологической науки в нашей стране Е.С.Кузьмин неоднократно отмечал отставание исследований в сфере массовых явлений и процессов, больших социальных групп по сравнению с другими областями социальной психологии. Это положение остается и сейчас. Поэтому понятен интерес ученых, проявляемый в последние годы к феномену, определяемому понятием «менталитет». Однако трактуется данный термин весьма неоднозначно и расплывчато.

В нашем понимании менталитет – это исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении. Считать, что у народа только один менталитет – неправильно, тем более у такого народа, как русский, не говоря уже о многонациональном народонаселении России.

Исходя из философских, культурно-исторических и социопсихологических предпосылок, можно определить основные российские менталитеты нашего времени. Дедуктивно они закладываются философскими универсальными категориями-оппозициями: Дух (Бог) – материя (идол) по вертикали; общество (коллектив) – личность (индивидуальность) по горизонтали. Обобщение всех этих данных позволяет выделить следующие базовые российские менталитеты (В.Е.Семенов, 1994):

- православно-русский (вверху вертикальной координаты) имеет корни в тысячу лет на Руси, активно возрождается с конца 80-х годов; ценности Бога, Духа, заповедей Христовых, совести, соборности;

- коллективистско-социалистический (справа по горизонтальной координате) имеет корни в крестьянской общине, рабочей артели, партийных ячейках, сформировался за три четверти века в СССР; ценности коллективизма, вождизма, социальной справедливости, конформности, труда на благо общества, интернационализма и др.;

- индивидуалистско-капиталистический (слева по горизонтальной координате): корни уходят на Запад, сформировался в России в XIX в., возрождается (скорее, в одиозном виде) в наше время; ценности инди-

видуализма, рационализма, личного успеха, прагматизма, потребительства, денег как абсолютной универсалии и др.

криминально-мафиозный (внизу вертикальной координаты): существовал всегда, имеет корни в пороках людей, заметно проявился с конца 70-х годов нашего века; вульгарный материализм и гедонизм, культ грубой силы и обмана, клановая иерархия, мифология, ритуалистика.

Помимо указанных четырех основных менталитетов следует еще назвать менталитеты неправославных конфессий (исламский, буддийский, иудейский, различных видов христианства), а также мозаичный конформистский псевдоменталитет (порождение «массовой культуры» и СМИ, конгломерат «осколков» вышеуказанных менталитетов). И конечно, в реальности существуют своеобразные промежуточные умонастроения между каждой парой смежных базовых менталитетов.

В личностно-персонифицированном аспекте истоки базовых российских менталитетов просматриваются в традиционных русских фольклорных и легендарных образах святого, крестьянина-воина, «иноземца-немца» и разбойника. Замечательное воплощение упомянутых российских менталитетов мы нашли также в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» в образах Алеши, Мити, Ивана и их брата по отцу Смердякова. Российские менталитеты вообще чрезвычайно ярко отражаются в отечественном искусстве, как прошлом, так и современном.

В постперестроечный период основные российские менталитеты достаточно четко проступают и в партийно-групповом политическом обличье (православное и земское движение, коммунистические партии, демократические прозападные партии, криминально-мафиозное проникновение в некоторые партии и движения).

Несмотря на всю пеструю динамику современной российской духовно-психологической жизни, все яснее проступает основная диалектика противоборства самобытного российского, русского умонастроения, генетически связанного с идеологиями славянофильства, почвенничества, евразийства, и подражательного прозападного менталитета, ранее отраженного в идеологии российского западничества и либерализма. Первый менталитет закономерно связан с православием, соборностью, коллективизмом, харизматическим лидерством, второй – с протестантством, атеизмом, индивидуализмом, манипуляторством.

Скородумов А.А.

О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ САТАНИНСКИХ ГРУПП

Уже много веков на Руси и в России существует поверье, что нельзя называть нечисть по имени, так как считается, что это призывает ее. Видимо, именно этим, а не страусиной политикой, можно объяснить тот факт, что подобные группы никем не изучаются и не упоминаются ни на одном научном форуме. Отдельные же публикации журналистов являются своеобразной рекламой сатанистов.

В настоящее время сатанинские организации действуют более чем в сорока городах России. В Санкт-Петербурге существует не менее 10 устойчивых сатанинских групп, две из которых имеют название «Черный дракон» и «Церковь Сатаны». Есть и подростковые группы с названиями «Орден сатаны» (нам доводилось общаться с адептами этой группы), «Магистрат» и «Черные волки». Существуют группы без названий. Кто они, российские сатанисты наших дней?

В большинстве своем это подростки и молодежь. Для многих из них сатанизм является своеобразной игрой. Правда, в таких играх легко перейти границу между нравственностью и безнравственностью, законом и беззаконием. Для других сатанизм является протестом против лжи, лицемерия и ханжества. Для кого-то сатанизм становится ответом на агрессию, ущемление прав или унижение человеческого достоинства.

Существуют различные классификации сатанинских групп. Ю.Сандулов (1998) выделяет четыре типа организаций дьяволопоклонников. К первому типу он относит такие группы, представители которых считают сатану ангелом и поэтому поклоняются ему. Второй тип есть не что иное, как клубы секса с садистско-мазохистской направленностью. Третий тип не связан ни с какой исторической традицией и характеризуется употреблением наркотиков. Четвертый тип представлен бюрократически оформленной американской «Церковью сатаны».

По мнению американских ученых G.Eisenberg и M.Langone (1994), все сатанинские группы можно классифицировать, исходя из четырех уровней. Первый уровень – «самостоятельно изучающий любитель». Он состоит из индивидов, которых сатанизм привлек через популярные книги по данному предмету и через другие доступные источники. Любитель обычно не связан с усложненной группой или культом, хотя могут существовать небольшие группы любителей. Результаты наших исследований говорят о том, что большинство таких групп состоят из подростков и молодых людей от 14 до 20–22 лет, которые носят сата-

нинскую символику, идут на контакт с исследователями, испытывая при этом гордость за интерес, проявляемый в отношении их.

Второй уровень – «психопатические сатанисты». Это индивиды, которых сатанизм привлек потому, что он выражает и облагораживает девиантные побуждения, которые у них уже существуют. В наших исследованиях мы чаще всего встречались с проявлениями сексуальных девиаций и факторами, формирующими эти девиации. Нам доводилось исследовать две группы, которые можно отнести ко второму уровню. Одна из них состояла в основном из подростков Красногвардейского района, а вторая – из подростков Московского района Санкт-Петербурга. В первом случае удалось установить употребление наркотиков и сексуальные девиации, проявляющиеся, как правило, в практиковании группового секса. Во второй группе у адептов четко прослеживалась мания величия и патологическая склонность к властвованию над людьми. Последнее планировалось осуществлять посредством черной магии. Из беседы с адептом этой группы, его родственниками и инспектором по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних удалось установить, что несколько юных черных магов состоят на психиатрическом учете. Известны случаи, когда молодые сатанисты практиковали секс на надгробных плитах христианских кладбищ.

Подобные действия у отдельных людей могут развивать некрофилию в самой опасной форме – «религиозный сатанизм» (третий уровень), проповедуемый в таких публично известных группах, как «Церковь сатаны» (CLLIA, Сан-Франциско), «Южный крест» (Москва) и др. Такие группы открыто рекламируют себя, не скрывают местонахождение, принимают членские взносы. Правда, отдельные группы этого уровня, которые противодействуют христианству, нарушая закон, стараются не рекламировать себя.

Четвертый уровень – «черные сатанисты» – представляют собой группы, которые избегают легализации, поскольку их ритуалы в большинстве своем связаны не столько с осквернением христианских храмов и кладбищ, употреблением наркотиков, оргиями с элементами садомазохизма, сколько с самыми крайними формами оккультизма, основанного на человеческих жертвоприношениях.

В заключение отметим, что сатанизм любого уровня разрушителен не только для окружающего внешнего мира, но, в первую очередь, для тех, кто его исповедует. Поэтому не замечать его просто нельзя.

Глава 4. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андреева Т.В.

НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ТИПОЛОГИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ

Проблема направленности личности является одной из центральных проблем психологии личности. Наше понимание направленности основано на подходах В.Н.Мясищева (1960), Б.Ф.Ломова (1984), В.А.Ядова (1975, 1979), А.Г.Ковалева (1981). В.Н.Мясищев понимает направленность личности как доминирующее отношение, подчиняющее себе другие и определяющее жизненный путь человека (1960). В.А.Ядов (1974, 1979) определяет направленность интересов личности как ось, организующую иерархию ценностей в индивидуализированную структуру.

Задачами настоящего исследования являлись: определение основных типов направленности личности, изучение особенностей формирования представителей выделенных типов направленности за период от детства до взрослости. *Объектом исследования стали 247 архитекторов проектных организаций различного профиля в возрасте от 25 до 45 лет.*

Методы исследования: «Ценностные ориентации» М.Рокича, а также авторские методики «Ценностные ориентации», биографическая анкета, «Досуг» (Т.В.Андреева, 1985, 1989, 1995, 1997), опросник Кеттелла, психологический анализ деятельности архитекторов, «Личностный анализ работы» А.Юровского и другие.

Основные результаты исследования: Проведен кластерный анализ терминальных ценностей (Рокич) отдельно на мужской (102 чел.) и женской (145 чел.) выборках и факторный анализ по индивидам. На мужской выборке выделено 5 кластеров, интерпретируемых по доминирующим терминальным ценностям как типы направленности интересов:

1. «На работу»: доминирующие ценности – «работа», «друзья», «творчество» с отвержением «материально обеспеченной жизни» и «удовольствий». Представители этого типа выросли в семьях инженеров, военных, рабочих. Среди их родственников нет архитекторов. Характерен самостоятельный путь развития способностей и склонностей с 10-12 лет обычно в двух направлениях (например, спорт и рисование). Наиболее трудный путь в профессию. В зрелом возрасте – актуализация творческого потенциала на своем рабочем месте. Для них характерны чувство ответственности и высокая способность к обучению.

2. «На творчество»: доминирующие ценности – «творчество», «работа», «любовь», «познание». Снижена значимость ценностей «семья», «материально обеспеченная жизнь». При сильном влиянии родительской семьи (часто родители – архитекторы) на развитие способностей у представителей этого типа, оно было скорее развивающим, чем направляющим. Выбор профессии – очень осознанный и самостоятельный. В зрелом возрасте – высокая творческая продуктивность (победы на конкурсах, частные заказы помимо основной работы). Среди личностных особенностей – эмоциональная стабильность в сочетании с утонченностью (характерной в целом для людей искусства).

3. «Гармонический тип» (близкий к гармоническому типу, по В.А.Ядову): ведущие ценности – «семья», «любовь», «работа», «творчество» – характерны для усредненных показателей по подвыборке мужчин-архитекторов, то же можно сказать и о личностных чертах.

4. «На познание» («свобода», «познание», «самостоятельность»): снижена значимость «творчества», «семьи», «материальной обеспеченности». В детстве – очень многостороннее развитие (до 5 направлений) с 5–6 лет. Матери, как правило, педагоги или «гуманитарии».

5. «Свободолюбиво–гедонистический» тип. Доминирующие ценности: «свобода», «творчество», «любовь», значимо повышена ценность «материальной обеспеченности» и «удовольствий» с отрицанием «познания» и «равенства». Представители типа выросли в семьях художников, архитекторов. В детстве – намерение стать художниками, но обстоятельства привели на АФ. Творческая продуктивность низкая.

У женщин–архитекторов обнаружили следующие типы направленности: «на творчество», «на познание», «гармонический тип» и два типа направленности на семью, с разной структурой остальных ценностей.

Таким образом, в установленных типах направленности личности, обнаружены различия: в направлении активности в разные сферы жизнедеятельности (что проявляется в различиях творческих и профессиональных достижений и в особенностях проведения досуга), в личностных свойствах представителей типов; в их формировании на протяжении жизни, в особенностях родительской семьи.

Анцупова Н.А.

РАЗВИТИЕ ЭГО-КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ

В задачу исследования входила оценка изменений некоторых личностных качеств учителя за длительный период. В социально-психологическом исследовании принимали участие 41 учитель

(женщины) общеобразовательной школы. Тестировались учителя, преподающие в 6–11-х классах предметы естественного и гуманитарного цикла, которые были разделены на две подгруппы по возрасту: от 20 до 39 лет и от 40 до 60 лет (молодые и старшие). При анализе использовалась самооценочная анкета, которую заполняли учителя. По инструкции им было необходимо определить в баллах от 1 до 12 изменение некоторых свойств личности, социальных интеллекта и компетентности за последние 10–12 лет (для молодых – за последние 5–7 лет).

Для оценки данных качеств использовались чаще всего баллы 4, 5, 6 (шкалы «тогда») и 8, 9, 10 (шкалы «сейчас»). Всего 6 человек считают, что у них эти качества снизили свое значение, а 9 человек – что не изменились. Из таблицы видно, что качества, входящие в социальную компетентность и в социальный интеллект, с возрастом и приобретением жизненного опыта по своему развитию становятся выше: улучшаются коммуникативные способности, сноровка, умение разбираться в людях, знание себя и жизни. Но уверенность, выносливость, самообладание, оптимизм (что связано с саморегуляцией) имеют большие пределы колебания. Видимо, это связано с экономическими проблемами учителей. Обращает на себя внимание тот факт, что знание себя в обеих группах значительно улучшилось за истекшие годы, а оптимизм заметно снизился, выносливость осталась на том же самом уровне.

Все учителя были также протестированы по методике КОСКОМ (коммуникативная и социальная компетентность) В.Н.Куницыной, в которую входила шкала эго-компетентности, измерявшая по 12-балльной системе знание себя. Результаты выглядят следующим образом:

Учителя гуманитарного цикла: молодые – 5.5 б, старшие – 7.9 б. Учителя естественного цикла (физика, математика) считают, что знание себя у них резко снизилось: молодые – 8.0 б, старшие – 5.1 б. Помимо большей самокритичности учителей этих предметов существуют объективные тенденции, нуждающиеся в дополнительной проверке.

Балакшина Ж., Бургардт И.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМАХ ВОСПИТАНИЯ

На современном этапе в детских дошкольных учреждениях используются различные воспитательные системы: традиционные, авторские, экспериментальные. Систему М.Монтессори называют системой свободного развития ребенка. Основанная на фундаменте физической и психической гигиены детства, она не похожа на другие системы воспи-

тания. Основными принципами медицины, считает М.Монтессори, является экономия психофизических сил, охрана здоровья и предупреждение болезней, строгая индивидуализация и предоставление максимального простора здоровым творческим силам. Столь сложный и ответственный синтез достигается только путем самовоспитания ребенка в организованной обстановке.

Организация обстановки обеспечивается своеобразным дидактическим материалом и совокупностью воспитательных приемов, неразрывно связанных друг с другом в единое целое. М.Монтессори использовала принцип «косвенной подготовки»: надлежащее развитие низших психических функций подготавливает нервные пути и служит развитию высших сторон психической активности.

В программу нашего исследования входило изучение свойств восприятия (структурность, целостность, форма), объема внимания, кратковременной зрительной памяти, особенностей мышления (наглядно-действенного, наглядно-образного, образно-логического), а также исследование личностных свойств детей. В эксперименте участвовало 30 детей четвертого года жизни: 15 из них воспитываются по традиционной программе детского сада, 15 детей занимаются по методу М.Монтессори отдельной группой (экспериментальная выборка).

В нашем исследовании были получены следующие результаты:

1. У детей четвертого года жизни более развито восприятие целостного образа и менее развита структурность восприятия. Это соответствует возрастной норме. В экспериментальной группе отмечается преобладание показателей на уровне тенденций.

2. По уровню сформированности объема внимания дети экспериментальной группы находятся на среднем уровне. У детей контрольной выборки низкий уровень развития функции. Различия статистически достоверно на 5%-ом уровне значимости.

3. У детей обеих групп развитие кратковременной зрительной памяти находится на среднем уровне. Междгрупповые различия отсутствуют.

4. Отмечаются существенные различия по уровню сформированности наглядно-действенного мышления, которое более развито в экспериментальной группе. Показатели наглядно-образного и образно-логического мышления в экспериментальной группе выше, но различия отмечаются на уровне тенденций.

5. Дети экспериментальной группы характеризуются как более общительные, уверенные в себе, активные, доминантные, менее раздражительные, чем дети контрольной выборки.

По результатам исследования можно сделать вывод, что дети, воспитывающиеся по системе М.Монтессори, находятся на более высоком

уровне познавательного развития, у них формируются такие личностные качества как общительность и уверенность в себе. Система М.Монтессори способствует более гармоничному и ускоренному развитию детей, чем традиционная система детского сада.

Васильева С.В.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ

Актуальность психологического изучения адаптации студентов определяется задачами оптимизации учебной деятельности, разработкой мер, способствующих максимально возможному сокращению адаптационных периодов, выявлением факторов успешной адаптации.

Существует множество подходов к изучению этой проблемы. А.К.Гришанов и В.Д.Цуркан утверждают, что под адаптацией студента следует понимать процесс приведения основных параметров его социальных и личностных характеристик в соответствие, в состояние динамического равновесия с новыми условиями вузовской среды как внешнего фактора по отношению к студенту. К.Ю.Сантросян пишет, что адаптация выражается в реакциях организма на новые условия, которые проявляются в сдвигах функционального состояния и в результативности учебной деятельности (успеваемости). А.В.Сиомичев определяет адаптацию как процесс приспособления индивидуальных и личностных качеств к жизни и деятельности человека в изменившихся условиях существования. Он также выделяет в сфере адаптации студентов познавательный и коммуникативный аспекты.

М.В.Делеу утверждает, что в ходе адаптации студента происходит ломка уже сложившихся динамических стереотипов и что процесс адаптации связан с повышением активности личности, с формированием новых личностных качеств. Р.Р.Бибрих выделяет в процессе адаптации мотивационно-личностный аспект, связанный с формированием позитивных учебных мотивов и личностных качеств будущего специалиста.

М.И.Некипелов и Г.Г.Кухлова остановили своё внимание на изменении психофизиологических функций у студентов в процессе адаптации к учебной деятельности (самочувствие, активность, настроение, работоспособность). Н.Г.Колызаева под адаптацией к условиям обучения в вузе понимает процесс активного приспособления студента к конкретной вузовской среде, представленной новым коллективом сокурсников, преподавателей, администрацией, новыми условиями обучения и получаемыми знаниями. Этим автором уделяется внимание и формированию

адаптивных характеристик личности, детерминирующих успешность адаптации и адаптивность как свойство личности.

В.В.Лагерев в содержании процесса адаптации студентов выделяет три взаимосвязанные составляющие: социально-психологическую, психологическую и деятельностную. Т.И.Ронгинская выдвигает гипотезу, что адаптация – это сложный процесс перестройки психической деятельности. Он должен проявляться и в изменениях уровневых значений отдельных характеристик личности, и в изменениях взаимосвязей между ними, а также в различных соотношениях изменений в различные периоды адаптационного процесса.

Адаптация студентов – это сложный и многофакторный процесс и поэтому необходим комплексный подход к его реализации в соответствии с концепцией Б.Г.Ананьева. Для реализации комплексного подхода мы предлагаем вести изучение адаптации студентов через выявление структурных и динамических особенностей студенческого адаптационного синдрома, под которым нами понимается реакция всей личности студента на адаптивную ситуацию на различных этапах обучения в вузе. Предположительно структура адаптационного синдрома будет включать в себя следующие составляющие: адаптация к учебной деятельности, адаптация к новым социально-психологическим условиям, психологическая составляющая адаптации, в которую войдут психические образования, наиболее чувствительные к данной адаптивной ситуации. Для того же, чтобы за усреднёнными значениями не потерялась человеческая индивидуальность, необходимо изучение индивидуальных стратегий адаптации студентов к профессиональному обучению.

Гаврилова О.В.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ УЧЕБОЙ В СИСТЕМЕ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Повышение качества высшего профессионального образования неразрывно связано с реформированием системы высшей школы и во многом определяется социально-психологическими факторами развития личности специалиста. На наш взгляд, наиболее значимыми психологическими составляющими совершенствования профессиональной подготовки являются мотивация учебной деятельности студентов и удовлетворенность ею как отношение студентов к процессу и содержанию этой деятельности. В нашем исследовании удовлетворенность учебной деятельностью у студентов определялась как сумма трех компонентов: 1) удовлетворенности сделанным выбором учебного заведения; 2) удовле-

творенности самим процессом обучения и проведением свободного времени в период учебы; 3) удовлетворенности приобретенной квалификацией. В свою очередь, все эти компоненты являются обобщением более частных элементов удовлетворенности, таких, как удовлетворенность потребностей в общении, достижении результатов и т.п.

Исследование степени удовлетворенности студентов учебной деятельностью показало, что 67% опрошенных студентов отметили удовлетворенность выбранным вузом, процессом подготовки, содержанием обучения. Но при этом на вопрос «Перейдете ли Вы в другой вуз?», 31% студентов ответили утвердительно. У исследованной группы студентов сложилось неудовлетворительное отношение к различным сторонам студенческой жизни. Так, были получены средние показатели по таким блокам, как «реализация познавательных» (как профессиональных, так и общеобразовательных) и «социальных» потребностей. Под социальными потребностями мы понимаем потребности в общении, престиже, повышении статуса, продвижении. Студенты выражают низкую степень удовлетворенности собственными достижениями в учебе, своей конкурентоспособностью, а также развитием личности в процессе обучения.

Есть некоторая разница в оценке удовлетворенности у бакалавров и инженеров. Обнаруженное в исследовании более удовлетворительное отношение бакалавров может быть связано с тем, что они, как правило, являются наиболее сильными студентами, ответственно относящимися к учебе и стремящимися к получению глубоких знаний. То же относится к удовлетворенности содержанием обучения, которую бакалавры оценили выше, чем инженеры. В развитии личности наблюдается обратная тенденция. Здесь удовлетворенность выше у инженеров. Это можно объяснить, на наш взгляд, более творческим подходом студентов-бакалавров к учебе, раскрывающим их личностные качества. И, как следствие, более высокими требованиями к себе и процессу обучения.

Среди наиболее значимых терминальных ценностей студенты выделили «уверенность в себе», «свободу», «интересную работу» и «самостоятельность». Среди инструментальных ценностей студенты отдадут предпочтение «умению довести любое дело до успешного конца», «образованности», «общению с близкими по духу людьми» и «эффективности в делах». Что же побуждает студентов учиться, чтобы реализовать эти ценности? Наиболее значимыми оказались следующие мотивы учебы: «осознание, что без глубоких знаний трудно достичь чего-либо в жизни», «стремление занять более высокое положение в группе», «стремление принести больше пользы своему окружению», а также «желание приобрести как можно больше знаний, потому что осознаю ответственность перед своим будущим».

Из полученных данных видно, что осознанная студентами необходимость в приобретении глубоких профессиональных знаний объясняется их стремлением достичь уверенности в себе, в своих силах, найти интересную работу, быть эффективным в избранной области. Высокая оценка такой личностной категории, как «уверенность в себе», объясняет, на наш взгляд, низкую удовлетворенность студентов. Такие внешние факторы, как тяжелое положение на рынке вакансий и относительная узость специализации, во многом определяют эту неуверенность и даже растерянность выпускников. К сожалению, современные учебные заведения нередко отстают сегодня от запросов практики и рынка труда. Неуверенность в своей конкурентоспособности является той главной причиной неудовлетворенности студентов учебной деятельностью, развитием личности в процессе обучения. Проведение исследования в рамках многоуровневой структуры высшего образования позволит выявить те пути и направления, по которым необходимо проводить совершенствование современной системы высшей школы.

Герасимова Н.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Целью данного исследования являлось изучение связей ценностных ориентаций с индивидуально-психологическими особенностями личности. Были использованы методика «Ценностные ориентации» М.Рокича и опросник 16 PF Р.Кеттелла (вариант С).

Для молодых людей в возрасте 20–25 лет наиболее значимыми являются терминальные (любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь и наличие хороших, верных друзей) и инструментальные (жизнерадостность, твердая воля и широта взглядов) ценности. Наименее значимыми являются терминальные ценности: красота природы и искусства, счастье других людей, развлечение, познание, а также инструментальные ценности: непримиримость к недостаткам своим и других людей и высокие запросы. Испытуемые отмечали меру реализованности ценностных ориентаций. Максимально реализованными оказались наличие хороших и верных друзей, жизнерадостность и широта взглядов.

Таким образом, имеет место реализация только небольшой части высоко значимых ценностей. Полученное соотношение реализованных и нереализованных терминальных ценностных ориентаций демонстрирует устремленность личности в будущее, где ценности играют роль регуляторов. Что касается инструментальных ценностных ориентаций, то в них

отчетливо выражена жизненная позиция испытуемых. Это жизнерадостность и широта взглядов. В качестве перспективной, намечаемой на будущее цели выделяется такая ценность, как твердая воля. При этом минимально реализуются те ценности, которые имеют и минимальную значимость для самого испытуемого.

Были определены личностные особенности людей данной возрастной группы. Это – общительность, высокая толерантность по отношению к фрустрации, эмоциональная зрелость, достаточно развитый уровень эмпатии, способность к сопереживанию. Самооценка мужчин выше самооценки женщин. Женщины значительно общительнее мужчин.

В результате корреляционного анализа были выявлены связи ценностных ориентаций и черт личности. Ориентации на познание, жизненную мудрость, красоту природы и искусства связаны с самодостаточностью, независимостью личности. Ориентация на счастливую семейную жизнь связана с зависимостью личности от окружающих ее людей, с ориентацией на нормы группы. С конформностью оказалась связанной ориентация на любовь. Для выделяющих свободу в своей системе ценностных ориентаций, характерны развитый самоконтроль и дипломатичность, разумность. Ориентация на развлечения отрицательно связана с практичностью, на материально обеспеченную жизнь – с самоконтролем и практичностью, на творчество – с чувствительностью.

Таким образом, в период ранней взрослости имеют место тесные взаимосвязи ценностных ориентаций и личностных черт.

Головей Л.А.

О ТИПОЛОГИИ В ПРОФКОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Для успешного проведения профконсультаций, облегчения ориентировки консультанта в ситуации и индивидуально психологических особенностях субъекта деятельности большое значение имеет типологический подход. Попытки типологии в профконсультации предпринимались многократно, при этом в основу были положены разные признаки.

В некоторых подходах в основу кладется типология видов деятельности (О.Липман, С.Г.Струмилин, Б.А.Федоришин, Е.А.Климов, А.Рое и др.) Для других подходов характерным является акцентирование на «человеческом аспекте» этой проблемы – типология личностей (Б.Д.Додонов, J.Holland и др.). Существует также подход, который заключается в выделении типичных психологических проблем у представителей определенных типов профессий (М.А.Журавкова, И.Н.Нази-

мов), а также исследующий особенности поведения оптанта в ситуациях профконсультирования (Н.Ф.Гейжан, Г.Ф.Королькова).

В этих подходах к типологии профконсультационных ситуаций делается акцент на выявление отдельных сторон ситуации или личности оптанта. Учитывая необходимость целостного анализа субъекта деятельности, мы исходим из выделения стержневых характеристик индивидуальности, соотношение которых определяет движущие силы развития. Это должны быть показатели соотношения тенденций и потенций при учете всей сложной многоуровневой структуры субъекта деятельности.

Проведенное исследование показало, что такой показатель, как наличие или отсутствие профессионального плана, не может служить основанием для дифференциально-психологической типологии в целях профконсультации, и что сам по себе факт наличия профессионального плана (выбора профессии) отражает не столько уровень профессионального самоопределения (уровень социальной зрелости), сколько степень актуальности этой проблемы. Не сам факт выбора профессии, а уровень обоснованности такого решения должен быть в поле зрения профконсультанта и должен быть положен в основу дифференциально-психологической типологии профконсультационных ситуаций.

Важнейшим показателем профессионального самоопределения является сформированность и выраженность интересов и профессиональной направленности. Изучая познавательные интересы девятиклассников, мы выделили две их переменных: широта диапазона (широкий, узкий) и степень выраженности (определенные, с выраженной доминантой или неопределенные, аморфные). Сочетание этих переменных с индивидуально-психологическими особенностями субъекта деятельности выделило шесть типов ситуаций профессионального самоопределения.

В данной типологии оказались взаимосвязанными основные характеристики тенденций (в виде интересов и направленностей личности) и потенций (интеллектуальных и личностных предпосылок общей одаренности). Учет основных характеристик выделенных типов позволяет профконсультанту более оптимально строить консультационную работу, целенаправленно проводить психологическую коррекцию профессионального самоопределения, личностных особенностей, управляя тем самым потенциалами развития субъекта деятельности.

Дерманова И.Б., Посаженикова А.

НРАВСТВЕННАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПОВЕДЕНИЕ

Идентификация – важнейший психологический механизм, сущность которого заключается в отождествлении себя человеком с каким-либо внешним объектом (значимым человеком, персонажем художественного произведения, малой или большой группой) с разного рода целями (образец поведения, снятие напряжения, способ интериоризации).

З.Фрейд говорил о важности половой идентификации, называя доминирующим конфликтом фаллической стадии психосексуального развития «Эдипов комплекс», разрешение которого происходит к 5–8 годам, когда дети подавляют (вытесняют из сознания) свои сексуальные желания и начинают идентифицировать себя мальчики – с отцом, девочки – с матерью, приобретая таким образом модель полоролевого поведения. Э.Эриксон развивает концепцию идентичности как внутренней непрерывности и тождественности личности. Он рассматривает идентичность как структуру, состоящую из таких элементов, как конституционные задатки, базовые потребности, способности, и т.д. Одну из важнейших ролей в структуре идентичности играют значимые идентификации.

Последователи Э.Эриксона рассматривают различные аспекты развития идентичности. В частности, А.Ватерман основной акцент делает на ценностно-волевом аспекте развития идентичности. Он считает, что идентичность связана с наличием самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений, которые А.Ватерман называет элементами идентичности, формирующимися в период кризиса идентичности и являющимися основными для определения смысла жизни.

Д.Мид выделяет осознаваемую идентичность, возникающую, когда человек начинает размышлять о своем поведении, и неосознаваемую, базирующуюся на несознательно принятых нормах. Развитие идет от неосознаваемой идентичности к осознаваемой.

Многие современные исследователи подчеркивают значимость половой, профессиональной, возрастной идентификаций как факторов формирования целостной эго-идентичности. Мы же особо выделяем нравственную самоидентификацию как основу становления личности, ее духовного самоопределения. Причем важной вехой становления и этапом формирования основных идентификаций мы считаем период, располагающийся на границе подросткового возраста и ранней юности, т.е. в возрасте примерно 13–16 лет.

В отечественной психологии (А.Тоом, А.Асмолов, И.Кон, Б.Братусь, Ю.Шрейдер, В.П.Зинченко, Л.Ф.Колесников и др.) принято выделять

проблему развития нравственности на пути построения «Я» подростка как одну из ключевых в формировании взрослой и зрелой личности.

В исследовании нравственной самоидентификации мы предположили возможность диагностики сформированности нравственного сознания через отождествление себя подростком с базовыми человеческими ценностями, такими, как «Добро» – «Зло», «Истина» – «Ложь», «Любовь» – «Ненависть», «Справедливость», «Успех» и др. (методика семантического дифференциала).

В исследовании были выдвинуты и проверены следующие гипотезы:

1. Нравственная самоидентификация является регулятором поведения и определяет мотивы подростка.
2. Свойства личности тесно связаны с внутренним выбором нравственных ориентиров.

В рамках используемой выборки выделились две подструктуры: люди со сформированными нравственными идентификациями и несформированными. Отдельный анализ этих групп показал, что в них а) существует расхождение в выборе мотивов поведения – подростки, у которых произошла нравственная идентификация чаще руководствуются гуманистическими и социальными мотивами, нежели мотивами удовольствия и б) по-разному заданы свойства личности – у людей с несформированным нравственным сознанием почти не обнаружены связи личностных свойств и преобладающих мотивов поведения.

Результаты нашего исследования позволяют также предположить, что нравственная самоидентификация связана с уровнем интеллекта и с адаптивностью.

Доценко Е.В., Киреева Н.Н.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Роль социального интеллекта (СИ) в жизни человека трудно переоценить. Но особенно значимо становление и развитие различных свойств СИ для взрослеющего человека, стоящего на пороге юности, делающего выбор своего жизненного пути. Современное состояние общественной жизни таково, что практически к каждому человеку предъявляются особые, часто жесткие требования, которым необходимо соответствовать, чтобы жить активной жизнью. А это предполагает актуализацию целого комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих особенностей, составляющих сущность СИ.

СИ проявляются в способности адекватно и успешно взаимодействовать с другими людьми, социальной средой, в способности концентрировать энергию и повышать сопротивляемость эмоциональным, нервно-психическим перегрузкам, неизбежно возникающим в чрезвычайных ситуациях, кризисных периодах развития как общества, так и отдельной личности, требующих нестандартного принятия решений, правильной интерпретации, прогнозирования межличностных ситуаций.

Структура СИ, являющаяся сложной и многомерной, наряду с комплексом свойств, составляющих коммуникативно-личностный потенциал, способностью к пониманию людей и энергетическим потенциалом, включает и характеристики самосознания, в том числе и эмоционально-оценочную составляющую «Я-концепции», или самооценку (СО). Самооценка является важнейшим фактором, определяющим эффективность взаимодействия с окружающей средой, профессиональное и нравственное самосовершенствование, личностный рост и развитие, реализацию социальной активности личности. Таким образом, нельзя переоценить значение оценки человеком своего социального интеллекта.

Исследование особенностей СИ на основе самооценки явилось частью большой работы, целью которой было изучение «Я-концепции» старшеклассников-петербуржцев, таких ее важнейших аспектов, как самоотношение и самооценка. Для измерения СИ использовалась методика В.Н.Куницыной, в основе которой лежит самооценка свойств СИ по 12-балльной шкале. Обработка результатов производилась при помощи пакетов Statistica for Windows и MS EXEL. Проведенная статистическая обработка полученных результатов исследования позволила выявить структуру свойств СИ, преломленных через самосознание старшеклассника, состоящую из пяти факторов или структурных элементов СИ.

Стержневым свойством первого фактора – «контроля» – является безошибочность, наряду с которой в состав фактора вошли предусмотрительность и сила воли. Эти свойства определяют стабильность, регулируемость и контролируемость поведения и действий человека.

Второй фактор – «коммуникативная компетентность». В него вошли умение ладить с людьми, воспитанность и общительность. Проявление у человека данных свойств требует владения сложными коммуникативными навыками, адаптивности в общении, соблюдения приличий.

Третий фактор мы назвали «манипулятивность». Он представлен такими свойствами, как хитрость, влияние и чувство юмора. Раскрытие и актуализация этих свойств в конечном счете служит управлению мнениями, суждениями и действиями других людей.

Четвертый фактор составляют умение подать себя, проницательность и личное обаяние. Мы назвали этот фактор «артистизмом», так как все

перечисленные свойства способствуют проявлению умения перевоплощаться, располагать к себе других людей, расположить к себе.

В пятый фактор вошли свойства интуиции и выносливости. Реализация этих свойств необходима человеку в трудных, стрессовых или неопределенных ситуациях, когда требуется большая энергетическая обеспеченность для поддержания активности и решения тех или иных задач. Этот фактор мы назвали «энергетикой».

Выделение данных факторов, структурных элементов социального интеллекта, его свойств, преломленных в самосознании старшеклассников, отражает, по-видимому, то, как человек видит и понимает современный окружающий мир, себя в этом мире, каким требованиям, по его мнению, он должен отвечать, какие способности развивать, чтобы соответствовать предъявляемым требованиям, тем самым обеспечивая себе адекватность и успешность межличностного взаимодействия.

Выделенная структура СИ в определенной мере описывает психологический портрет молодого человека нашего времени, старшеклассника, жителя города Санкт-Петербурга.

Душабаев З.Р.

СИСТЕМА ИГР, РАЗВИВАЮЩИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ

В нашем исследовании мы придерживались функционально-уровневой интерпретации интеллекта (Б.Г.Ананьев) как определённой иерархически организованной структуры познавательных способностей индивида. В основе этой иерархии находятся сенсорно-перцептивные способности, в частности целостность, аналитичность, структурность образа восприятия, выявляемые тестом прогрессивных матриц Равена и субтестами Векслера («Недостающие детали», «Кубики Косса», «Складывание фигур из разрозненных деталей»). При обнаружении у испытуемых недостаточности перцептивного компонента интеллекта используются игры, развивающие логичность образа восприятия: «Сложи узор» Б.Никитина, «Реставратор», «Сложи изображение животных или автомобиля», «Мозаика».

Вторым компонентом интеллекта, надстраиваемым над перцепцией, является внимание, для диагностики которого используются «Перепутанные линии», «Корректирующая проба», субтест Векслера – «Кодирование», таблицы Шульте, задания «Найди различия», «Найди одинаковые изображения». Если у ребенка, обнаруживается недостаточность концентрации, устойчивости, распределения, переключаемости

или объема внимания, то для стимулирования аттенционных способностей используются аналогичные диагностирующим тренировочные задания: «Шифровка», «Перепутанные линии», «Перепутанные контуры», таблицы Шульте, «Найди одинаковые изображения», игра «Корректор», в которой дети ищут определённую заданную букву. После того, как ребёнок достиг нормативов перцептивного и аттенционного компонентов интеллекта, имеет смысл переходить к тренингу мнемических способностей (если тесты выявляют недостаточность процессов запоминания и воспроизведения информации) поскольку, внимание является предпосылкой памяти как надстраивающегося компонента интеллекта.

Вслед за развитием мнемического компонента интеллекта с помощью диагностических процедур определяется необходимость тренировочных заданий по активизации у детей репродуктивного и продуктивного воображения, применяются соответствующие игровые занятия, например, игра «Что случится, если ...», «Неоконченный рисунок», «Рисунок на заданную тему», «Придумай свой рассказ», «Изобрази какое-нибудь животное», «Сыграй роль представителя определённой профессии», «Вообрази эмоциональное состояние другого». Развитие умения вообразить ситуацию является важной предпосылкой формирования не только креативного, но и дедуктивно-логического мышления. На основе достаточно развитых перцептивных, аттенционных, мнемических и имиджинативных способностей можно переходить к играм и занятиям по развитию мышления, которое, согласно представлениям Л.М.Веккера, интегрирует интеллект.

Интеллект представляет собой целостную взаимосвязанную структуру познавательных способностей. Интеллектуальная проблема, как правило, заключается в дефиците информации. Преодолеть дефицит информации субъект может за счет структурности образа восприятия («Прогрессивные матрицы» Равена), благодаря умению сконцентрировать внимание, либо за счет хорошей памяти или воображения. Однако только мышление позволяет решить те проблемы, которые непосильны предыдущим познавательным способностям. Мышление представляет собой переработку, систематизацию информации, позволяющую «выкачать» дополнительную информацию и перейти к пониманию.

Наиболее важной стороной невербального мышления является способность субъекта обнаружить скрытые закономерные, логические и смысловые связи в нескольких изображениях. Эту особенность интеллекта выявляет решение заданий теста Равена (серии В, С), «Последовательные картинки» теста Д.Векслера, тест Мейли, «Найди недостающую девятую фигуру» в тесте Г.Айзенка, тест Р.Кеттелла. Для развития невербального мышления мы используем «Рассказы в картин-

ках» Н.Радлова, «Найди недостающее девятое изображение» из книги А.З.Зака «Путешествие в страну Сообразию», а также созданный нами сборник упражнений «Найди смысловую связь между изображениями».

Достигнув определенного уровня невербального мышления, мы переходим к играм по развитию вербального мышления. Одна и та же задача может быть предъявлена в образном и словесном вариантах, например, «Найди лишнее изображение», и «Найди лишнее слово», «Классифицируй рисунки», а затем «Классифицируй слова». Для развития вербального мышления, вербальной понятливости мы используем работу с притчами, баснями, загадками, пословицами, где смысл передается не дословно, а через толкование информации.

Как показал опыт гимназии № 295 Фрунзенского района Санкт-Петербурга (директор А.С.Кураченков), созданная нами система тренинга интеллекта позволяет достичь высоких показателей обучаемости.

Ерина С.И., Соколова Е.Е.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЖЕНЩИН

Изменение общественного строя, переход к рыночным отношениям, кризисные точки в развитии общества меняют значимость женщины как работника в нашем обществе, выдвигая в качестве главной фигуры мужчину как деятеля, преобразователя. В итоге женщина попадает в ситуацию возврата к традиционной женской роли: «церковь, кухня, дети», а в сознании членов общества происходит ломка сложившегося в советское время стереотипа женской роли. Однако, как показали наши исследования женской безработицы, для части женщин возврат к этой роли является принудительным и создает для них проблемы. Изучению особенностей мотивации таких женщин и посвящено наше исследование.

В качестве объекта исследования были взяты женщины, занятые в сфере вузовской науки (НИИ): доктора и кандидаты наук, аспиранты и научные сотрудники в возрасте от 24 до 56 лет.

В основу нашей работы положены понимание мотивации как силы, побуждающей к удовлетворению потребностей, и концептуальная модель конфликта Н.Пезешкиана, содержащая четыре формы переработки конфликта, соотносящиеся с четырьмя каналами познания себя в окружающем мире: ощущения, деятельность, контакты, воображение. Для каждого канала характерна выраженность определенных симптомов.

В исследовании использовались: созданный нами опросник мотивации научной деятельности (МНД), направленный на диагностику веду-

щего мотива при выборе женщиной творческой деятельности; модифицированный опросник Пезешкиана для выявления преобладающей формы переработки конфликта; опросник Плутчика на диагностику предпочитаемой формы защиты. Исследование носило пилотажный характер.

Полученные результаты показали, что для 40% респонденток главным мотивационным фактором является желание проявить себя, а также интерес самой работы (33%). Для 21% опрошенных женщин уход от домашних дел, с одной стороны, не дает устать от повседневного быта, а с другой стороны, обеспечивает независимость от окружающих посредством достижений. Для 6% женщин в их профессии важно то, что она обеспечивает достижение определенного социального статуса. Важно отметить, что для 50% опрошенных денежный фактор роли не играет.

Обнаруженные симптомы подтверждают преобладание сферы деятельности над всеми остальными. Для опрошенных женщин не существует такого вида деятельности (кроме физической), где бы они испытывали затруднения, что свидетельствует о симптоме завышенной самооценки. Характерна важность демонстрации высоких достижений и их оценки. Высокие требования предъявляются и к себе, и к близким. Для опрошенных женщин типичен синдром пенсионного невроза.

Другие способы переработки конфликтов применяются не столь часто и эффективно. Так, канал ощущений при оценке человека блокируется. Отношение ко сну как к одной из важных телесных реакций на конфликт является нейтральным. Сфера контактов включена в жизнь творческой женщины одним аспектом – важностью общения с членами своей семьи, которая является для нее референтной группой, обеспечивающей похвалу за достижения и справедливую критику за ошибки.

По результатам анализа сферы воображения выделились две группы женщин: группа, у которой наметилась тенденция ухода с сферу воображения (17%), и группа, в которой этого замечено не было (83%). Это группы, соответственно, незамужних и замужних женщин. Несмотря на то, что в родительской семье не придавали большого значения воображению, 17% опрошенных склонны к мечтам, уходу от реальности. В отличие от 83% замужних женщин, они любят читать фантастику.

Интересный материал мы получили при помощи опросника Плутчика: ведущей формой защиты у 41% опрошенных женщин является рационализация. Это вполне объяснимо, так как с точки зрения традиционной женской роли научная деятельность не входит в сферу реализации женщины. Для нее значимым является успех в межличностных отношениях, а деятельность и творчество – сугубо мужская задача. Женщина выходит за рамки этого стереотипа, что провоцирует конфликт.

Приведенные результаты носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшем осмыслении. Однако уже очевидно, что, опираясь на полученные данные, можно продолжить исследования в этой области.

Калинина С.В.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И ЛИЧНОСТНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Психологическая готовность к жизненному, личностному, профессиональному самоопределению является центральным новообразованием раннего юношеского возраста, во время которого происходят существенные изменения, характеризующие переход самосознания на качественно новый уровень: возрастание значимости собственных ценностей, возникновение целостного отношения к самому себе, осознание желаемой роли в системе общественных отношений.

Некоторые авторы связывают становление самоопределения с понятием «идентичность», элементами которой являются цели, ценности, убеждения. По мнению Н.С.Пряжникова, профессиональное самоопределение является важнейшей составной частью жизненного самоопределения, высший уровень которого – личностное самоопределение.

В исследовании профессионального и личностного самоопределения старшеклассников с использованием ряда психологических диагностических методик приняли участие 154 выпускника новгородских школ.

Исследование показало, что во втором полугодии 11-го класса 50% юношей и 55% девушек имеют сформированный профессиональный план, включающий основное и резервное профессиональные намерения. У 32% девушек и 34% юношей резервное намерение отсутствует, 18% девушек и 11% юношей имеют неполный профессиональный план или не имеют его вообще. В мотивах выбора профессии в обеих группах преобладает направленность на удовлетворение своих потребностей.

У юношей по сравнению с девушками проявилась большая выраженность ценностных ориентаций на волевые качества, интеллектуальные, соматические, материальные ценности; у девушек – большая выраженность ценностных ориентаций на нравственные качества личности. Девушки в среднем более самостоятельны, общительны, чувствительны; юноши – более эмоционально устойчивы, доминантны, имеют более высокий самоконтроль. Средний психологический возраст у юношей – 17,4 лет, у девушек – 15,5 лет. Среди наиболее значимых жизненных целей школьниками чаще всего выделяются «здоровье» и

«наличие друзей»; девушки добавляют к этому создание «счастливой семьи», а юноши – «материальное благополучие».

Капустина А.Н., Панева Н.А.

ВЛИЯНИЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ САМОПОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ

В настоящем исследовании мы исходим из того, что активная образовательная среда, приоритетным аспектом которой является процесс взаимодействия между учащимися и учителями, т.е. гуманизация образования, влияет на развитие самосознания учащихся, которое способствует обогащению личностного и интеллектуального развития детей (Э.Н.Гусинский, 1994; М.В.Кларин 1995; К.Р.Роджерс, 1994).

В качестве одного из объектов исследования был выбран класс, который наиболее длительно и полно занимался по разработанной нами программе развития самосознания – с 1-го по 3-й класс (1-я группа). Для исследования были определены еще две группы: учащихся 3-х классов обычной общеобразовательной школы (3-я группа) и гимназических классов средней общеобразовательной школы (2-я группа). Выборка составила 78 человек в возрасте 10 лет (36 мальчиков, 42 девочки).

Для обследования использовались: 1) модифицированный тест на самоотношение «Кто Я» в целях изучения «Реального Я»; 2) тест «Какой Я»; 3) метод незаконченных предложений в целях изучения «Идеального Я» через определения ценностных ориентаций; 4) шкала самооценки Manastera–Corsini (1982) в целях изучения расхождения «Идеального Я» и «Реального Я»; 5) тестовые задания на креативность из тестов Ваггон (1958), Wallach (1968); 6) тестовые задания на уровень нравственного развития по Кольбергу; 7) формирующий эксперимент по разработанной программе по критерию самосознания.

По результатам этих тестов в экспериментальной группе учащихся прослеживается выраженная когнитивная сложность образа «Я», более очерченный образ тела, меньшее количество стереотипных высказываний. По Кольбергу, у детей 10 лет отсутствует постконвенциональный уровень нравственного сознания. В нашем исследовании этот уровень обнаруживается в единичных случаях во всех трех группах.

Исследование показало различия корреляционных плеяд изучаемых групп. Большим количеством значимых связей характеристикам самосознания с другими особенностями личностного и интеллектуального развития обладает экспериментальная группа. Для 2-й группы характер-

ны связи, свидетельствующие о том, что наличие способностей не делает образ «Я» более доступным в познании и обогащенным, а также то, что наличие творческих способностей не предопределяет высоких показателей нравственного развития.

Для 3-й группы характерно отсутствие положительных связей с показателями развития самосознания и другими личностными и интеллектуальными особенностями. Полученные данные выявили отличия между группами в особенностях развития самосознания учащихся, что дает возможность сделать вывод о значимых отличиях во влиянии на развитие самосознания разных образовательных сред в младшем возрасте.

Образовательная среда, в которой обучается 1-я группа, способствует большей дифференцированности, богатству и открытости образа «Я» учащихся. Развитие самосознания в младшем школьном возрасте положительно влияет на развитие творческих способностей, познавательной мотивации в учении и развитие нравственности. Половые различия в особенностях развития самосознания младших школьников могут быть обусловлены особенностями образовательной сферы.

Данные факты подтверждают положительное влияние гуманизации образования на развитие самосознания учащихся.

Коростылева Л.А.

СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Самореализация личности предполагает осуществление возможностей развития «Я» посредством приложения собственных усилий, а также в содейтельности, сотворчестве с окружением. Важным условием самореализации является сбалансированное, гармоничное развитие различных аспектов личности. Путем приложения адекватных усилий достигается раскрытие генетических, индивидуальных и личностных возможностей (Л.А.Коростылева, 1997). Такие усилия направлены на реализацию потенциалов и предполагают использование определенных стратегий. Прежде всего эти стратегии должны подчиняться принципу «удовлетворенности–полезности» как относительно самого человека, так и социума, мира в целом на протяжении всего жизненного пути.

Как отмечал Б.Г.Ананьев, жизненный путь человека – это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения. На самореализацию личности влияют не столько отдельные факторы, сколько целостный образ жизни и, безусловно, стратегии, используемые человеком на различных этапах жизненного пути, поскольку самореали-

зация охватывает весь жизненный путь человека, особенно интенсивно протекая в молодые и зрелые годы.

Наряду с изменением целей самореализации видоизменяются и ее стратегии. Так, в молодые годы происходит самоопределение личности в основных сферах жизнедеятельности, прежде всего в профессиональной сфере и в личной жизни. Молодой человек осуществляет профессиональный выбор, а также выбор спутника жизни, создает семью. В зрелые годы на следующем этапе самореализации происходит адаптация к профессии, профессиональному окружению, дальнейший профессиональный и личностный рост. Нечто подобное происходит и в сфере личной жизни. Данные этапы в последующие годы могут корректироваться. При этом индивидуализация протекает наряду с созданием личностью собственной среды развития. Соответственно трансформируются и стратегии достижения жизненных целей. Велико влияние на предпочтение стратегий возрастных, личностных и профессиональных особенностей человека. Тем не менее, нередко определяющую роль оказывают субъективные стратегии самореализации «здесь и сейчас».

Таким образом, происходит аккумуляция основных стратегий самореализации. В основе формирования стратегии лежит, прежде всего, действие мотивационно-смыслового механизма, который предполагает актуализацию мотивационно-смысловых образований личности.

Личностно-ситуативный подход к проблеме самореализации позволяет выделить два уровня возникающих барьеров в ходе самореализации и соответствующей им стратегии. Для барьеров первого уровня характерны затруднения самореализации, которые носят временный, преодолимый характер. В ходе их преодоления используются адекватные стратегии самореализации. Барьеры второго рода сопровождаются трудностями и обуславливают сильные (В.Мисхел) ситуации для личности. Они непреодолимы и сопровождаются стратегиями поражения.

Нами разрабатывается ряд проективных методик реконструкции образа мира субъекта, направленных на произвольное выделение значимых тем и признаков их структурирования. Полученные результаты позволяют составить представление о субъективных стратегиях актуальной самореализации и стратегиях самореализации в целом.

Так, на выбор значимых тем прежде всего влияют особенности восприятия жизненных ситуаций. При этом актуализируются психические образования, являющиеся итогом психической переработки человеком многочисленных и многообразных событий, встречающихся на жизненном пути. Руководствуясь адекватными стратегиями, человек эффективнее осуществляет собственную модель самореализации. В основе неаде-

кватных стратегий нередко лежит предпочтение значимых тем, заведомо нереализуемых, либо имеющих пессимистичную «окраску».

Используемая в исследовании когнитивно-феноменологическая ориентация позволяет учитывать содержание личного опыта и рассматривать жизненные ситуации и сценарии объекта, «погружаясь» в его собственный внутренний мир.

Крогиус Н.Г.

О САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Личность является продуктом своей эпохи, современником и участником событий истории страны и одновременно своего собственного жизненного пути (Б.Г.Ананьев, 1968).

Образ жизненного пути в сознании человека является динамической характеристикой личности, связывающей в единое целое прошлое, настоящее и будущее. Жизнь представляет собой временной гештальт и тем самым обретает целостность лишь при завершении жизненного пути (В.Франкл, 1990). В процессе жизненного пути человек осуществляет смысл своей жизни и реализует определенную систему ценностей, сформированную им в рамках культуры, в которой он существует. Эти ценности формируются на сознательном и подсознательном уровнях и задают направление жизненному пути.

Человек выбирает свой путь развития в любой, даже неблагоприятной среде или вопреки среде. Он может создавать собственную среду развития как условие и фактор самореализации личности. В сфере профессионального самоопределения создание собственной среды развития – это прежде всего осознанный выбор профессии как реализация своих желаний и возможностей, а также достижение высоких результатов в деятельности. Выделены периоды жизненного пути специалистов. Два из них связаны с учебой в возрасте 12–13 лет и от 18 до 27 лет, и два связаны с работой в возрасте от 20 до 30 лет (первый пик достижений) и от 40 до 50 лет (наибольшие достижения в карьере специалистов).

В результате анализа жизненного пути специалистов выявлены три уровня самореализации личности и различные сферы самореализации (семья, учеба, профессиональная деятельность). Среди факторов, оказавших влияние на жизненный путь и самореализацию специалистов, выделяются факторы макросреды (голод 30-х годов, Великая Отечественная война, интенсивное развитие отрасли в 50-х, 60-х годах), факто-

ры микросреды (семья и в первую очередь влияние матери и ее образования, а также школа и институт), личностный фактор (активность, целеустремленность, стремление к лидерству и достижениям).

К числу личностных особенностей специалистов, сформированных профессиональной деятельностью, относятся эмоциональная зрелость, рационализм, дипломатичность и готовность практически решать жизненные проблемы.

Кузьменко Т.А.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «ЛИЧНОСТЬ» В ПСИХОЛОГИИ

Одним из существенных аспектов современной психологической науки является изучение, интерпретация и прогнозирование поведения человека. Наиболее часто теоретические построения и экспериментальные конструкции в указанной области опираются на категорию «личность», прочно вошедшую в тезаурус психологической науки.

В процессе дефинирования данной категории, как правило, подчеркиваются индивидуальные различия, предлагается некоторая гипотетическая организация (структура) личности, констатируется эволюционный характер ее развития, отмечается относительная устойчивость и непрерывность личности во времени.

Однако следует отметить, что определения этой базовой категории у разных авторов существенно варьируют. К.Роджерс описывает личность в терминах самости, Дж.Келли представляет ее как присущий каждому уникальный способ осознания жизненного опыта, А.Бандура – в виде сложного паттерна взаимовлияния индивидуума, поведения и ситуации.

Столь существенные расхождения, безусловно, можно обосновать сложнейшей природой и фактологическим разнообразием изучаемого феномена. Однако нельзя не отметить, что такой терминологический разброс порождает существенные проблемы для дальнейших изысканий в этой области. Категория «личность» в современной психологической науке трактуется так широко и так зависит от экстраполяции в предметные области различных теоретических концепций, что это практически делает указанную категорию мультисодержательной и поэтому внутренне противоречивой, поскольку многие теоретические концепции имеют взаимоисключающий характер.

Указанное методологическое противоречие требует определенного разрешения, т.е. либо формулирования объединительной парадигмы,

либо поиска новой предметной зоны, в рамках которой возможно не только построение внутренне непротиворечивой модели исследуемого феномена, но и удовлетворительная терминологическая однозначность.

Кулешова Л.Н., Кожина Е.Л.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ В ПОЗДНЕМ ПЕРИОДЕ

Б.Г.Ананьев относил рефлексивные свойства личности к наиболее важным образованиям, завершающим формирование целостной структуры системы отношений. Несмотря на то, что эти характеристики являются поздним в возрастном развитии образованием, они интимно связаны с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками, выполняя функцию саморегулирования и контроля развития, способствуя образованию и стабилизации единства личности.

В данном исследовании ставились следующие задачи: рассмотреть возрастную динамику рефлексивных свойств пожилых и старых людей, определить характер корреляционного взаимодействия выделенных характеристик и их место в смысложизненных ориентациях.

В качестве испытуемых были выбраны две возрастные группы: 56–74 года и 75–93 года. Из них 75% – женщины. Все испытуемые живут дома, а 26% продолжают работать.

Полученные данные свидетельствуют о существенных различиях в структуре рефлексивных свойств пожилых и старых людей. Большую автономность характеристик демонстрируют пожилые люди. Корреляционная плеяда признаков старшей возрастной группы интегрирована и имеет выраженную целостность. Центром корреляционной структуры рефлексивных свойств пожилых людей выступает уверенность в себе и участие в труде, которые образуют два симптомокомплекса: удовлетворенность отношениями с людьми и оценка счастья. Оценки будущего не входят в структуру корреляционных плеяд. Относительная автономность оценок будущего свидетельствует, с одной стороны, о неопределенности стратегических планов будущего, а с другой, о начавшейся перестройке планов, увеличивающей разнообразие тактик.

В старшей возрастной группе два симптомокомплекса объединяются в единый, центром которого служит самооценка здоровья. Показатели самооценки здоровья связаны со всей структурой рассматриваемых самооценок. Второе место по разнообразию связей занимает оценка будущего, которая тесно коррелирует с оценками здоровья, ума, характера, внешности, уверенности в себе, участия в труде, удовлетворенности

отношениями с людьми. Интересным моментом является наличие связи оценки счастья со свойствами характера, здоровьем и участием в труде, но отсутствие связи с оценками будущего. Как следует из полученных данных, в старшей возрастной группе из позитивных оценок счастья исчезает удовлетворенность отношениями с людьми. Вероятно, косвенно это может свидетельствовать о возникающем барьере в реализации коммуникативного потенциала лиц в возрасте 75-93 года.

Уязвимость коммуникативных характеристик личности старшего возраста существенно зависит от характера индивидуальной динамики целостной структуры рефлексивных свойств. Так отмечена отрицательная связь между аутосимпатией и контактностью лиц старшего возраста. Аутосимпатия отрицательно коррелирует с креативностью и автономностью личности. Обнаружено, что в самореализации личности старых людей по отношению к пожилым большее значение приобретает контактность и гибкость в общении. Эти характеристики тесно связаны с смысложизненными ориентациями личности старого человека.

Сравнительный анализ рефлексивных характеристик пожилых и старых людей обнаружил, что в группе старых людей увеличивается автономность смысложизненных ориентаций по отношению к коммуникативным характеристикам личности. Такие свойства, как самопонимание, независимость, потребность в познании, включаются в смысложизненный конструкт. Полученные данные свидетельствуют о существенном преобразовании личностной структуры в позднем возрасте и увеличении роли в этом преобразовании рефлексивных характеристик личности.

Куницына В.Н., Сурпина Е.А.

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Весной 1997 г. мы изучали социальную компетентность сотрудников Санкт-Петербургского технологического института (технического университета). В исследовании принимали участие 65 человек (43 мужчины, 22 женщины), из них: аспиранты – 20, научные сотрудники – 24, преподаватели (доценты и профессора) – 21 человек. Средний возраст испытуемых составил 39 лет.

Цель исследования – изучение особенностей социальной компетентности и ее связей с личностными особенностями. В исследовании использовался опросник КОСКОМ и другие методики.

Мы обнаружили, что в данной профессиональной группе в структуре социальной компетентности выделяются следующие основные элемен-

ты: коммуникативная компетентность, социально-психологическая компетентность, эго-компетентность.

Оказалось, что социальная компетентность тесно связана с социальным интеллектом. Предпосылкой их развития является высокая эмоциональная стабильность. Социально-компетентная личность характеризуется автономностью, т.е. самодостаточностью и независимостью.

В данной группе вербальная компетентность и оперативная компетентность оказались несвязанными с остальными компонентами социальной компетентности. Это объясняется особенностями выборки. Среди сотрудников и преподавателей вуза вербальная компетентность имеет относительно высокий уровень независимо от уровня социальной компетентности. А академический характер деятельности предопределяет более слабую ориентацию в процессах, происходящих в современном обществе, что отразилось на оценках оперативной компетентности.

Решение проблемы социальной компетентности разных групп населения выходит за рамки психологического исследования. Это вопрос планомерной социальной политики, нацеленной на помощь людям в адаптации к социальным переменам. Однако знания, накопленные в психологической науке, позволяют выявить наиболее уязвимые с точки зрения социальной адаптации группы населения и определить оптимальные пути развития социальной компетентности.

Левченко В.В.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Внутренняя противоречивость социально-психологической ситуации в педагогических коллективах городских школ составляет одну из основных проблем деятельности городского учителя, т.к. нередко ведет к возрастанию дискомфорта, напряженности, дезадаптации.

Опрос, проведенный в 1996 г. (900 учителей и 1250 учащихся различных типов школ и районов г. Перми), выявил, что, с одной стороны, учителей отличает высокая удовлетворенность своей профессией, преобладание во взаимоотношениях между учителями традиций взаимной поддержки и взаимовыручки, высокая активность, удовлетворенность сложившимися между учителями отношениями, одинаково высокие оценки отношений между учителями и учащимися со стороны преподавателей и учеников, удовлетворенность большинства опрошенных учителей сложившимися отношениями с родителями учеников, руково-

дством школы, района (РУО) и города (ГКОН). С другой стороны, для них характерны невысокая удовлетворенность выполняемой работой, ее содержанием, относительно низкая потенциальная стабильность, недостаточная информированность о профессиональной деятельности других учителей, очень высокая неудовлетворенность оплатой труда и материальным стимулированием, недовольство плохим состоянием материально-технической базы учебного процесса, престижем образования, чрезмерное преобладание формальных деловых отношений между учителями над неформальными, слабое развитие когнитивного и поведенческого компонентов межличностных отношений между учителями и учащимися, повышенная конфликтность преподавателей с учениками.

В спецшколах нового и старого типа социально-психологическая ситуация оказалась более благоприятной по сравнению с ситуацией в педагогических коллективах общеобразовательных школ. Самые низкие оценки большей части сторон социально-психологического климата зафиксированы в общеобразовательных школах: более низкая удовлетворенность работой и отдельными сторонами производственной обстановки в школе, более высокая «потенциальная текучесть» и т.д.

Результаты исследования позволяют выдвинуть предположение, что основными факторами, определяющими социально-психологическую ситуацию в педагогических коллективах школ г. Перми являются: тип школы (общеобразовательная, спецшкола); реально сложившаяся система управления школой; материальное стимулирование преподавательского труда; материально-техническая база учебного процесса; реально существующий престиж образования; сложившийся тип отношений в педагогических коллективах школ.

Работа выполнена в рамках и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ 98-03-04331).

Максимов В.В., Савельева Е.М.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПО-СЕМЕЙНАЯ СТАТИСТИКА

Перманентно кризисное положение семьи в России побуждает искать его стратегические причины. Одним из индикаторов серьезности положения является отсутствие крупных научно-исследовательских центров, которые бы концентрировались на изучении семьи, законов нормального развития этого ключевого социального и национального института, на обеспечении его здоровья и безопасности.

Парадоксальным образом попытки решения проблем детства и молодежи, пьянства, наркомании делаются «в обход» проблем семьи, имеющих прямое отношение к их возникновению. В этом плане не удивительно, что так называемые центры «планирования семьи» занимаются только медицинским планированием безопасности аборт.

Одним из условий превращения семьи в реальный объект широкомасштабных научных исследований является организация добывания надежной статистической информации о семейном корпусе России. Этому препятствует ряд обстоятельств, среди которых:

- «неудобство» изучения семьи: она слишком сложна (острой динамикой, много-поколенностью, рефлексивностью параметров объективной и субъективной регуляции) для нынешних «линейных» технологий социально-психологических и социологических исследований;

- сложность организации реально лонгитюдных и стратиграфических исследований, необходимых для наблюдения закономерностей семейно-родовых процессов и выхода на значимые результаты, соотносимые хотя бы с 2–3-поколенными традициями национальной семьи;

- склонность нынешней отечественной психологии к приоритету «общечеловеческих» законов над этнопсихологическими, реально доминирующими в развитии национальной семьи, но неправомерно относимыми в разряд «особенностей»;

- по сути «анти-семейный» (по-душный, по-головный, индивидный) подход в нынешней социально-экономической государственной статистике, лишь косвенно касающийся семейных показателей и т.д.

Выход на создание реальной государственной по-семейной статистики и социально-психологической «семейно-метрии» видится нам в возложении основных функций сбора первичной информации на школы России. В пользу такого решения имеются следующие аргументы.

Школа как элемент государственной системы среднего образования представляет собой готовое «звено» будущей системы по-семейного учета. Семья как единица учета «начинается» с ребенка, обозначающего начало исполнения ею главной репродуктивной функции. Поскольку по закону каждый ребенок с 7 лет «проходит» через школу, то в системе школ автоматически фиксируются все значимые, т.е. «детные» семьи.

Учет семьи «через ребенка» делает школу идеальным местом исследовательского общения с родителями, предоставляя для этого широкие мотивационные и технологические возможности. Особенно продуктивной представляется возникшая совсем недавно тенденция «параллельного обучения» в одной школе: детей – утром, а их родителей – вечером – по программам повышения «родительской культуры».

Возложение на школы функций «сборщиков» по-семейной статистики и развитие системы «семейного ликбеза» создает важные предпосылки к расширению указанных функций до уровня исследовательского «мониторинга» всех детских семей, завязанных на данную школу, с последующим формированием на базе средних школ Центров предварительной обработки получаемых данных, созданием соответствующих банков семейной информации и затем – созданием сети таких Центров. В самой «идеологии» таких центров уже заложены возможности практической отдачи в работе с конкретным контингентом семей.

Очевидны огромные возможности таких «школьных» Центров для развития и использования все более глубоких методов изучения семей, с последующей сертификацией лучших методов и их массовым внедрением в сети Центров. Следует добавить сюда практически ничем не ограниченные возможности изучения «семейного» общественного мнения, развертывания консультационной помощи семьям, в том числе дистанционной, анонимной и т.д. Понятно, что школы потребуются оснастить современными компьютерами, сетевым оборудованием, обеспечить соответствующими кадрами, что потребует значительных вложений.

Разумеется, высказанные идеи требуют доработки, конкретизации и, главное, реального сотрудничества заинтересованных министерств и ведомств. В то же время нельзя не признать предлагаемый путь развития по-семейной статистики оптимальным как с социально-экономической точки зрения, так и с точки зрения резкого усиления возможностей развития социально-психологических исследований семьи, кардинального выведения этой проблематики из «зоны социального забвения».

Осорина М.В.

СТРАТАГЕМЫ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Детская традиция, передающаяся от поколения к поколению детей, является содержательной основой детской субкультуры. Ее можно рассматривать как сгусток социально-психологического опыта многих поколений детей. В сгущенном, обработанном и хорошо «упакованном» виде ребенок получает этот опыт в собственное пользование.

Устойчивость детской традиции прежде всего связана с ее практическим значением в жизни детского сообщества и коммуникативном развитии каждого ребенка. Она постоянно востребуется, так как несет в себе базовые принципы, на основе которых дети строят систему социальной регуляции во внутригрупповых отношениях, дает психологическую опору в трудных для ребенка коммуникативных ситуациях и предостав-

ляет ему необходимые инструменты общения до тех пор, пока он не выучится вырабатывать свои собственные.

Особенно важны для ребенка такие социальные «костыли» в старшем дошкольном – младшем школьном возрастах, когда дети начинают жить активной социальной жизнью в среде сверстников, становящихся важным фактором социализации личности. Не случайно именно на этот период приходится расцвет детской субкультуры.

Передача традиции в детском сообществе идет двумя параллельными путями: во-первых, в виде трансляции текстов детского фольклора (в основном – изустно), во-вторых, в виде непосредственного усвоения моделей традиционного поведения, которое обслуживается этими текстами. Такие модели поведения и словесные клише позволяют детям экономно распределить свои силы в стрессовых ситуациях общения, сосредоточивая их на решении регуляторных проблем.

В связи с этим интересен вопрос о том, какие именно аспекты детского коммуникативного опыта обобщаются и откладываются как культурное наследие в детской традиции. Наши исследования показывают, что это прежде всего *психологические принципы решения* трудных коммуникативных задач. Назовем их *стратагемами*.

Термин «стратагема» выбран нами по двум причинам. Во-первых, он помогает смыслоразличению. Стратагема – это базовый принцип, своего рода философско-психологическая установка, уходящая своими корнями в мировоззренческую концепцию конкретного сообщества людей. Поэтому стратагеме важно отличать от стратегии как более частной и внешней организации поведения. Во-вторых, этот термин является аллюзией по отношению к названию древнекитайского канона «Тридцать шесть стратагем», который содержал весь набор классических секретов китайской науки власти. В нем были раскрыты принципы победы над любым противником при любых обстоятельствах во всех сферах жизни.

Для психологического анализа детских стратагем успеха нами были выбраны модели поведения и фольклорные тексты, связанные с темой словесной борьбы двух противников – это традиционное для детей поведение в ситуации дразнения. В этой ситуации присутствует характерная для детской субкультуры ролевая триада, которая реализуется в ролях агрессора, потенциальной жертвы и наблюдателя(лей). Первые две ролевые позиции традиционно обслуживаются текстами дразилок и отговорок. В этом плане они симметричны и теоретически уравновешены по возможностям. Психологический анализ пофазового развертывания ситуации дразнения и контент-анализ словесных клише позволяет выделить шесть детских стратагем успеха в борьбе с противником.

Стратегемы детской субкультуры с возрастом изживаются, уступая место более взрослым формам коммуникативного поведения. Однако при недостаточной социализации они могут сохраниться у взрослого человека как инфантильные способы решения коммуникативных проблем.

Палей И.М., Чежина Я.В.

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ОСЯЗАНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ

В основе исследования лежит гипотеза о примате осязания по отношению к другим психологическим характеристикам более высокого уровня. Такие фундаментальные свойства психических явлений, как проекция и предметность, первоначально формируются в осязании, а другие сенсорные модальности заимствуют их от него (Л.М. Веккер). В связи с этим мы предполагаем положительное влияние «включенности» осязания в эти модальности.

Объектом экспериментов были одни и те же учащиеся (23 человека) в 3-м, 6-м и 8-м классах. После зрительного восприятия геометрических и механических свойств объектов испытуемые пытались найти каждый из них вслепую путем осязания среди других сходных предметов. Время и число ошибок при выполнении этих заданий (зрительно-осязательных переносов) рассматривались как показатель упомянутой выше «включенности» осязания. Затем эти данные сопоставлялись путем вычисления ранговых корреляций с успешностью решения «Матриц» Равена, теста Готтшальда-Виткина «Включенные фигуры» и с показателями отклонения от аутогенной нормы и тревожности по тесту Люшера.

Остановимся только на результатах переносов и когнитивных тестов. Так, между показателями самого переноса (числом ошибок и временем) в 3-м и 8-м классах получены близкие к значимым отрицательные корреляции: чем меньше времени затрачено на поиск стимулов, тем больше ошибок при этом допущено, что связано с преобладанием импульсивности над рефлексивностью и слабым критерием принятия решения. В 6-м классе корреляции становятся положительными: чем дольше выполняется задание, тем больше допускается ошибок.

И в тесте Равена, и в тесте Готтшальда-Виткина между числом ошибок и временем выполнения заданий обнаружены значимые на уровне тенденции отрицательные корреляции только в 8-м классе.

Успешность (по числу ошибок) зрительно-осязательного переноса положительно коррелирует с успешностью решения «Матриц» Равена в 3-м и 6-м классах. К 8-му классу эта связь несколько ослабевает. Подоб-

ная картина наблюдается и в отношении теста Готтшальда: от 3-го к 8-му классу положительные связи прослеживаются на уровне тенденции, усиливаясь в 6-м и 8-м классах. Таким образом, чем успешнее выполняется перенос, тем меньше ошибок допускается в когнитивных тестах.

Время выполнения переносов отрицательно коррелирует с успешностью в тесте Равена в 3-м классе. Эта связь ослабевает к 6-му и сохраняется на уровне тенденции в 8-м классе. Чем быстрее выполняется перенос, тем больше ошибок допускается в тесте Равена. Между временем переносов и числом ошибок в тесте «Включенные фигуры» в 3-м классе значимых связей не обнаружено, в 6-м – отрицательная корреляция, которая к 8-му классу изменилась по знаку, оставшись такой же по силе.

Успешность переносов с временем выполнения когнитивных тестов отрицательно прокоррелировала в 3-м классе (чем больше ошибок допущено при нахождении осязательных стимулов, тем меньше времени затрачено на выполнение тестов). В 6-м классе связи между показателями переносов и обоих тестов отсутствуют, а в 8-м выявлена положительная (на уровне тенденции) корреляция между числом ошибок в переносах и временем выполнения теста Готтшальда.

Время поиска стимулов в зрительно-осязательных переносах в 3-м классе дает значимую положительную корреляцию с временем выполнения тестов Равена и Готтшальда. В 6-м классе эти связи сохраняются только в отношении «Матриц» Равена. В 8-м классе наоборот: пропадают корреляции между временем выполнения переносов и теста Равена, но появляются отрицательные корреляции между временными показателями переносов и теста «Включенные фигуры».

Таким образом, в некоторых случаях обнаруживается соответствие связей между характеристиками самого переноса, а также между показателями переносов и когнитивных тестов. Отрицательные корреляции между числом ошибок и временем выполнения указанных выше методик в 3-м классе обусловлены влиянием импульсивности и слабым критерием принятия решения. Увеличение к 8-му классу числа положительных связей между ошибками и временем связано с «освобождением» мышления от эмоционального влияния при решении тестовых заданий.

Пережигина Н.В.

РОЛЬ ПЕРЦЕПТИВНОГО ОПЫТА В РАЗВИТИИ РЕЧИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Когнитивный опыт ребенка–дошкольника не представляет собой изначально целостности. В нем с необходимостью выделяются подструк-

туры вербального и невербального опыта, которые первично развиваются параллельно друг другу. Их слияние в единый когнитивный опыт происходит в возрасте 5-7 лет в процессе преимущественного развития невербального (перцептивного) опыта ребенка, формирующего довербальный уровень языковых значений. От полноценности этого уровня в значительной степени зависит благополучное развитие речи ребенка.

Значимой характеристикой полноценно формирующейся системы перцептивного опыта являются полноценно развивающаяся система перцептивных эталонов и пластичность перцептивного моделирования, внешне проявляющаяся в гибкости функционального оперирования образами в виде следующих возможностей:

- включение образа-стимула во внешний ряд сходных образов;
- усмотрение сходства или различия с другими образами;
- дробление образа на элементы, не только обусловленные перцептивной структурой образа, но и произвольно, со сменой точки рассмотрения образа-стимула;
- включение выделенного элемента в новый ряд элементов, образ.

На основе пластичной, мягкоградуированной системы перцептивных эталонов и перцептивных действий формируется довербальный уровень значения с большой функционально-семантической пластичностью и выравненной частотностью семантико-ассоциативных признаков характеристик значений, оказывающейся высоко значимой для параллельной обработки информации, которая, в свою очередь, является необходимым и важнейшим условием усмотрения смысловых связей и порождения плана связного высказывания.

Плебанек О.В.

СООТНЕСЕННОСТЬ ТИПОВ МЫШЛЕНИЯ И ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ

Принято считать, что блоки, из которых складывается психика (познавательный, эмоциональный, регуляторно-волевой), ортогональны. Из этого следует, что познавательная деятельность и ценностные установки относительно независимы. Целостна личность, обладающая уникальной комбинацией особенностей психики, и этим определяется ее индивидуальность. С этим положением психологии соотносятся многочисленные свидетельства культурологии: особенности мышления и деятельности представителей различных социокультурных общностей определяются уникальным сочетанием состояния экономики, науки, религиозных, ценностных установок, с тем только уточнением, что в послед-

нее время в культурологии все большую популярность приобретает ценностный подход, в соответствии с которым именно система ценностей определяет культуральные особенности.

Между тем еще К.Г.Юнг (1994) в описании своих психологических типов показал, как тесно связаны между собой когнитивный стиль и ценностные установки. К завершению XX в. разработка проблем межполушарной асимметрии головного мозга и типологии культур показали, что система ценностей не может не зависеть от когнитивного стиля.

Западная культура в основе своей экстравертивна, ей характерен аллопластический тип деятельности. Интеллектуализм и рационализм, дискретность и сукцессия в мышлении, логико-символическая структура теоретических концепций, аналитический строй умозаключений, аналитическая структура языка и слова – характеристики когнитивной сферы западной культуры, которые на языке современной психологии называются «левополушарным» или дискретным, аналитическим мышлением.

Восток интровертивен. Ему характерен иррационализм и интуитивизм в познании, континуальность и симультанность, холизм в мышлении; эмоционально-образное восприятие; синтетический характер языка, метафоричность. Эти характеристики соответствуют «правополушарному», или аналоговому, синтетическому мышлению.

Все ценностные системы, которые возникали в западной культуре, соответствовали «левополушарному» когнитивному стилю: интенция и экспансия освоения внешнего мира – природы; объективная истина, независимо от этического содержания, как абсолютная ценность; приоритет автономной, независимой личности в атомарном обществе. Континуальность, холизм «правополушарного» когнитивного стиля соответствуют картине мира Востока: Природа как высшая ценность, приоритет общества перед личностью и невыделенность Человека в мироздании; познание как самопознание, адаптационный, аутопластический способ освоения мира. Все ценностные системы, возникавшие на Востоке – индо-буддистская, даосистско-конфуцианская и другие, не смогли преодолеть ограничений данного когнитивного стиля.

О том, что не ценностные установки формируют тип мышления, а система ценностей соответствует когнитивному стилю, свидетельствует тот факт, что религиозные и философские идеи, родившиеся в одном культурном круге, мигрировав в другой культурный круг, трансформировались в соответствии с когнитивным стилем. Так, например, единый Бог Ветхого завета соответствует холизму «правополушарного» когнитивного стиля; христианская Троица Нового завета более соответствует месту распространения – западному «левополушарному» когнитивному стилю. В свою очередь проникновение на Восток западного феномена –

политики – не привело к разграничению сфер деятельности и сознания, возникновению индивидуализма. Для политической культуры Востока характерен холизм (нерасчлененность религиозной сферы и светской), иррациональность (например, идея непротивления злу, принцип пассивного неповиновения и т.д.), что в точности соответствует «правополушарному» когнитивному стилю.

Прокофьева В.А.

ПСИХОЛОГ В ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Существенные преобразования в политической и социально-экономической структуре нашего общества выдвинули на первый план новые требования к системе народного образования. С начала 80-х годов происходит интенсивное становление психологической службы в системе образования страны. В 1994 г. на 1-м Съезде практических психологов образования в Москве психологическая служба получила общественное признание и ключевой вопрос был перенесен в плоскость обсуждения того, как конкретно организовать деятельность службы.

В последнее время появляются публикации, касающиеся вопросов организации и функционирования психологической службы в системе образования, в том числе представляющие целостные авторские модели (М.Р.Битянова, 1998; И.В.Дубровина, 1997; А.А.Реан, 1996, и др.).

Не вызывает сомнения, что вопросы оптимизации профессиональной адаптации педагога-психолога в системе образования требуют детальной проработки и конкретизации. Необходимость повышения уровня профессиональной деятельности практических психологов в системе образования и востребованности личности педагога-психолога на рынке труда требует исследования реальных и перспективных возможностей специалиста, т.е. его профессионально-педагогического потенциала.

Стоит особо подчеркнуть принципиальное отличие деятельности практического психолога в системе образования от работы психолога-консультанта, направления деятельности которого во многом определяются практическим запросом. В то время как психолог в системе образования основное внимание должен уделять психопросветительской и психопрофилактической работе, т.е. работать на уровне самозапроса.

Проведенное исследование выделило основные сложности адаптационного периода, сформулировать практические рекомендации по оптимизации вхождения педагога-психолога в педагогический коллектив и

может быть отмечено как первый этап конструктивного решения вопроса профессиональной адаптации психолога в системе образования.

С помощью метода контент-анализа были систематизированы и обобщены трудности первого этапа профессиональной адаптации психолога в системе образования по трем направлениям, получившим условные названия: «психолог–педагогический коллектив», «психолог–учащиеся», «психолог–родители». Внутри направлений проводилась дифференциация проблем профессионального и личного планов.

В качестве приоритетных проблем выделились следующие. Наряду со слабым методическим оснащением и отсутствием кабинета, психолог сталкивается с порой враждебным отношением со стороны педагогического коллектива. Остро стоит проблема координации деятельности психологов образовательных учреждений как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях.

Практика показывает, что психолог оказывается бессильным помочь ребенку, если не впишется в коллектив, не обретет себе поддержку в лице администрации и педагогов. Если психолог будет работать в одиночку, рассчитывать на изменения в педагогическом процессе трудно, даже если его кабинет станет своеобразной отдушиной в школе.

Профессиональное взаимодействие, взаимная осведомленность в вопросах педагогики и психологии необходимы на всех стадиях работы со школьным коллективом. Наиболее продуктивным может считаться построение модели организации психологической службы в системе образования, основанной на принципах целостности и системности.

Прусская-Юркевич С.Н.

ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Компьютерные технологии уже стали неотъемлемой частью нашей жизни. Компьютеризация может вызвать как позитивные, так и негативные последствия. Их можно условно разделить на функциональные, онтогенетические и исторические (Л.П.Гурьева, 1993). Примером функциональных последствий может быть преобразование шаблонных и творческих компонентов компьютеризированной умственной деятельности по сравнению с традиционной деятельностью.

Онтогенетические последствия проявляются в изменении пути личностного развития. Компьютеризация здесь имеет противоречивый и неоднозначный характер. Она воздействует на познавательную, мотивационную, эмоциональную сферу личности, ее самосознание; способст-

вует формированию позитивных личностных черт. Она влияет на развитие восприятия, мышления, памяти. Происходит качественное изменение умственной деятельности человека (Б.Ф.Ломов, 1985). Компьютерные технологии при их правильном использовании удовлетворяют потребности человека в познании, самоутверждении, самореализации.

Компьютер стал играть огромную роль в процессе социализации и социальной адаптации человека, открыл новый путь межличностного познания и взаимодействия. Развитие детей нового поколения уже идет по этому пути. Оно зависит от устойчивых психических свойств ребенка, типа деятельности и типа компьютеризации.

В историческом плане компьютер – новое сложное орудие, опосредствующее умственную деятельность людей. Его использование может иметь как прогрессивные, так и регрессивные последствия. Главную роль здесь играет то, кто и как использует компьютер и информацию о нем. Компьютеризация внесла в общество новые страхи: о дегуманизации обучения и общения, регрессе психических функций, ослаблении волевой и ухудшении эмоциональной сфер. Все эти «мифы» уже опровергнуты психологами (О.К.Тихомиров, 1986; Е.И.Бондарчук, 1989). Решается и проблема компьютерной тревожности – ощущения незнания, неумения, боязни за свое здоровье (О.В.Доронина, 1993).

Но, кроме того, компьютеризация дала новый способ общения – с помощью электронных сетей, который изменяет образ мира взрослого человека и в особенности ребенка. Для него это легкий доступ к истории развития человечества и программированию своего будущего. Главное же – это возможность тесной связи с современностью, которой не давала ни одна известная технология. Практически в любом возрасте и при любых физических и психических характеристиках человек может общаться со множеством различных людей, осуществлять совместную деятельность с ними на любом расстоянии.

Компьютер никогда не заменит человека, живого общения, игры, обучения, но компьютеризация изменяет психические свойства человека и общества. Ей принадлежит и будет принадлежать решающая роль в развитии средств труда, познания и общения. Почти каждый современный человек ощущает, что умение работать на компьютере так же необходимо, как умение читать и писать.

Применение достижений компьютеризации, если оно опирается на знание психологических законов, открывает огромные возможности для психического развития человека на протяжении всей его жизни.

Ржепецкая Е.К., Рудкевич Л.А.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ И ТЕМПЫ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОЗРЕВАНИЯ У ДЕТЕЙ

В последнее время отечественная система дошкольного и школьного образования претерпела значительные изменения: появились различные программы обучения; школы стали более специализированными; фактически нет единой системы образовательных стандартов; значительно большее значение приобрел социальный статус ребенка и его семьи.

В процессе исследования некоторых психофизиологических и психических свойств детей дошкольного и школьного возраста был проведен сравнительный анализ результатов физиологического и психологического обследования учеников общеобразовательных и гимназических классов. Установлены статистически достоверные различия в развитии познавательных свойств у этих групп учащихся.

Выявлено, что для детей старшего дошкольного возраста, посещающих группы интенсивной подготовки к школе, характерна более высокая скорость простых и сложных сенсомоторных реакций. Гимназистов младших классов отличает более высокая скорость переключаемости внимания. В средних классах школы были выявлены различия по уровню невербального и вербально-логического интеллекта, переключаемости внимания, зрительно-пространственной памяти, показателям когнитивного стиля (рефлексивности и вербальности).

Отметим, что если в дошкольном возрасте различия установлены только на психофизиологическом уровне, то к средним классам школы мы констатируем различия фактически по всем познавательным способностям. Это свидетельствует, с одной стороны, об обусловленности развития высших психических функций элементарными процессами сенсорного восприятия, а с другой стороны, о том, что педагогическая программа общеобразовательных и коррекционных классов не способствует в должной мере познавательному развитию детей.

Различия между детьми гимназических и общеобразовательных классов наблюдаются не только по уровню развития психомоторных и познавательных свойств, но и по темпам физического роста и физиологического созревания. Установлено, что на всех возрастных этапах дети из групп интенсивного обучения характеризуются более ранним половым созреванием, что еще раз подтверждает гипотезу о связи темпов физического и психического развития. Учитывая особенности развития мотивационной структуры акселерантов и ретардантов, можно предположить, что несмотря на более высокий уровень познавательного разви-

тия, в дальнейшем акселеранты будут более ориентированы на самореализацию в семейной жизни, нежели в познавательной деятельности.

Результаты нашего исследования подтверждают необходимость учета темпов физического роста и физиологического развития при поступлении ребенка в школу, выборе содержания и методов обучения.

Рогов М.Г.

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФОБРАЗОВАНИЯ

Одними из первых в отечественной психологии на значимость мотивации в социально-психологическом плане указали Б.Г.Ананьев и Е.С.Кузьмин. В этой связи Б.Г.Ананьев (1968) отмечал, что в исследованиях социологов, психологов и социальных психологов имеется некий общий центр, которым являются ценностные ориентации групп и личностей, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей. Уже обращалось внимание на такие формы мотивации, как мотивация общения, трудовая мотивация и т.д.

Отмеченные выше формы мотивации изучены достаточно глубоко. Это касается в первую очередь мотивации трудовой и учебной деятельности. Исследованию мотивации учения посвящено множество работ психологов и педагогов, но ни в одной из них нет попытки рассмотреть данную проблему системно, с точки зрения непрерывности профессионального обучения – от начального профессионального до профессиональной переподготовки взрослых, в том числе безработных граждан с различным уровнем базового профессионального образования.

По своей сути это исследование – социально-психологическое, ибо в качестве объекта изучения здесь выступают определенные категории населения, объединенные в конкретные социальные группы. Социальная группа – это относительно устойчивая совокупность людей, исторически связанных общностью ценностей, целей, средств либо условий социальной жизнедеятельности (А.И.Донцов, 1997). Нашему объекту исследования присущи все отличительные признаки социальных групп: осознание своей принадлежности к группе, длительность существования, включенность в более широкий социальный контекст, наличие органов управления и др. Следовательно, мы имеем дело с объектом, являющим собой пример социальной системы, наделенной всеми ее атрибутами.

Одной из основных особенностей социальной группы является ее деятельность. У нашего объекта исследования один вид деятельности – учение. Но процесс учения в каждой социальной группе имеет свою

специфику, которая отличается как по содержанию, так и по формам и методам обучения. Специфика профессиональной подготовки должна учитывать не только возрастные особенности обучающихся, но и их ценностно-мотивационные компоненты. Наши исследования показали, что имеются существенные различия в выраженности основных ценностных ориентаций у учащихся профессионально-технических училищ (технические лицеи), средних специальных учебных заведений (техникумов, колледжей), высших учебных заведений и факультетов (центров, курсов) профессиональной переподготовки взрослых. Эти отличия касаются ценностей, связанных с жизненным самоопределением, самосовершенствованием и профессиональным ростом. По мере «взросления» значительно возрастает роль профессиональных ценностей.

Изучение мотивации учения выявило тенденцию снижения «веса» внешних мотивов в целостной структуре мотивации учения и возрастание роли внутренних, непосредственных мотивов в зависимости от возраста обучающихся. К таким непосредственным мотивам относятся в первую очередь мотивы развития личности и познавательные мотивы.

Проведенное нами исследование показало, что имеются определенные различия в выраженности ценностных ориентаций и мотивов учения у людей, проходящих профессиональную подготовку на разных ступенях системы непрерывного профессионального образования. Это мы в первую очередь связываем с социально-психологическими особенностями конкретных социальных групп.

Розум С.И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Имеются расхождения относительно правомерности словосочетания «нормальная личность». П.Б.Ганнушкин считал, что понятия «норма» и «личность» несовместимы в силу различий их содержания (норма – нечто среднее, личность – уникальное, неповторимое). G.Allport, напротив, свободно использует и анализирует понятие «нормальная личность», акцентируя внимание на том, что имеется два подхода к его определению – статистический и «этический» (гуманистический). В рамках последнего «нормальная личность» – некий идеал, определяемый тем, что И.С.Кон называет «нормативным каноном человека», задаваемым культурой данного сообщества.

Отсюда цель воспитания, формирования нормальной личности – это последовательное приближение к данному канону. Механизмом форми-

рования нормальной личности по идеальному образцу, по М.Коулу, является пролепсис – проецирование в будущее ребенка представления взрослого о должном, основанного на его прошлом опыте, и воздействие на ребенка в настоящем в соответствии с этим представлением. Ожидается, что сформированная таким образом личность будет строить свое поведение в обществе в соответствии с основными требованиями, предъявляемыми ей данным обществом. В чем же состоят основные требования, предъявляемые личности обществом?

На наш взгляд главным требованием является необходимость наличия у человека системы значений, общепринятой в данном обществе, особенно значений людей и отношений между ними. Психологическое значение любого объекта есть, по мнению А.Г.Шмелева, «единство трех аспектов»: денотата (по сути – образа объекта или его понятийного описания), мотивационно-эмоционального (отношения к объекту) и операционального (действий с объектом). Отношения с людьми как наиболее важными для человека объектами зависят от развитости у него связанной с ними системы значений. Для того чтобы адекватно взаимодействовать с людьми, нормальная личность должна: а) обладать развитой структурой «типических чувств» (Т.Шибутани); б) уметь общепринятым образом определять (воспринимать, описывать) ситуацию взаимодействия; в) типичным образом (в соответствии с ожиданиями) выстраивать свои действия. Степень отклонения также нормируется.

Имеется две взаимосвязанные системы отношений, в рамках которых нормальная личность должна уметь выстраивать свои действия: основанная на чувствах система межличностных отношений и основанная на согласованных описаниях система конвенциональных норм. Акцентирование субъектом в значении данного человека или ситуации взаимодействия с ним его эмоционального или рационального компонента вводит субъекта в ту или другую систему отношений.

Для адекватного участия в межличностных отношениях должна быть сформирована соответствующая структура типических чувств, основа которой закладывается в раннем детстве в форме так называемого «базового доверия». Механизмами ее формирования являются эмпатическое понимание ребенка и интериоризация им соответствующих образцов поведения. Для адекватного участия в системе конвенциональных отношений необходимо усвоение значений типичных ситуаций формализованного взаимодействия. Основой для их усвоения является формирование системы понятий, описывающих сконструированную в данном сообществе «реальность» (П.Бергер, Т.Лукман). Третьим условием является развитие упроченных схем действий (навыков) в рамках той и другой систем отношений.

Рыбалко Е.Ф., Травникова Н.Г.

АДАПТАЦИЯ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА К УЧЕБЕ В ПТУ

Первой ступенью вхождения в самостоятельную жизнь для большинства воспитанников сиротских учреждений становится обучение в системе профессионального образования. Нами проведено исследование адаптации воспитанников детских домов к учебе в профтехучилищах Санкт-Петербурга. В исследовании приняли участие 39 выпускников, 18 юношей и 21 девушка в возрасте 15-20 лет. Использовались опросник Р.Кеттелла, опросник доминирующих состояний (ДС) Л.В.Куликова, методика определения ценностных ориентаций, методика Т.Лири, экспертные оценки, анкеты и данные личных дел.

В качестве показателей адаптации использовались: учебная успешность, успешность в общении, которая определяется степенью включенности в группу, нормативность, дисциплинированность, психическое здоровье (отсутствие признаков невротизации) и удовлетворенность результатами своей деятельности, учебой и положением в группе, удовлетворенность собой и своей жизнью в целом.

Все показатели адаптации тесно связаны между собой и образуют цельный комплекс. Центральным показателем является «Учебная успешность», связанная с ориентацией на одобрение, поощрение своей активности со стороны старших, преподавателей. Повышенная зависимость от мнений взрослых, описанная на воспитанниках дошкольного и школьного возраста, сохраняется и во время обучения их в ПТУ, что повышает воспитательные возможности мастеров и преподавателей.

Много связей обнаружилось фактора «Самоконтроль, сила воли» (Q3 опросника Р.Кеттелла), который вошел значимым показателем в большинство параметров адаптации. Это свидетельствует о появлении нового механизма адаптации в этой группе, который заключается в повышении самоконтроля, уровня сознательного, в поведении интегрированного чувства «Я». В период профессионального обучения у выпускников детских домов меняется способ адаптации – кроме ориентации на мнение других, которая еще сильна в этот период, все больше проявляется ориентация на себя, свое «Я», самоопределение.

Взяв за основу показатели уровень учебной успешности, самоконтроля и уровень психического здоровья, мы выделили четыре типа адаптации и соответствующие группы испытуемых.

Учащиеся с высоким уровнем адаптированности, которых оказалось менее четверти выборки, больше других довольных собой и специаль-

ностью, которой обучаются. Они менее критичны к другим, у них выше самоконтроль, волевое саморегулирование. Эти учащиеся более расслаблены, спокойны и раскованны, менее тревожны и консервативны, чем остальная группа. У них выше тонус и стабильнее настроение, хотя они и не очень ценят возможность хорошо провести время.

Почти треть воспитанников детского дома, учащихся в ПТУ, оказались недостаточно адаптированными. Учащиеся с недостаточным уровнем адаптированности отличаются от остальных прежде всего по основным параметрам: они хуже учатся и у них снижены все показатели: они более тревожны, у них неустойчивое настроение, большая раздражительность. Снижены самоконтроль и социальный контроль. Эксперты оценивают таких учащихся как менее дисциплинированных, по сравнению с остальными. Эти учащиеся не удовлетворены своими учебными успехами и своей будущей специальностью, что говорит о неприятии ими наличной ситуации. Снижена самооценка. Ниже и удовлетворенность жизнью, но отличия не достигают уровня значимости.

Учащиеся с недостаточным уровнем адаптированности меньше ценят здоровье и больше внимания, чем остальные учащиеся, уделяют возможности хорошо проводить время. В общении они более прямолинейны, непосредственны, хотят доминировать, подчинять себе других. Через власть над другими эти воспитанники стремятся компенсировать неуспехи в учебе, что отличает их от группы со средним уровнем адаптации, где компенсация идет через угождение другим, подчинение.

Большая часть воспитанников детского дома испытывает сложности в адаптации к обучению в ПТУ. Зависимость от мнений старших, конформизм играют большую роль в адаптации этой группы, что повышает воспитательные возможности мастеров групп, преподавателей. В этот период начинает меняться привычный механизм приспособления бывших воспитанников детского дома: все большую роль начинает играть подлинное самоопределение, самостоятельность.

Саморуков В.И.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УСПЕШНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Человеческая деятельность так же, как и сам человек, относится к тем объектам научного исследования, которые принято называть системными. Важнейшим условием изучения подобных объектов является объединение комплексов наук, синтез данных, накопленных при изучении тех или иных свойств, элементов системных объектов.

До недавнего времени в системе человекознания психологические феномены трактовались как вторичные, производные, полное объяснение которых должно обеспечиваться прогрессом философии, физиологии, экономики и т.п. Сменившие этот подход взгляды на человека, как «единственном источнике общественного развития», в значительной степени связаны с феноменальностью человеческого бытия, с изменяющимися взаимодействиями индивида и рода в онтогенезе человека.

В этом случае реальное поведение человека рассматривается как результат воздействия педагогических, культурологических, идеологических и других подобных инстанций. Но результат может быть представлен и в личностном плане – как наличие определенных психологических свойств, качеств и состояний. Люди различаются по своему энергетическому и интеллектуальному потенциалу, по своим способностям и задаткам. Уровень реализации у людей в условиях профессиональной деятельности бывает различным в силу разных жизненных обстоятельств. Нередко существует разрыв между потенциалом и его актуализацией: «Человек, который в процессе обучения быстро и успешно овладел системой необходимых знаний и навыков, в некоторых реально возникающих ситуациях как бы теряет способность их применения в практической работе либо совершает грубые ошибки, которые не могут быть объяснены пробелами в обучении» (В.Д.Небылицин, 1964).

Аналогичные проблемы приложения психологических знаний существуют внутри разветвленной системы, включающей более 30 самостоятельных направлений в современной психологии: инженерная, социальная, медицинская и т.д. В рамках различных направлений порой решаются взаимоисключающие задачи; в качестве методологической основы используются теории, в ряде положений противоречащие друг другу.

Наличие проблем во многом связано с тем, что до недавнего времени психология в нашей стране развивалась преимущественно как дисциплина исследовательская. Однако для решения практических задач нужна своя, особая, адекватная система применения, а не добывания психологических знаний, обеспечивающая их самостоятельную роль и их совместимость с данными и выводами других наук. Имеется в виду не механическое сложение позитивных знаний, а их дальнейшая разработка в органической взаимосвязи. Как это сформулировал Г.С.Никифоров: «Речь идет как бы о «сквозном» психологическом обеспечении профессиональной деятельности...». В рамках этой концепции формируется особый спрос на разработку научно-практических основ психодиагностики. В настоящее время разрабатываются мероприятия текущей оценки специалистов и выборочного психологического воздействия.

Однако в таком случае профессиональная диагностика нацеливается на выявление психологических структур, определяющих изменчивость рабочих свойств специалиста, в то время как при существующей практике профотбора оцениваются наиболее устойчивые качества.

По результатам проводимого нами исследования деятельности специалистов органов управления, которая по ряду признаков сближается с деятельностью руководителя и может быть оценена как деятельность оператора-руководителя, представляется целесообразным рассматривать профессиональную пригодность с позиций, предполагающих, с одной стороны, существование ПВК, характеризующих потенциальные возможности эффективной деятельности, с другой – предусматривающих наличие механизмов, обеспечивающих регулирующее воздействие среды. Их представленность в психологическом времени и пространстве обуславливает личностно-ситуативный детерминизм поведения. Применительно к прогнозированию успешности деятельности профессионалов в первой из них оцениваются уровни достижений, а во второй анализируются уровни формирования и выполнения деятельности.

Солондаев В.К.

ОСОБЕННОСТИ ОБОБЩЕНИЙ В МЫШЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛА-ПРАКТИКА

Характерной особенностью практического мышления является его индивидуализированность. Решение практических задач осуществляется теми способами воздействия, которыми располагает конкретный практик в конкретной ситуации. Субъект практического мышления сам строит мыслительную задачу, исходя из своего индивидуального видения ситуации. Установлено, что у профессионалов-практиков имеется субъективная классификация стимульных ситуаций.

Нами было проведено исследование специфики обобщения у практиков на материале профессиональных ситуаций и их разрешения. Выполнив свободную классификацию затруднительных профессиональных ситуаций, отобранных при предварительном изучении деятельности, испытуемые разрешали несколько ситуаций, указывая или изменяя на разных этапах решения их положение в образованной классификации.

Результаты эксперимента показывают различие психологического содержания обобщений при одинаковой их формулировке у разных испытуемых, так как в группы с одинаковым вербальным обозначением разные испытуемые объединяли разные ситуации. Так происходило при первой классификации, до начала собственно решения, и при повторных

классификациях на последующих этапах. Как правило, изменение положения ситуации в классификации по ходу решения происходило после того, как испытуемый обнаруживал новую особенность ситуации, определенным образом связанную с индивидуальным путем решения, либо менял первоначальную оценку ситуации. Исключение составили испытуемые, переклассифицирующие ситуацию после каждой попытки решения, при сбое рутинного способа разрешения. Представляется, что в ходе разрешения и предупреждения возникающих в деятельности затруднений вербализуется лишь часть происходящих процессов, представленных в сознании практика большей частью «на языке ситуации».

Выявлены два пути классификации профессиональных ситуаций: 1) на основании обобщенных способов их разрешения; 2) на основании разноплановых свойств, характеризующих для испытуемого основную специфику ситуации на определенном этапе ее разрешения. 20% испытуемых использовали смешанные классификации. В ходе решения часть испытуемых переходила от классификации «1» к классификации «2» (по разноплановым свойствам). Обратный переход от классификации «2» к классификации «1» (по способу разрешения) производили только испытуемые, уверенно владеющие техникой деятельности.

Полученные данные дают основание считать, что обобщения профессионалов не являются понятийными, но и не имеют детски примитивного упрощенного характера. Обнаруженная индивидуализированность обобщений профессионала, специфика их структуры и реализации рассматриваются нами как проявление стереотипии, сформировавшейся в практической деятельности.

Разработанная методика позволила охарактеризовать различия между испытуемыми, занятыми практической и учебной деятельностью в одной сфере. Сопоставление результатов врачей и студентов медицинской академии показывает, что индивидуализированные обобщения непонятийного характера свойственны именно мышлению практиков. Относительная независимость обобщений от деятельности подтверждается сравнением профессиональных групп врачей и менеджеров.

Сорина С.П.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ДОПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧАЩИХСЯ

Инновационное образование предполагает совершенствование основных требований к допрофессиональной подготовке учащихся 10–11-х классов. В основу входят социально-педагогические исследования.

В медико-психологическом центре города Тольятти накопился определенный опыт сотрудничества школьников Автозаводского района, получивших дополнительное образование в «бизнес-классе». В течение трех лет проводились группы «личностного роста» с подростками, выбирающими профессии в сфере бизнеса и управления, внедрялась программа психологического сопровождения «Развитие поведенческой и коммуникативной гибкости».

Стратегическая цель: формирование и развитие установки на самопознание и саморазвитие. *Задачи программы:*

1. Осознание понятия выбора и ответственности как факторов активной позиции и самореализации личности.

2. Развитие навыков спонтанности и креативности как факторов, способствующих расширению ролевого репертуара личности.

В исследовании приняли участие группы подростков 14–16 лет в количестве 108 человек (63 юноши и 45 девушек).

В процесс занятий практической психологией, которые влияли на успешность взаимодействия со взрослыми, сверстниками и занимали различное место в зависимости от пола подростков, их интересовало то, как развить в себе коммуникативные умения, устанавливать контакт в деловой беседе, слушать и понимать собеседника, понимать состояние человека по его невербальным жестам и мимике, аргументировать.

Были заданы вопросы типа: как провести презентацию фирмы или товаров? как преодолеть страх перед торговлей? как научиться быстро ориентироваться в потребностях клиента? как управлять конфликтом? где можно научиться умению профессионально водить автомобиль?

Всего среди юношей было выявлено более 100 вопросов, которые были скомпонованы по группам и получили свой ранг. При этом обнаружили три основные группы вопросов:

1. Свой имидж делового человека, который включает в себя стиль одежды, прическу, предметы внешнего антуража (кольцо, голы, брелки).

2. Умение вести деловую беседу, применение техники аргументации и взаимовыгодное заключение сделки.

3. Компьютеризация.

У юношей в деловых отношениях предпочтение отдается экстравертам. Они вели себя гибко при отсутствии ограничений и проявляли скованность и неуверенность, если давался иной способ действия и создавался временной дефицит.

Интеллектуально продуктивные юноши проявляли поведенческую креативность, могли сохранять спокойствие в состоянии неопределенности и дефицита информации. Они проявляли уверенность в себе и устойчивость к критике. А высоко интеллектуальные девушки быстро на-

страивались на ситуацию, проявляли способность отстраниться от своей точки зрения и предполагали много вариантов решения.

Девушкам было задано около 60 вопросов, которые также были скомпонованы по группам и проранжированы.

1. Этикет деловой женщины (внешний вид – предметы бижутерии, косметика в легкой форме).

2. Умение заводить знакомства и влиять на собеседника.

3. Умение водить автомобиль.

В силу развития мыслительной сферы, рефлексии и произвольности поведения подростки осознают свой творческий потенциал и учатся управлять им. Креативность в их возрасте проявляется в разнообразных вопросах и способности к самораскрытию.

На основе анализа вопросов сформировалась программа психологического сопровождения в менеджменте и допрофессиональной подготовке учащихся 10-11-х классов, а также дальнейшие рекомендации к поступлению в специализированные учебные заведения.

Стеглянникова Ю.В.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

В современном обществе все более активно практикуется создание различных школ-интернатов и гимназий для одаренных детей. Процесс обучения в таких школах связан для подростков с различного рода трудностями. Основная и главная проблема – это проблема адаптации учащихся к новым социально-психологическим условиям. Огромные учебные нагрузки, новый коллектив, вынужденное отделение от семьи, лишение социально значимых контактов с привычным окружением в сочетании с несформированным эмоциональным статусом подростков часто приводят к различным нарушениям психической адаптации. Основными признаками таких нарушений являются ипохондрия, невротические и депрессивные реакции, которые сопровождаются ухудшением общего сомато-психического благополучия, снижением успеваемости и возникновением множества социальных проблем.

Психическая адаптация – это один из фундаментальных процессов, определяющий установление адекватных соотношений между человеком и средой, между психической деятельностью, обуславливающей поведение, и физиологическими механизмами, которые это поведение обеспечивают. Ю.А.Александровский отмечал, что при любом нарушении этого соотношения наблюдается различная по качеству и выражен-

ности дезорганизация социальных контактов человека, снижение контроля действий, усиление эгоцентрических устремлений, агрессивность.

Адаптивные способности человека закладываются еще в пренатальном периоде его развития, а важнейшую роль в их дальнейшем формировании играет родительская семья. Практически нет ни одного социального или психологического аспекта поведения ребенка, который не зависел бы от его семейных условий в настоящем или прошлом.

Рассматривая влияние семьи на становление человека, необходимо также учитывать и такой малозаметный, но очень важный аспект развития личности, как субъективное восприятие ребенком особенностей внутрисемейных отношений. Особенно ярко этот аспект проявляется в переходном возрасте, когда у подростка резко меняется видение мира вообще и родительской семьи в частности. Несмотря на то, что одной из самых важных потребностей этого возраста является потребность в освобождении от контроля и опеки взрослых, а также от установленных ими правил и порядков, семья продолжает оставаться для подростков важной референтной группой. Отрыв от семьи оказывает на них сильное психотравмирующее воздействие. Таким образом, то, что большинство учащихся специализированных школ проживают в интернате, дополнительно осложняет процесс их адаптации к новым социальным условиям.

Основной задачей специализированных школ-интернатов для одаренных детей является воспитание неординарной, творческой и, безусловно, психически и физически здоровой личности. К сожалению, в таких школах часто наблюдается явный дисбаланс во внимании к проблемам развития интеллектуального и развития личностного.

Проблема психической адаптации учащихся в специализированных школах стоит очень остро. Практическое ее решение требует всестороннего ее изучения и, в первую очередь, исследования особенностей психической адаптации подростков, их субъективного восприятия родительской семьи и системы отношений в целом. Знание всех этих особенностей необходимо для создания специальной программы, направленной на формирование способов и путей самореализации подростков с целью развития адаптивных свойств личности. В настоящий момент такая программа апробируется на базе Академической гимназии СПбГУ.

Травникова Н.Г.

ПРОГНОЗ УСПЕШНОСТИ АДАПТАЦИИ ПОСЛЕ ВЫПУСКА ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА

Прогнозирование дальнейшей судьбы воспитанников является важной задачей и педагогики и психологии. Диагностика в период нахождения воспитанников в детском доме дает материал для построения гипотез, но их прогностическая ценность не определена. В нашем исследовании приняли участие 24 воспитанника (11 юношей и 13 девушек). Использовались опросник Р.Кеттелла, методика определения ценностных ориентаций, методика оценки уровня комфортности, данные личных дел и экспертные оценки учащихся воспитателями и учителями.

Воспитанники, которые в дальнейшем достигли высокого уровня адаптированности в ПТУ, во время жизни в детском доме отличались более высоким уровнем социального контроля своего поведения, они были более добросовестны, настойчивы и надежны, чем другие воспитанники. Они больше других ценили образование, творчество и хороших друзей. Ценность же престижной работы, красоты, личной привлекательности и возможности хорошо проводить время они ценили меньше.

Обнаружилось, что для воспитанников, имеющих второй уровень адаптированности (избыточный) во время обучения в ПТУ, в период их обучения в школе были характерны: большая эмоциональная устойчивость, они лучше контролировали свои эмоции, были более активны в социальных контактах, смелы, чем другие воспитанники. У таких воспитанников было ярче выражено стремление к хорошей семье, чем у остальных воспитанников детского дома.

Воспитанники, имеющие недостаточный уровень адаптации в ПТУ, в период обучения в школе также не чувствовали себя комфортно. Они отличались эмоциональной неустойчивостью, недостаточным принятием моральных норм группы. Они были более консервативными, не склонными экспериментировать и более мечтательными, чем остальные воспитанники, что свидетельствует о низком уровне адаптации данных воспитанников в условиях детского дома. Развитое воображение играет компенсаторную роль, как и своеобразие ценностных ориентаций данных воспитанников. Они больше других ценят свободу и независимость, а также престижную работу, о которой мечтают. Меньше других воспитанники, имеющие недостаточный уровень адаптации в ПТУ, в школе ценили возможность быть здоровым, спортивным. Это связано и с неприятием социальных норм воспитанниками данной группы и с противоречием между их мечтами и реальной жизненной ситуацией.

Таким образом, прогнозировать дальнейшую адаптацию воспитанников детского дома после их выпуска и поступления в ПТУ можно по значениям факторов G («Социальный самоконтроль»), С («Эмоциональная устойчивость»), по оценке уровня комфортности в условиях детского дома, а также по особенностям ценностных ориентаций. Воспитанники, имеющие высокие показатели по факторам социального самоконтроля, эмоциональной устойчивости, ценящие образование и не высоко оценивающие престижную работу, которая для них пока недоступна, будут достаточно высоко адаптированы в ПТУ. А воспитанники, плохо адаптированные к условиям детского дома, имеющие низкие показатели уровня комфортности, низкий эмоциональный и социальный контроль, которые высоко ценят престижную работу, скорее всего будут испытывать сложности в адаптации к ПТУ.

Тулупьева Т.В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И УСПЕВАЕМОСТИ

Целью данного исследования являлось изучение особенностей личности и психологической защиты и установление их связей с успеваемостью студентов музыкального училища. В исследовании приняли участие 65 студентов музыкального училища им. Мусоргского (36 девушек, 29 юношей). Средний возраст испытуемых – 16,7 лет. Ставилась также задача сравнения личностных особенностей студентов музыкального училища и старшеклассников. Группа из 48 старшеклассников состояла из 28 девушек, 20 юношей, средний возраст – 16,6 лет.

Проведенный сравнительный анализ позволяет представить картину личностных особенностей студентов музыкального училища и старшеклассников. Студенты, по сравнению со старшеклассниками, более замкнуты, скептически настроены, любят бывать в одиночестве. Они более застенчивы, зависимы, больше тревожатся о возможных ошибках, сдержанны, предпочитают находиться в тени. Большому обществу они предпочитают одного-двух друзей. Студенты музыкального училища более чувствительны, склонны к романтизму, им свойственно художественное восприятие мира. Студенты демонстрируют развитый самоконтроль, достаточно высокую мотивацию по сравнению со старшеклассниками. У студентов музыкального училища представлены разнообразные виды психологической защиты, однако наиболее ярко выражен такой ее вид, как проекция. Преобладание проекции наблюдается как у музыкально одаренных учащихся, так и у старшеклассников.

В успеваемости учитывались предметы, как общеобразовательного цикла, так и специальные. Сравнительный анализ показал, что существуют гендерные различия в успеваемости. Девушки имеют более высокие оценки по учебным предметам. Они оказываются успешнее по философии, игре на фортепиано и музыкальной литературе. Средняя успеваемость у них также выше.

Общительность, естественность и непринужденность в поведении связаны с академической успеваемостью ($p < 0.05$). Общительные студенты имеют более высокие оценки по философии ($r = 0.296$), специальности ($r = 0.286$) и более высокий средний балл ($r = 0.257$). Конформизм имеет корреляционную связь с успеваемостью по философии ($r = 0.298$, $p < 0.05$). Склонность к романтизму, эмпатии, сочувствию коррелирует с более высокой успешностью в изучении музыкальной литературы ($r = 0.516$, $p < 0.01$). Таким образом, успеваемость студентов музыкального училища связана с их личностными особенностями.

Некоторые виды психологической защиты связаны с академической успешностью. Проявление гиперкомпенсации, связано ($p < 0.05$) с более высокими оценками по специальности ($r = 0.286$) и философии ($r = 0.286$). Продуктивное усвоение знаний по музыкальной литературе имеет связь с вытеснением и рационализацией. Высокие оценки по музыкальной литературе соотносятся ($p < 0.01$) с низкими уровнями вытеснения ($r = -0.333$) и рационализации ($r = -0.345$). Следовательно, механизмы психологической защиты также связаны с академической успеваемостью.

Полученные результаты свидетельствуют о существовании связей между личностными особенностями, психологической защитой и успеваемостью студентов музыкального училища.

Хвацкая Е.Е.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К ЗАНЯТИЯМ РЕБЕНКА СПОРТОМ

Для начального этапа спортивной карьеры (СК) типичны взаимоотношения в треугольнике «тренер–юный спортсмен–родители юного спортсмена», которые могут стать источником стресса для ребенка и осложнять преодоление им основных трудностей этапа начальной спортивной специализации, связанных с «обманом ожиданий», овладением основами техники вида спорта и участием в первых соревнованиях.

В исследовании отношения родителей к занятиям ребенка спортом с помощью ретроспективного и актуального опросов, психолого-педагогических наблюдений, бесед с родителями, тренерами и юными

спортсменами приняли участие 191 человек. Кроме этого, использовались данные контент-анализа 63 рефератов студентов СПбГАФК им. П.Ф.Лесгафта «Моя спортивная карьера».

В результате исследования было выделено три типа отношения родителей к занятиям ребенка спортом, которые могут создать у него трудности в сфере адаптации к требованиям вида спорта, тренера, спортивной группы и др.: негативное, компенсирующее и безразличное.

В основном для негативного отношения родителей характерна недооценка роли занятий для общего развития детей, что может стать источником возникновения чувства вины, боязни наказания, привести к снижению мотивации и, в конечном счете, уходу ребенка из спортивной группы. Для компенсирующего отношения – недооценка права ребенка приобретать опыт собственных успехов и неудач, что ориентирует юного спортсмена на достижение успеха «здесь и теперь» и определяет зависимость социальной поддержки родителей от спортивных результатов детей. Для безразличного отношения – недооценка роли социальной поддержки, что может привести к возникновению неуверенности юного спортсмена в правильности своих действий и поступков, формированию эмоционального отчуждения между ним и родителями.

В связи с этим налаживать взаимодействие в треугольнике «тренер – юный спортсмен – родители юного спортсмена», и в случае необходимости корректировать отношение родителей к занятиям ребенка спортом является частной задачей разработанной методики психологического сопровождения начального этапа СК. Ее решение предусматривает следующие методические приемы: 1) налаживание доверительных отношений с родителями, обеспечение единства требований в сочетании с эмоциональной поддержкой юных спортсменов; 2) получение информации об ожиданиях родителей в отношении занятий ребенка спортом; 3) ориентация родителей на признание права ребенка приобретать собственный опыт; 4) привлечение родителей для организации соревнований и др.; 5) сбор информации и информирование родителей об успехах, ошибках юного спортсмена; 6) консультирование родителей по организации режима дня, питания и помощи спортсмену в домашних заданиях.

Эффективность решения данной задачи в комплексе с другими задачами психологической помощи юным спортсменам подтверждена в лонгитюдном двухгодичном психолого-педагогическом эксперименте с участием гимнасток 6–8 лет, их родителей и тренера.

Таким образом, от отношения родителей к занятиям ребенка спортом зависит успешность адаптации юного спортсмена на начальном этапе СК. Установлено, что требовательность в сочетании с социальной поддержкой является основой позитивного отношения родителей. Это по-

могает юным спортсменам справиться с «обманом ожиданий», овладеть основами техники вида спорта и преодолеть трудности первых соревнований, успешно разрешить кризис начала спортивной специализации.

Шалимова Г.А.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Все больше проблема эмоций стала привлекать психологов. Как считает В.К.Вилюнас, значение этой проблемы едва ли нуждается в обосновании. Какие условия и детерминанты ни определяли бы жизнь и деятельность человека – внутренне, психологически действенными они становятся лишь в том случае, если им удастся проникнуть в сферу его эмоциональных отношений, преломиться и закрепиться в ней, конституируя в человеке пристрастность, без которой немислим ни один активный его шаг. Эмоции со всей очевидностью обнаруживают свое влияние на производстве и в семье, в познании и искусстве, в педагогике и клинике, в творчестве и душевных кризисах человека.

Как всякое сложное и многогранное явление, эмоциональная сфера отражения может изучаться в различных аспектах. Мы вправе ожидать равномерного освещения всевозможных ее сторон, последовательного раскрытия ее структуры, генезиса, функций и т. п. Вопрос о физиологических механизмах эмоций до сих пор остается открытым. Противоречивые данные разных исследований не дают развернутого представления о роли полушарий головного мозга в регуляции эмоций.

Изучение эмоциональной сферы с позиции выраженности психофизиологических показателей межполушарного взаимодействия дали нам возможность по-новому оценить природу эмоциональных явлений. Анализ взаимосвязи двух биполярных по выраженности межполушарной асимметрии и эмоциональных характеристик групп не выявил прямой взаимообуславливающей зависимости, что подтвердило теоретические концепции и практические исследования, свидетельствующие о сложной структуре функционирования той и другой системы.

Топография эмоционально-выразительных проявлений по шести рассматриваемым микрогруппам с различной степенью межполушарного доминирования дала интересные результаты. Зависимость эмоциональных показателей любой модальности от типа межполушарной асимметрии носит колебательную форму, напоминающую синусоиду при межгрупповых переходах. Такого рода динамический характер из-

менчивости присущ различным видам эмоциональных проявлений как базальных, так и более сложных по природе модальностей.

При межгрупповом переходе характер изменения, соответствующий эмоциональности противоположной модальности, носит чаще асинхронный характер, что, скорее всего, свидетельствует о различной психофизиогенной основе исследуемых эмоций. Обращает на себя внимание типичное изменение вектора и амплитуды эмоциональных показателей по биполярным группам и асинхронизация соответствующих данных эмоциональности по смежным микрогруппам.

Анализ уровневых данных эмоций по возрастным периодам (у подростков и взрослых) не выявил значимых отличительных особенностей. Характер кривых имеет идентичную структуру. Незначительные изменения обнаруживаются только в амплитуде колебания.

Подтверждение выявленных нами соотношений модальностей эмоциональности и специфических групп межполушарного взаимодействия дает основания говорить о значении билатерального регулирования по определению потенциалов эмоциональности индивида.

Полученные данные обращают нас к наследию Б.Г.Ананьева, утверждавшего, что психофизиологические исследования приводят к убеждению, что именно в билатеральных связях на высшем уровне многоэтажной иерархической системы регулирования заключен «дополнительный регуляторный механизм». Мы имеем основание рассматривать билатеральные связи и как высшее проявление общей системы регулирования, и как особый механизм, который можно было бы назвать горизонтальным контуром регулирования, дополняющим основную, вертикальную и иерархическую систему регулирования.

Глава 5. ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анисимова Т.В.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В сложные периоды социально-политической жизни общества внимание людей обращается к политике, политическим лидерам и их деятельности. Речевая коммуникация является той формой, в которой преимущественно осуществляется политическая деятельность. В таком случае текст как единица общения в политике становится предметом изучения многих дисциплин, ведущая из которых – политическая коммуникация. В структуру политической коммуникации входит риторическая критика, целью которой является анализ и оценка публичного выступления или текста с точки зрения его воздействия на аудиторию.

В зарубежной психологии насчитывается более 2000 публикаций, отражающих данную тематику. В отечественной психологии с исследованием текстов связаны имена Т.М.Дридзе, Н.И.Жинкина, И.Ф.Неволина и др. Непосредственно к политической коммуникации в последнее время обращались В.Ф.Петренко, О.В.Митина (1991), С.В.Разворотнева (1993), Т.Н.Ушакова, В.А.Цепцов, К.И.Алексеев (1998) и др. Эти работы предлагают методы анализа текстов, в том числе и политических. Очевидно, что политический текст, так же, как и другие виды текстов (художественный, научный и т.д.), имеет свою специфику. Наш анализ выделил следующие отличительные особенности политических текстов:

1. Политика всегда касается жизненно важных проблем. Большинство людей понимают это, поэтому политические выступления и тексты справедливо рассчитаны на то, что они будут услышаны, опубликованы. В этом случае политическому тексту свойственны все признаки публичного выступления: монологичность, большая структурированность, чем в разговорной речи, использование более формального языка, разнообразие способов преподнесения.

2. Несмотря на интерес к политическим событиям, большинство людей оценивают потери своего личного времени выше, чем выигрыш от анализа политической информации, поэтому восприятие политических текстов происходит в условиях минимизации затрат (времени, усилий). Таким образом, политический текст должен быть ориентирован на беглое, целостное, однократное восприятие в условиях помех.

3. Политический текст всегда подразумевает влияние на аудиторию. Это влияние может иметь три формы: пассивную (согласие с мнением автора), пассивно-активную (изменение установок аудитории), активную (побуждение к какому-либо действию). Таким образом, политический текст должен быть действенным, убеждающим.

4. Политический текст далеко не всегда предполагает явную презентацию целей автора. Более того, за представленными целями (всеобщее благо, справедливость и т.п.) могут подразумеваться групповые интересы, которые маскируются. Некоторые авторы считают, что влияние политического выступления тем больше, чем более цели скрыты от аудитории. Политический текст имеет подтекст, определить который можно только исходя из дополнительной информации за пределами текста.

5. Политический текст является основой политического капитала. Политик стремится, чтобы общение с аудиторией приносило «политические очки». Текст тщательно готовится, о экспромты редки.

Определение особенностей политических текстов позволяет решить по крайней мере две прикладные задачи политической коммуникации: совершенствование способов подготовки политических текстов и разработка специальных методов анализа политических текстов.

Артеменко О. Лабковская Е.Б.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Проблема имиджа политического лидера привлекает все большее внимание специалистов по политической психологии, политическим наукам, публик релейшенз, имеджмейкеров, политиков. Такой возрастающий интерес к имиджу политического лидера и технологиям его формирования продиктован требованиями сегодняшней политической жизни, одним из главных компонентов которой являются политические выборы. Во многом интерес избирателя к политической фигуре, а, следовательно, и желание поддержать ее на выборах определяется тем, какой имидж сформировался в отношении кандидата в его сознании.

На наш взгляд, изучение технологий формирования имиджа необходимо начать с попытки понять, что же такое *имидж*. Многочисленные издания, посвященные описанию технологий и методик формирования имиджа, предлагают разнообразные определения имиджа, которые довольно сильно отличаются друг от друга, но сходны в том, что трактуют имидж как образ или представление, возникающее у других людей, о человеке, явлении или событии, которое сильно влияет на восприятие

этого человека, явления или события. Таково мнение специалистов, занимающихся проблемой имиджа.

В рамках настоящего исследования была также предпринята попытка выяснить, что подразумевают под имиджем профессионалы-политики, которые так или иначе сталкиваются с этой проблемой в своей профессиональной деятельности, а также – молодежь, которую в данном исследовании представляют студенты юридического и психологического факультетов СПбГУ. С этой целью среди политиков и студентов были проведены опросы в период с февраля по май 1998 г.

По материалам опроса, проведенного среди политиков, обучавшихся на высших политических курсах, организованных кафедрой политической психологии СПбГУ, было составлено обобщенное определение имиджа: *имидж* – это образ, который создается о человеке у окружающих, путем сознательного формирования, в который входят: внешний облик, внутренние свойства и поведение этого человека.

Результаты опросов студентов позволили сформулировать следующее обобщенное определение: *имидж* – это то, чем и кем человек хочет казаться; тот образ, который человек создает себе сам или с помощью других в глазах окружающих с какой-либо целью; его составляют: стиль в одежде и поведении, черты характера, внутреннее содержание, речь, манеры, образ жизни. Образ, который он сам старается создать и который о нем складывается у других лиц.

1. Эмпирические результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующие выводы:

2. Основными элементами имиджа являются: внешний вид, стиль в одежде, манера общения, внешние (физические) данные.

3. При первом взгляде на человека в первую очередь внимание уделяется следующим элементам облика в указанной последовательности: лицо, волосы и прическа, телосложение, общий вид, глаза, запах.

4. Основными приемами, которые используются для того, чтобы сформировать положительное впечатление о себе, являются: улыбка, проявление заинтересованности в собеседнике, демонстрация искреннего отношения к собеседнику, опрятность в одежде.

5. Существуют и были выделены факторы, определяющие формирование положительного и отрицательного имиджа политика.

Следует отметить, что проблема исследования психологических механизмов имиджа политика остается чрезвычайно актуальной. Необходимо продолжать работу в этом направлении, используя наработки отечественной и зарубежной социальной и политической психологии.

Балин В.Д., Меклер А.А.

ПАТТЕРН БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ЗВУКОВОСПРОИЗВОДЯЩЕЙ АППАРАТУРЫ

Традиционные методы экспертной оценки качества звучания промышленной аппаратуры отличаются низкой точностью, высокой степенью неопределенности. Они зависят от содержания программы и ее сложности, причем зависимость эта труднопредсказуема. Оценка же качества звучания исключительно по физическим характеристикам аппаратуры, чем зачастую и ограничиваются ее создатели (по крайней мере, промышленных ее образцов), недостаточна, поскольку не учитывает психологических особенностей слушателей. Последнее обстоятельство приводит к высокому разбросу оценок качества звука слушателями. Из сказанного следует, что при создании и испытании аппаратуры необходимо учитывать большее число факторов, нежели это делается сейчас.

В исследовании мы исходили из предположения, что эмоциональная оценка слушателями события может быть более точной, нежели, скажем так, когнитивная, с использованием мыслительных процессов, особенно если мы имеем дело с групповой оценкой. Проблема заключается в том, как адекватно измерить саму эмоциональную оценку.

В нашем исследовании группе слушателей (студенты–психологи, 71 человек, из них 11 мужчин и 60 женщин) предъявлялись для прослушивания два музыкальных произведения («Романс» Д.Шостаковича из к/ф «Овод» и Первая часть кантаты С.Прокофьева «Александр Невский»). Испытуемые-эксперты должны были оценить свое эмоциональное состояние при прослушивании того или иного музыкального произведения с помощью анкеты, в которой были приведены 10 базовых эмоций К.Изарда. При прослушивании оценивалась интенсивность каждой эмоции и ее встречаемость. Запись воспроизводилась либо с помощью проигрывателя высшего класса с пластинки («хорошая» аппаратура), либо с помощью кассетного магнитофона 3-го класса («плохая» аппаратура).

Исследование показало, что одна и та же мелодия, воспроизведенная «плохой» и «хорошей» аппаратурой, стимулирует появление эмоций разной интенсивности, спектра и структуры, причем более качественная аппаратура опережает менее качественную по обеим характеристикам (интенсивность и спектр). Более сложное произведение (С.Прокофьев) вызывает большее количество эмоций, и они выше по интенсивности, т.е. чем сложнее музыкальное произведение, тем выше требования к аппаратуре. Структурные характеристики совокупности базовых эмоций (паттерн, спектр) являются более информативными при эмоциональной

оценке события, нежели абсолютные характеристики, отражающие выраженность отдельных базовых эмоций. Оказалось, что если произведение вызывает больше эмоций, то и аппаратура, его воспроизводящая, оценивается как более качественная.

Таким образом, исследование показало, что традиционные методы оценки качества звучания следует дополнить методами, позволяющими оценивать эмоциональный «отзвук» слушателя на предъявляемое ему музыкальное произведение, причем чем сложнее это произведение и выше требования к аппаратуре, тем больше требуется учитывать эмоциональные характеристики слушателей.

Берно-Беллекур И.В.

ОПРОСНИК НАРУШЕНИЙ ПОЛОРОЛЕВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В настоящее время наряду с отсутствием теоретических разработок по вопросу нарушений полоролевой самоидентификации нет простых и доступных практическому психологу методов для определения подобных нарушений. Учитывая наличие или отсутствие нарушений полоролевой самоидентификации, можно прогнозировать прочность семейных связей. В известной нам литературе не имеется ссылок на попытки создания опросника, позволяющего оценить степень этих нарушений.

Предлагаемый нами опросник содержит 85 вопросов по 17 шкалам, определяющим уровень выраженности ряда характеристик, присущих людям с нарушениями полоролевой самоидентификации. Испытуемый должен выбрать один из трех ответов: «да», «трудно сказать (иногда)», «нет». Ответ «да» оценивается в 2 балла, «трудно сказать (иногда)» – в 1 балл, «нет» – в 0 баллов. Время на ответы не ограничено. Каждый личностный фактор оценивается с помощью суммирования баллов по всем вопросам. Для этого предназначена специальная таблица, содержащая название шкал. Максимальная оценка по фактору – 10 баллов.

Оценки по факторам сравниваются со среднестатистическими данными. Однако диагностическое значение имеет анализ всех факторов в сумме и общий результат. Величина оценок по большинству шкал выше 6 баллов и выше 100 баллов по всему опроснику свидетельствует о тенденции к нарушению полоролевой самоидентификации. Речь здесь идет именно о тенденции, а не о наличии таких нарушений. Этот тест соответствует требованиям валидности, надежности и стандартизации.

Характеристика выборки. С использованием предлагаемого опросника обследовано 281 человек, подавших заявление о разводе. Результа-

ты тестирования 17 человек были расценены как недостоверные и отброшены. Отобранная группа испытуемых (264 человека) включает в себя 126 мужчин и 138 женщин в возрасте от 19 до 38 лет и с семейным стажем от 2 месяцев до 12 лет. Для сравнения использовалась однородная контрольная группа, в которой из-за резко отклоняющихся значений были отброшены данные 6 человек. Представители этой группы (112 мужчин и 124 женщины) состоят в браке не менее года.

Результаты. Полученные данные обработаны методами корреляционного и факторного анализа с использованием компьютерной программы Quatro-pro 4.0. Выявлена статистически значимая ($p < 0,01$) связь разводов с нарушениями полоролевой самоидентификации. В группе подавших заявление на развод отмечено повышение оценок выше 6 баллов по 10 и более шкалам и выше 100 баллов по всему опроснику в 71,6% случаев. Общая оценка по опроснику у этой группы составила 78,4 балла. В контрольной группе повышенных оценок не отмечено, характерен разброс данных. Общая сумма составляет 30,2 балла. В то же время оценки выше 6 баллов по 10 и более шкалам, а также выше 100 баллов по всему опроснику отмечено в 14,5% случаев, что соответствует литературным данным о распространенности нарушений в популяции.

Обсуждение. Статистически достоверно показано наличие нарушений полоролевой самоидентификации в группе лиц, подавших заявление на развод, по сравнению с контрольной группой, которое было выявлено с помощью прилагаемого опросника. Это позволяет использовать дифференциально-диагностический опросник нарушений полоролевой самоидентификации для психологического прогноза прочности семейного союза лиц, вступающих в брак. В отношении лиц, у которых выявлена тенденция к нарушению самоидентификации, необходимо выработать психотерапевтический подход для коррекции данных нарушений. Кроме того, показана статистически достоверная связь нарушений полоролевой самоидентификации с различными формами аутоагрессивного (суицидальные попытки) и аддитивного (наркотизация и алкоголизация) поведения, дисгармонией, социальной дезадаптацией.

Богданова Т.А., Голубев А.А.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА НА ЛИЧНОСТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Кардинальные кризисные изменения в нашей стране актуализировали проблему эффективной психологической помощи человеку в развитии собственного «Я» и его отношений с миром на социальном, профес-

сиональном, личностном, экзистенциальном уровнях. Появился иной социальный запрос – на принятие человеком самостоятельных решений, инициативность, предприимчивость, диалогичность общения.

Стремительный поток перемен и экстремальности бытия обусловил широкое применение такого метода интенсификации психологической подготовки и социализации индивида как социально-психологический тренинг (СПТ). Данный тренинг может быть полезен при первоначальном обучении, в ходе повышения квалификации представителей помогающих профессий, преподавателей, медицинских работников, юристов, психологов, продавцов-консультантов, в чьей профессиональной деятельности общение занимает важное место.

Основной целью СПТ является повышение компетентности в сфере общения. Задача тренинга состоит в формировании психологической готовности человека к реальной сложности межличностных и деловых отношений, в психологической разрядке, уходе от стрессовой повседневности (Л.А.Петровская, 1982). Необходимо отметить, что СПТ создает ситуации, играющие роль толчка к возможным личностным изменениям, что пока теоретически недостаточно осмысленно. Одним из самых трудных является вопрос о способах оценки эффективности тренинга. Как правило, используется система внутренних (суждения самих участников) и внешних (опросники и экспертные оценки) критериев.

Цель данной работы – исследование влияния СПТ с элементами экзистенциального подхода на личностные параметры человека. В работе использовались как внешние, так и внутренние критерии: тест руки Э.Вагнера, адаптированный Т.Н.Курбатовой (1995); опросник «Обзор чувств, реакций и убеждений» (ЧРУ-экспресс) по Роджерсу, адаптированный Л.С.Братченко; методика «Направленность личности в общении («НЛО»)» Л.С.Братченко (1997) и опросник Кейрси, адаптированный Б.В.Овчинниковым, К.В.Павловым, И.М.Владимировой (1995).

Объект исследования: две группы продавцов-консультантов и группа менеджеров предприятия по продаже и установке систем очистки воды, работающего под девизом «Экология окружающей среды и экология отношений». Участники тренинга были протестированы до начала и месяц спустя после тренинга, для учета возможных изменений личностных параметров. Использовались методы обратной связи – участники тренинга описывали свои ожидания и впечатления от каждого дня тренинга.

На основании анализа данных обнаружено, что все участники эксперимента (за исключением одного) по методике Кейрси относятся к одному психологическому типу, который получил название «Эпиметей», тип темперамента в данном случае определяется как SJ.

По шкале «Экстраверсия-интраверсия» снизился показатель экстраверсии с 7 до 6,7 балла, поскольку испытуемые, как и предполагалось, начали задумываться о происходящем с ними, больше уделять внимание самонаблюдению. С этим же связаны изменения по шкале «логика-чувствование», где чувствование возросло с 8,3 до 10,5. Аналогичные изменения по этим же шкалам произошли в третьей группе.

Методика НЛЮ представляется наиболее подходящей для выявления изменений направленности личности в общении. В группе продавцов-консультантов диалоговая направленность в общении увеличилась с 25 до 39%, в группе менеджеров – с 39 до 42%. Оценки по шкале «Авторитарность» снизились в обеих группах, соответственно: с 15 до 10% и с 15,6 до 12,7%. Оценки по шкале «Манипулятивность» понизилась в обеих группах, соответственно с 13 до 10% и с 12 до 9,7%.

Анализ динамики средних значений показателя «теста руки» показал повышение установки на «коммуникацию» с 53 до 56% (1 гр.), с 51 до 52% (2 гр.) и с 43 до 45% (3 гр.) и «сотрудничество»: с 30 до 31% (1 гр.), с 29 до 32% (2 гр.) и с 27 до 30% (3 гр.).

Таким образом, эксперимент выявил влияние СПТ на личностные параметры человека, его коммуникативные характеристики. Анализ внутренних критериев показал возросшую способность участников тренинга устанавливать помогающие отношения и перейти от целей и ценностей дефицитарного (А.Маслоу) на экзистенциальный уровень.

Бурикова И.С.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИЗБИРАТЕЛЯ В СИТУАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ

Возникновение и стремительное продвижение за последние годы нового научно-практического направления – политическая психология – в России вызвано происходящими в стране глобальными политическими изменениями. Одной из самых актуальных проблем современной политической жизни в России является проблема организации и проведения демократических выборов. Многочисленные выборы разных уровней с очевидностью показали, что основной причиной неуспешности, а часто – провала выборов является неумение сформировать и подготовить электорат. Подготовка электората, включающая формирование мотива, что, в свою очередь, предполагает разработку и использование методов и приемов воздействия на избирателя – проблема сугубо психологическая и требует научного подхода. Нами предпринята попытка исследования того, какие методы психологического воздействия участвуют в

формировании электорального поведения избирателя и какие из этих методов являются наиболее эффективными.

Для исследования механизмов психологического воздействия в ситуации политических выборов анализировались предвыборные агитационные листовки избирательных кампаний разного уровня: от выборов в местное самоуправление до выборов в Государственную Думу.

Исследование включало два этапа. На первом этапе из общего количества предлагаемых в исследовании листовок (39 штук) нужно было отобрать 10–15 наиболее влиятельных по оценке потенциальных избирателей. Для этих целей было опрошено 20 человек (студенты психологического факультета СПбГУ, 3 курс), которым было дано задание а) произвести классификацию листовок по любому основанию, б) назвать принцип классификации, который был ими использован, в) выделить наиболее значимую группу листовок или конкретные листовки. В результате первого этапа работы выделено 15 листовок, которые получили максимальное число положительных выборов.

Следующим этапом работы был опрос экспертов. В качестве экспертов выступали аспиранты и преподаватели кафедр политической и социальной психологии СПбГУ, всего 13 экспертов. Экспертам предлагалось определить, какие механизмы психологического воздействия имеют место в отобранных на первом этапе листовках. Если эксперт был уверен в наличии данного механизма в конкретной листовке, то он оценивал выраженность этого механизма в 1 балл, если эксперт такое наличие лишь предполагал, т.е. этот механизм, по мнению эксперта, выражен неявно, то эксперт присваивал ему оценку в 0,5 балла.

Результаты исследования приводят к следующим выводам:

1. Механизмы психологического воздействия, теоретически выделенные как принимающие участие в формировании мотивации избирателя, получили экспериментальное подтверждение в результате проведенного исследования. К их числу относятся: информирование, доказательство, убеждение, подражание, заражение, внушение, принуждение.

2. В листовках чаще всего используются следующие механизмы психологического воздействия: информирование 9,3 (при возможном максимуме – 13 баллов); внушение – 5,2. Остальные механизмы получили нагрузку менее 3 баллов.

3. Проведенное исследование еще не позволяет с точностью определить, какой механизм психологического воздействия является наиболее активным и успешным, так как на эффективность листовки влияет одновременно множество факторов: оформление листовки, личностные особенности читающего, внешние условия знакомства с листовкой и пр.

4. Для разработки новых технологий и приемов подготовки избирателей и формирования мотивации избирателя необходимо исследовать системы потребностей, убеждений, отношений, моделей поведения, факторов, определяющих алгоритмы принятия электоральных решений и пр. То есть все то, что составляет психологическую основу деятельности и поведения человека, специфическими формами которых являются электоральная деятельность и электоральное поведение.

Василькова А.П.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

Успешная деятельность врача наряду с глубокими профессиональными знаниями предполагает высокий уровень психологической компетентности, которая обретает все большую актуальность в связи с широкой гуманитаризацией медицинского образования. Человеческое знание, пользуясь терминологией Б.Г.Ананьева, становится центральной проблемой современной науки вообще и медицины в частности. По данным ряда исследований до 90% жалоб среди больных и их родственников связано с дефектами общения, 60–70% диагностических ошибок обусловлены так называемыми субъективными факторами, среди которых важную роль играют психологические факторы.

В проведенном нами исследовании приняли участие 62 практических врача со стажем работы от 1 года до 20 лет. Полученные результаты показали, что отношение опрашиваемых к необходимости и значимости психологических знаний в их практической деятельности носит амбивалентный характер. С одной стороны, отмечается влияние личностных свойств пациента на диагностику, течение и прогноз развития заболевания, что подтвердили в среднем 91,6% испытуемых, с другой – 23,4% из них (почти каждый четвертый) считают достаточным для постановки диагноза подход к больному только как к носителю набора определенных симптомов. Несмотря на то, что 100% врачей полагают необходимым учет при общении особенности личности больного и важность завоевания его доверия, только 64% из них корректируют свои действия и манеру общения с пациентом в зависимости от его личностных свойств и того, как он воспринимает своего врача. Причина этой амбивалентности может заключаться как в недостаточности теоретической подготовки врачей в области психологии (только 30% опрошенных дали достаточно четкое и адекватное определение основных понятий, используемых в психологии), так и в слишком высоком уровне обобщения полу-

ченных знаний и невозможности их использования в практической деятельности. Поэтому 87% испытуемых отмечают целесообразность введения специального курса по развитию навыков общения в системе «врач-больной», умению адекватно воспринимать своего пациента и оценивать его психологические особенности и состояние.

Данный курс призван не только обобщить и сконцентрировать знания в этой области, полученные на клинических кафедрах и при изучении общей и медицинской психологии, но и усовершенствовать общие коммуникативные способности, помочь преодолеть скованность и неуверенность, возникающие при первых контактах с больными особенно у молодых специалистов. Он может дать четкие образцы поведения в различных клинических ситуациях, примеры подхода к больным с разными патологиями и разной тяжестью состояния, выработать умение адекватно и всесторонне оценивать пациента и строить свои отношения с ним в зависимости от этого понимания.

Гулина М.А.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Последнее десятилетие в развитии отечественной психологии характеризуется бурным ростом в прикладных областях, связанных с оказанием различного рода психологической помощи. Возникают новые специализации (психологическое консультирование, психология социальной работы), внедряются новые психотерапевтические, психокоррекционные и консультативные практики. «Старые» теории также неожиданно приобретают новое значение в психологии – достаточно вспомнить беспокоящий специалистов взрывообразный, «компенсаторный» интерес к теории и, главное, к *практике* психоанализа в нашей стране.

В связи с этим в отечественной психологии назрела острая необходимость теоретического осмысления активно развивающейся практики психологической помощи, целью и результатом которой должна быть профессионализация психологической помощи (психологического консультирования, социальной работы, психотерапии) для минимизации возможных искажений их методов и подходов.

Анализ показывает, что именно психология в своем развитии создала ряд концепций, давших возможность для выделения терапевтической психологии как области знания, являющейся теоретической и методологической основой: а) различных психотерапевтических подходов и методов; б) методов психологического консультирования и психологиче-

ской коррекции; в) практики и теории социальной работы с индивидуумами, группами и сообществами.

Все известные формы психологической помощи являются не только практиками. В их основе лежит несколько иной тип научного психологического знания о человеке, где индивидуально-феноменологическое выходит на первый план и изменения происходят в актуальном времени и пространстве психических процессов, и только позже – в пространстве состояний, отношений, свойств личности. Этот тип психологического «терапевтического» знания обладает рядом особенностей, общих для всех подходов и школ психологического консультирования, и является их теоретической основой. Такими общими характеристиками терапевтического психологического знания являются:

- новое и специфическое значение аксиологической компоненты наряду с гносеологической и праксеологической;
- новое содержание *понимания* как метода познания человека;
- возрастание роли индивидуального знания психолога о себе самом наряду с общим и частным психологическим знанием;
- развитие знания о себе становится основной целью познания;
- познание носит диалогический характер;
- результатом познания является определенное изменение системы ценностей у всех участников процесса;
- приоритет категории правды по отношению к категории истины;
- отход от идеи «нормальности–ненормальности»;
- рост роли вербального, невербального и символического языков;
- увеличение значимости единичного знания в системе общего психологического знания о человеке.

Психологическое консультирование имеет своей целью помощь человеку в установлении его отношений с собой и с окружающим миром. Отношения являются как целью, так и средством достижения цели, а клиент – субъектом и объектом изменения отношений. Изменение ценностей представляется центром изменения отношений во всех сферах человеческой деятельности, поэтому каждый психологический подход в психотерапии, консультировании и социальной работе характеризуется и определяется ценностями, положенными в основу модели изменений.

В области психологии, связанной с задачами психологической помощи, как нигде более становится очевидным, что существуют различные типы и источники знания о человеке, поэтому перспектива развития терапевтической психологии видится в сопоставлении этих типов знания. Кроме того, необходимость дальнейших исследований в области психотерапевтического знания обусловлена и тем, что степень интегри-

рованности профессионального опыта (являясь, на наш взгляд, критерием профессионализма в конкретной области практики) пока в данной области оказывается совершенно недостаточной. Профессионализм же в данной области обуславливается осознанием и обобщением *убеждений* как сформулированных ценностей, которые исповедуют профессионалы, *знаний* и *навыков* их профессиональной деятельности.

Дворник А.В.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ УСТНОЙ РЕЧИ

В устной речи человека легко выделяются содержательная и формальная стороны, неравноценные с точки зрения своих психодиагностических возможностей. Во-первых, каждый человек стремится выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Во-вторых, любой человек в ситуации общения концентрирует свое внимание на содержании разговора, в то время как форме ее подачи уделяет минимальное внимание. Эти обстоятельства позволяют нам по форме (а не только по содержанию) речевых проявлений человека судить о его психологии.

Как правило, в литературе описываются следующие речевые показатели речи, поддающиеся экспертной оценке: громкость, высота, темп, тембр, фонация-артикуляция, ритм. Информация, извлекаемая из этих показателей, значима и интересна, однако ее ценность существенно ограничивается двумя обстоятельствами: необходимостью специальной звукозаписывающей аппаратуры и подготовленного эксперта.

В данной работе мы стремимся к созданию методики, позволяющей собирать информацию о человеке в условиях непосредственного наблюдения (слушания) за ним. Для увеличения возможностей обработки выделенный нами набор характеристик формальной стороны речи переводится в числовые значения. При помощи численных результатов удобнее сравнивать речь разных испытуемых, а также выделять тенденции в речи с последующим созданием системы психологических типов.

В своей работе мы находим целесообразным оценивать следующие показатели: объем высказывания (общее количество слов), количество существительных и глаголов. Имеется предположение, что доминирование в речи существительных указывает на людей, ориентированных на предметный мир и статичность, а преобладание глаголов – на действие. Если исследуется диалог, то замеряется время каждой реплики (ответа). В случае монологической речи мы считаем полезным разбиение текста на независимые информационные блоки.

В формальном анализе высказывания выделяются все предикаты и оценивается их субъектная отнесенность, которая, в нашем понимании, разводится по четырем направлениям. В качестве субъекта в высказывании могут выступать: «Я» (говорящий), «Мы» (группа людей, к которым говорящий себя причисляет), «Они-Он» (группа или человек, которым говорящий себя противопоставляет), «Оно» (обезличенный, неодушевленный субъект используется в речи, когда что-то делается само собой).

Частое обращение говорящего к субъекту «Я» предполагает его высокую личную активность, при этом источник стимулирующий, эту активность, может находиться как внутри, так и вне говорящего. Такое разделение также верно, когда субъектом является «Мы». Склонность преимущественно апеллировать к «Они-Он» предположительно обнаруживает психологическую вялость, пассивность говорящего, что становится особенно ярко выраженным при использовании субъекта «Оно».

Нами также учитываются следующие особенности речи: неоднократное использование одних и тех же слов и словосочетаний; наличие в речи обрывов (ошибки произнесения слов), оговорок, слов-паразитов, затяжных пауз; использование большого количества неопределенных или указательных местоимений; способ оформления мысли, выражающийся в характерном применении союзов между частями предложения.

Сравнивая результаты, полученные в при анализе телевизионных выступлений представителя президента РФ по Санкт-Петербургу С.А.Ципляева и губернатора Санкт-Петербурга В.А.Яковлева, можно отметить, что оба исследуемых демонстрируют в своей речи минимальную отнесенность к субъекту «Я». При этом в речи первого исследуемого 75% речевых действий приходилась на субъект «Оно», а у второго – 46%. от общего их числа. У С.А.Ципляева скорость говорения имеет тенденцию к нарастанию при наличии высокого уровня нервного напряжения, у В.А.Яковлева этот показатель существенно не изменяется. Если первый исследуемый в своей речи допускает много слов-паразитов, ошибок произнесения слов, пауз (частота встречаемости в среднем 1 на 25 слов), то у второго исследуемого преимущественно встречаются оговорки.

Мы твердо уверены в том, что исследование неконтролируемых вербальных проявлений человека является перспективным путем совершенствования методических средств психологической диагностики. За неконтролируемыми речевыми проявлениями скрывается многообразие субъективных состояний говорящего, в них реализуются базисные свойства личности. Фиксируя формальные аспекты речи человека, мы получаем возможность оценить степень его уверенности или неуверенности, уровень нервного напряжения, действительную позицию в отношении предмета высказывания (активную или пассивную), определить источ-

ник его активности (внутренний или внешний), подчиненность или самостоятельность, уровень негативизма в отношении обсуждаемой темы.

Дреева Ж.Ю.

ВИДЕОИГРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АГРЕССИВНОСТИ

В настоящее время проблеме агрессивности уделяется много внимания. Анализируется роль различных факторов (неблагоприятной социально-экономической и экологической обстановки, средств массовой информации и др.) в повышении уровня агрессивности.

Целью нашего исследования была оценка влияния компьютерных видеоигр на формирование агрессивности личности. Исследование было проведено на базе средних школ № 41, №29 г. Владикавказа. В качестве испытуемых выступили 68 мальчиков и 45 девочек в возрасте 12–14 лет.

В эксперименте были использованы следующие методики: опросник Басса-Дарки, тест руки Вагнера, «Несуществующее животное», методика незаконченных предложений, комплекс компьютерных видеоигр.

В результате статистической обработки первичных данных, проведенной на персональной ЭВМ, были выявлены следующие результаты:

1. В экспериментальной и контрольной группах у юношей отмечается тенденция к росту индекса агрессивных реакций, преимущественно за счет показателя вербальной агрессивности.

2. У девушек в экспериментальной группе прослеживается аналогичная тенденция, а в контрольной группе отмечается снижение индекса агрессивных реакций, несмотря на незначительное повышение показателя физической агрессивности.

Елохина Т.П.

ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В российской ментальности фигура политического лидера во все времена ассоциировалась с фигурой Верховного Бога, концентрируя на себе внимание народа. Ликвидация же государственных границ в современной политической жизни существенно повысила роль психологических знаний о партнерах по политическому взаимодействию и ценность прогноза их поведения. Это побуждает к поиску методических подходов, преодолевающих властную и социальную недоступность ныне

здравствующих политических лидеров, а также позволяющих психологически реанимировать уже почивших исторических деятелей. Этим условиям отвечает *психобиография* – направление, синтезирующее в себе опыт отечественных и зарубежных исследований личности.

Биографический жанр имеет богатую историю и по сей день популярен в литературе. К научно-биографическим исследованиям апеллировали педагогика и медицина, психология индивидуальных различий и характерология, психология труда и творчества. Прочное научное обоснование это направление получило в работах Б.Г.Ананьева, Н.А.Логиновой. Впервые в отечественной науке создав теоретико-экспериментальное учение о человеке, Б.Г.Ананьев ввел категорию «человек» в систему психологических понятий. Предметом биографического исследования был назван жизненный путь человека. Многомерность и многофазность жизненного пути составили его сложную пространственно-временную структуру, изучение которой дает богатейшую информацию.

В лаборатории Б.Г.Ананьева биографический метод становится частью комплексного исследования человека. Тщательно разрабатывается технология метода, который постепенно превращается из чисто описательного в надежный инструмент психологического познания. Сочетание жизненных и лабораторных показателей, динамики и статики, структуры и «генетики» позволили в итоге приблизиться к созданию эволюционно-целостного представления о человеке. Обогащенный же современными методами сбора биографической информации, ее анализа и синтеза (В.А.Ганзен, А.И.Юрьев, С.А.Добряков), этот подход сегодня по праву получил свое нынешнее название – *психобиография*.

Однако следует вспомнить, что аналогичный процесс своим путем шел на Западе. Зарождался новый жанр под названием *психобиография* сначала в рамках историографии, позднее – в психоистории (Германия, США). Научное признание он получил после того, как был «отшлифован» его главный инструмент – психоанализ. Первые психобиографические исследования З.Фрейда завораживают глубиной вчувствования и проникновения в изучаемую личность, но... большое число повисающих в воздухе гипотез рождает сомнения.

Последовавшие затем работы Э.Фромма и Э.Эриксона уже дают ответы на многие вопросы. Современный же психоанализ в его обновленном и многоликом состоянии вызывает интерес у психолога любой ориентации. Отход от ортодоксальных психоаналитических представлений, компактность и избирательность в отношении психоаналитического аппарата внушают доверие. А приложимость его к острым социальным проблемам сегодняшнего дня подталкивают к его применению в области политической психологии. Созданная А.И.Белкиным и М.М.Ре-

шетниковым целая галерея психоаналитических портретов политических лидеров – от Б.Клинтона до В.Жириновского – углубляет понимание происходящего с нами сегодня.

Открывается новая грань нерешенной и поныне проблемы – роли личности в истории. Крупным планом можно увидеть вклад человеческой индивидуальности в исторический процесс. Увиденное же убеждает в том, что не только личность исторична, но и история психологична. На повестку дня выдвигается задача целенаправленной психологической подготовки будущих политических лидеров задолго до их выхода на политическую арену. Проясняются основные направления такой подготовки: укрепление фундамента личности, помощь в достижении личностной интеграции, нейтрализация агрессивных тенденций и многое другое.

Психоаналитический подход к психобиографии расширяет возможности бесконтактного исследования, особо актуального в политической психологии. Он заставляет размышлять нас не в привычной экспериментальной парадигме, а с опорой на главный инструмент зрелого психолога: интуицию, эмпатию, рефлексивность. Герменевтическое постижение психологической сущности другого человека, идеографическая манера исследования усиливают его позитивные стороны. И уже не о «наполнении форм, разработанных американской политической психологией отечественным содержанием» должна идти речь, а о взаимопроникновении двух содержаний, о синтезе двух главных направлений психобиографического исследования. И это, на наш взгляд, реальный путь к взаимообогащению двух научных культур, к созданию общими усилиями истинно целостного психологического жизнеописания человека.

Еремеев Б.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАССТОЯНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МНЕНИЙ

Для психолога, исследующего мнения, эмпирическим предметом становится текст. Его качественная определенность, его рамки, его дробность при общем, топологическом подходе задаются множеством слов. И тогда психологическое расстояние раскрывается через актуальное соотношение между взятыми множествами.

При антропоцентрическом подходе к межчеловеческим отношениям в духе традиций школы Б.Г.Ананьева отношения квалифицируются по уровням характеристики человека. В частности, выделяются межиндивидуальные отношения, межличностные, межличностные, межсубъектные и межиндивидуальные. Мнения имеют социальную природу, поэтому ме-

жиндивидные отношения являются фоном, на котором выделяются все остальные. Межличностные отношения – социально-типичны; межличностные объединяют людей как имеющих особенные черты; межсубъектные предполагают преодоление препятствий, а межиндивидуальные отношения конкретны: содержат в себе названные грани и другие, ибо в эти отношения включается человек в целом.

При прагматическом подходе выделяются грани межчеловеческих отношений, которые актуальны с точки зрения деятельности. Если такое ситуативное отношение органично для взятых условий, вытекает из них, то оно характеризуется как ситуативно-функциональное.

При измерении межчеловеческих расстояний в пространстве мнений эмпирической предметной основой становится эталонное множество слов. Ситуативное расстояние измеряется на фоне эталонного мнения. Это значит, что при соотнесении двух мнений по одному поводу у различных субъектов в них принимаются во внимание только те элементы (слова), которые есть в составе эталонного мнения. Межличностное расстояние измеряется в пространстве логической суммы элементов, общих для двух и или большего числа мнений, – порог устанавливается из конструктивных соображений. При соотнесении мнений учитываются только такие общие элементы. Межличностное расстояние измеряется в пространстве логической суммы всех актуальных мнений. На ее фоне попарно соотносятся полные составы. Межсубъектное расстояние измеряется в пространстве логической суммы элементов, продуцированных коммуникатором. Элементы, имевшиеся в вопросе-стимуле, не учитываются. На фоне суммы попарно соотносятся «приращенные» составы. И межиндивидуальное расстояние измеряется в пространстве логической суммы полных мнений в каждой паре: сколько пар, столько и предметных областей, в которых имеет место психологическое расстояние.

Сказанное иллюстрируется выявлением психологических расстояний между главами региональных администраций, которые выразили свое мнение о том, угрожает ли России хаос («Аргументы и факты». № 23, 1998). В данном случае естественный ситуативно-функциональный эталон задается формулировками стимульных вопросов. При попарном соотнесении мнений использован коэффициент корреляции для качественных признаков Пирсона. Органичная мера психологического расстояния – это тригонометрическая интерпретация коэффициента в радианах. Но для читателей привычнее коэффициент корреляции как мера общности, поэтому здесь для примера берется именно он.

Так, в паре Д.Аязков – М.Шаймиев ситуативная общность $r=+0,57$, межличностная общность $r=+0,09$, межличностная – $r=-0,04$, межсубъектная – $r=-0,15$, межиндивидуальная – $r=-0,79$. Этот пример типичен. Носите-

лей мнения объединяют тема (в большей степени) и личностная позиция (гораздо меньше), а разводит своеобразие: личное, субъектное и особенно – индивидуальное.

Жмыриков А.Н.

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ЛИДЕРА В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Согласно акмеологической концепции электорального поведения, любая избирательная кампания представляет собой процесс, включающий четыре основные стадии: проектировочную, презентационную, адаптационную, мобилизационную. Вершиной этого процесса является формирование в общественном сознании доминирующей консолидированной установки голосования «за» конкретного кандидата. Фактором, осуществляющим перевод «мотива на цель», является имидж кандидата.

В отличие от доминирующих представлений об устойчивости характеристик имиджа, мы обнаружили выраженную динамику последнего, соответствующую во времени стадиям электорального поведения.

На проектировочной стадии в общественном сознании отсутствуют стереотипы идеального имиджа претендента на выборную должность. В то же время в коллективном бессознательном существуют образы субъекта, идеально осуществляющего конкретное ролевое поведение.

Презентационная стадия существенно отличается внедрением в общественное сознание имиджа кандидата на выборную должность. Интервенция в общественное сознание активизирует референтный процесс. Для его осуществления общественное сознание привлекает в поле внимания базовые характеристики бессознательных архетипов. Необходимая энергия образуется за счет конверсии энергии информационной интервенции. Объективация базовых характеристик архетипов приводит к формированию в общественном сознании латентных установок принятия или непринятия определенных внешних образов.

Внедренный в общественное сознание имидж кандидата (в дальнейшем мы будем называть его «первичным имиджем») оценивается как раз с позиции латентных установок. В результате оценивания отдельные характеристики первичного имиджа принимаются как значимые, другие же отвергаются. Принятые в качестве значимых характеристики начинают выполнять роль системообразующих оснований, консолидирующих другие («функциональные») характеристики в единый образ.

Функциональные характеристики этого образа представляют собой не что иное, как отражение доминирующих в общественном сознании

ценностей. Следовательно, результатом презентационного этапа является, во-первых, дискредитация первичного имиджа кандидата и, во-вторых, формирование в общественном сознании образа идеального кандидата. В сознании кандидата с большей или меньшей точностью формируется отраженное значение образа идеала (вторичный имидж).

Этап адаптации характеризуется взаимодействием вторичного имиджа с образом идеала. Если в выборах участвует лишь один кандидат (безальтернативные выборы), то осуществляется кооперативное взаимодействие вторичного имиджа с идеалом, приводящее к формированию единого образа «МЫ», где в качестве системообразующих оснований действуют характеристики идеального образа, а в качестве функциональных черт – наиболее яркие характеристики вторичного имиджа. Если в выборах участвует несколько кандидатов, то осуществляется конфликтное взаимодействие вторичных имиджей с обобщенным идеальным образом. Результатом является формирование единого образа «Я – лидер», системообразующим основанием которого служит ведущая характеристика вторичного имиджа, победившего в конфликтном взаимодействии, а функциональными характеристиками – черты обобщенного идеального образа. Следовательно, на этапе адаптации дискредитации подвергается вторичный имидж кандидата и в массовом сознании формируется третичный имидж (при безальтернативных выборах образ «МЫ», при альтернативных выборах – образ «Я – лидер»).

На этапе мобилизации третичный имидж выступает в роли фактора, стимулирующего формирование фиксированной установки голосования «за» конкретного кандидата. При этом структура третичного имиджа не подвергается изменению не только в оставшийся до голосования период, но и спустя некоторое время после опубликования результатов голосования (от 2 недель до 1,5 месяцев).

Зайцев А.Я., Палей И.М.

О СТАРОМ АФОРИЗМЕ «ГЛАЗА – ЗЕРКАЛО ДУШИ» ПО ИРИДО-ПУПИЛЛЯРНЫМ ДАННЫМ

Древнее житейское представление о глазах как «зеркале души» было дополнено около 150 лет назад научным заключением о глазах как «зеркале тела». «Зеркалом души» (преимущественно со стороны психических реакций и состояний) служила для экспериментальной психологии и психофизиологии обычно динамика площади зрачка (pupil), «зеркалом тела» (главным образом со стороны соотношения нормы и патологии) для медицины и физиологии – структура радужной оболочки

(iris). Требования интегрального подхода к исследованию индивидуальности обосновывают необходимость использования обоих «зеркал».

В современной психологии предпринимались подобные попытки. В частности, Дж.Каган сопоставлял несколько психологических характеристик с цветом глаз у детей. Однако сведения о включении в исследования пространственных характеристик глаза практически отсутствуют. В трех исследованиях, проведенных на факультете психологии СПбГУ и РГПУ им А.И.Герцена, была сделана попытка устранения этой одномерности путем использования пространственных характеристик глаза в качестве метода изучения индивидуально-психологических особенностей не реакций, а состояний и относительно устойчивых свойств.

В настоящей работе делается попытка преодоления еще одной одномерности, а именно – однополости объектов указанных исследований: в двух случаях испытуемыми были только лица женского пола, а в одном – только мужского. Анализ связей пространственных характеристик глаза с устойчивыми психологическими характеристиками испытуемых показал, что по некоторым из них результаты корреляций иридо-пупиллярного комплекса с психологическими характеристиками совпадали, по другим – в большей или меньшей степени различались. По одному из сопоставлений такого рода были получены озадачивающе противоположные результаты в мужской и женской группах.

Таким различием в иридо-пупиллярных показателях является различие в соотношении между площадью зрачка и площадью радужки. В мужской группе площадь радужки превышает площадь зрачка в значительно большей степени, чем в женской группе. Это различие в тенденции выражается в том, что абсолютная площадь зрачка у женщин больше, чем у мужчин, даже в спокойных фоновых условиях. Или, наоборот, площадь радужки по отношению к зрачку у мужчин заметно превышает это соотношение у женщин. Разница в относительных характеристиках зрачка и радужки у мужчин и женщин коррелирует с такой важной психологической характеристикой, измеряемой тестом Люшера, как эрготропность-трофотропность (по формуле К.Шипоша). Для женщин более характерно преобладание трофотропности, для мужчин – наоборот.

Обнаруженные различия, по-видимому, являются частным случаем различия акупунктурной «насыщенности» кожи у мужчин и у женщин: по данным Е.С.Вельхова, количество акупунктурных точек у мужчин в 2,4 раза больше, чем у женщин. Как известно, каждое воздействие на кожу повышает глобальный эффект организма и соответствующую эмоциональную реакцию. Можно думать, что подобным же образом возникают различия в эрготропности и трофотропности у мужчин и женщин, различающихся по соотношению площадей зрачка и радужки.

Ковалев Ю.Т.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ СИМВОЛОВ В ПЕСОЧНОЙ ТЕРАПИИ

При проведении сеансов песочной терапии (Sandtherapy) перед клиентом встает проблема выбора того или иного предмета из группы однородных. Например, при выборе фигуры лягушки для иллюстрации своего повествования, ему приходится выбирать между шестью-семью вариантами лягушек в наборе фигур. Этот выбор определяется субъективными предпочтениями, которые формируются архетипическим взаимодействием «символ–знак». С точки зрения аналитической психологии предпочтение, оказанное тому или иному символу, может зависеть также от соотношения экстравертных и интровертных тенденций – либо субъект оказывает предпочтение привлекательным качествам объекта, либо для него является предпочтительной субъективная полезность объекта как средства удовлетворения потребностей.

Поскольку для самого клиента содержание его индивидуального и коллективного бессознательного в существенной части неизвестно, его предпочтения позволяют психологу сделать определенные диагностические выводы. Однако нам неизвестны исследования, сравнивающие субъективные предпочтения более чем одного символа – хотя очевидно, что клиенты производят некоторый выбор (последовательный или одновременный) наиболее предпочтительных символов. О наличии такого выбора свидетельствует существование так называемых энциклопедий символов (Соорег, 1978), в которых описываются существующие в различных культурах варианты символов.

Дискуссия, развернувшаяся в последнее время в журнале «Psychology», показывает большую практическую значимость ориентации человека на субъективную вероятность, чем предполагал классический байесовский подход.

В эксперименте участвовали студенты третьего курса факультета психологии СПбГУ. Им предлагалось провести парные сравнения в группах символов по критерию степени выраженности архетипического значения. После обсчета матриц выявлен уточненный порядок расстановки предпочтений, который и использовался в интерпретациях.

Костромина С.Н.

ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА КАК ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Одной из основных задач практического психолога является определение психологических причин, вызвавших нарушения (отклонения от нормы) в той или иной области, т.е. постановка психологического диагноза. Но, по существу, постановка диагноза есть не что иное, как решение своеобразной задачи с заданными условиями, предварительными данными и вопросом, на который надо найти ответ. В этом смысле она выступает в качестве специфического «прибора», который позволяет естественным образом связать содержание диагностического исследования с конструируемым в процессе решения задачи причинами отклонений. При этом на практического психолога ложится высокая ответственность за допущенную ошибку, связанную с возможными негативными последствиями вмешательства в жизнь конкретного человека.

Психодиагностическая задача имеет ярко выраженную цель, условия и проблемную ситуацию. Специфика условий психодиагностической задачи состоит в том, что, отражая реальные отклонения у объекта диагностики от нормы или их гипотетическую возможность, они не заданы эксплицитным образом, т.е. явно и в полном объеме, в самом начале решения задачи, они устанавливаются и формируются практическими психологами в ходе проведения обследования. В связи с этим психодиагностическая задача не является чисто логической.

Другой особенностью условий психодиагностической задачи является то, что они включают две составляющие — эмпирическую и априорную. Первая представляет собой результат отображения фактов, полученных в процессе решения задачи, зафиксированной в диагностическом описании. Эмпирическая составляющая условий психодиагностической задачи может существенно изменяться в ходе диагностического поиска, пополняясь новыми сведениями и уточняясь. Вторую априорную составляющую условий задачи образуют сведения (знания), имеющиеся у практического психолога до проведения обследования.

Фиксируя лишь устойчивое, закономерное общее, т.е. инвариантное содержание и выступая в качестве практико-диагностических моделей или общих схем, априорные знания, при распространении их в процессе решения диагностической задачи на конкретную ситуацию, предполагают учет индивидуального своеобразия обследуемого.

Опираясь на условия психодиагностической задачи: априорную — константную по своей природе, — и эмпирическую часть, изменяющуюся

в ходе диагностического поиска, практический психолог двигается к конечной цели – постановке психологического диагноза. Путь к постановке диагноза является сложным и запутанным процессом. Мышление диагноста в этом случае идет не по прямой, а скорее, по сложной извилистой линии, спирали, в которой имеется этапность и определенная внутренняя логика. Исследование этой внутренней логики – безусловно важное направление в развитии теоретических основ деятельности практического психолога, открывающее возможность создания эффективных в практическом отношении стратегий постановки психологического диагноза, повышающих его качество.

Краев Ю.В.

ЭКСПРЕСС–ДИАГНОСТИКА АГРЕССИВНОСТИ В СПОРТЕ

Исследователи агрессивности большое внимание уделяют спорту, считая его удобной моделью для изучения данного феномена. Такой интерес имеет две стороны. Многие тренеры и спортсмены считают агрессивность важным качеством для успеха в спорте, а большинство теоретиков чаще рассматривают негативные аспекты ее проявления.

Цели проводимого нами исследования – изучить влияние агрессивного поведения спортсменов на результативность тренировочной и соревновательной деятельности в разных видах спорта; установить зависимость агрессивного поведения от личностных особенностей спортсменов; выделить половые особенности проявлений агрессивного поведения; проанализировать, способствуют ли систематические занятия спортом уменьшению или повышению агрессивности.

Отдельным вопросом в рамках рассматриваемой проблемы стоит диагностика агрессии и агрессивности. Трудности оценки агрессивного поведения обусловлены самим характером объекта исследования. Отрицательная социальная оценка, запрет на такого рода поведение значительно осложняют возможность прямого измерения агрессии в поведении. По всей видимости, этим можно объяснить чрезвычайно ограниченный перечень методических средств, позволяющих формализовать и количественно измерить агрессивность поведения.

Проведенный анализ отечественных публикаций показал следующее. К методам, позволяющим исследовать агрессивность как свойство личности, относятся: Айовский опросник враждебности; Шкала агрессивности Закса и Вольтера; некоторые шкалы опросника ММРІ; тест Роршаха; ТАТ; опросник Басса-Дарки. Для оценки агрессии как состояния используются Фрустрационный тест Розенцвейга и Миокинети-

ческий тест М.Лопеца. Все эти методики отличаются длительностью обследования, что затрудняет оценку состояния спортсмена.

В нашем исследовании мы остановили свой выбор на опроснике Басса-Дарки и методике Спилбергера «шкала агрессии – агрессивности», переведенной и адаптированной В.К.Сафоновым (1991). В работе «Агрессия» Р.Бэрона и Д.Ричардсона (1998) эта методика названа «Шкала гнева как состояния – свойства». Методика построена по такому же принципу, как и «Шкала тревоги – тревожности» Спилбергера.

Первоначально была поставлена задача оценки дифференциации агрессии и агрессивности, а также оценки валидности и надежности. В апробации методики приняли участие 93 человека: группа спортсменов дзюдо и самбо (24 человека); восточных единоборств (20 человек); представители л/а, лыжных гонок, биатлона и художественной гимнастики (24 человека) и группа неспортсменов (25 человек). В каждой группе женщины и мужчины были представлены примерно поровну. Испытуемым было предложено заполнить анкету три раза с интервалом в 1-2 недели: в спокойной обстановке; представить ситуацию, когда испытуемого обманули (модель фрустрирующей ситуации); в процессе напряженной тренировки (за исключением неспортсменов). Кроме этого испытуемые были обследованы по методике Басса-Дарки.

Для оценки различий шкал агрессивности и агрессии результаты обследования в трех ситуациях были сопоставлены по t-критерию. Между оценками по шкале агрессивности различий не обнаружено ($t_{1/2}=0,95$; $t_{1/3}=1,12$; $t_{2/3}=0,78$). Показатели шкалы агрессивности положительно прокоррелировали с показателями методики Басса-Дарки: индексом агрессивных реакций ($p<0,01$), индексом враждебности ($p<0,05$), физической агрессией ($p<0,01$), косвенной агрессией ($p<0,01$), вербальной агрессией ($p<0,01$), склонностью к раздражению ($p<0,01$). Оценки шкал агрессивности и агрессии высокозначимо различаются ($t= 4.1-12.3$).

Для оценки валидности шкалы агрессии результаты обследования были прокоррелированы с показателями методики Басса-Дарки и сопоставлены по t-критерию как между группами испытуемых, так и внутри групп между женщинами и мужчинами. Полная матрица t-критерия составляет 27 значений. Из них только три указывают на недостоверность различий. Это касается сопоставления результатов обследования в спокойной обстановке и на напряженной тренировке в группах дзюдо-самбо и восточных единоборств.

Таким образом, результаты экспериментальной апробации методики Спилбергера позволяют сделать положительное заключение о достаточной валидности и надежности шкал агрессивности и агрессии. Настоя-

шая методика проста в заполнении, обработке данных и может быть использована для экспресс-диагностики агрессии в конкретных ситуациях.

Ловягина А.Е.

О СИСТЕМЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ

Двигательная деятельность спортсмена в условиях соревнований – это сложный системный процесс, регуляция которого происходит на разных уровнях психической деятельности. Особенности проявления всей структуры саморегуляции у конкретного спортсмена обусловлены, с одной стороны, его индивидуальными особенностями (всей разноуровневой структурой индивидуальности), а с другой – специфическими требованиями и условиями вида спорта.

Индивидуальное разнообразие структур психических свойств спортсмена в условиях соревнований проявляется как специфическое сочетание различных по выраженности и направленности эмоциональных и регулятивных компонентов психического состояния, образующих системную реакцию на воздействие факторов соревновательной ситуации.

При исследовании индивидуальных особенностей спортсменов (мужчин и женщин) было обнаружено следующее. Присущее представителям разных видов спорта сочетание индивидуально-типологических свойств образует вместе с показателями психомоторики структуру саморегуляции, необходимую для решения основной двигательной задачи. Адекватная требованиям конкретного вида спорта саморегуляция обеспечивается за счет преимущественного развития и проявления различных сенсорно-перцептивных и психомоторных функций и их сочетаний.

Выраженность и сочетания индивидуально-типологических свойств обуславливают предрасположенность к определенным психическим состояниям перед соревнованиями. Изучение соревновательной деятельности стрелков показало, что у спортсменов с различными индивидуально-типологическими свойствами характеристики психических состояний отличаются в зависимости от жизненных проявлений этих свойств. Оптимальные для эффективной саморегуляции деятельности показатели эмоциональных и регулятивных компонентов являются индивидуальными критериями состояния психической готовности к соревнованию, формирование которых – цель психологической подготовки.

Разработка и реализация программ индивидуализированной психологической подготовки стрелков были обусловлены:

- силой и сочетаниями свойств нервной системы и темперамента;

- уровнем развития регулятивных качеств, значимых для решения основной двигательной задачи;
- индивидуально-своеобразными особенностями оптимального психического состояния;
- направленностью на развитие разных уровней стиля деятельности: стиля регуляции движений, стиля операций и стратегии целей.

Практическое использование разработанной индивидуализированной системы психологической подготовки к соревнованиям стрелков-пулевиков и стрелков из лука (мужчин и женщин) способствовало достоверному повышению их соревновательных результатов.

Меклер А.А.

АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ СТАНДАРТНЫХ МЕТОДИК ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

В электротехнике при проектировании звуковоспроизводящих систем на последнем этапе разработки производится субъективная экспертиза готовой конструкции. Сущность испытания состоит в том, что эксперты при помощи испытываемой аппаратуры прослушивают ряд музыкальных программ и по результатам прослушивания каждой программы оценивают качество звучания аппаратуры по 10-балльной шкале.

В рамках психологического практикума был поставлен эксперимент, одной из задач которого было определение влияния содержания прослушиваемой программы на оценки качества звучания (КЗ). Эксперты оценивали КЗ двух звуковоспроизводящих устройств: проигрывателя грампластинок и магнитофона. Аппаратура была подобрана таким образом, чтобы можно было аксиоматизировать значительное превосходство КЗ пластинки над КЗ магнитофона.

Для прослушивания использовались две программы – простая, построенная на положительных и «лирических» эмоциях, и сложная, с преобладанием мрачных тонов. После каждого прослушивания эксперты оценивали КЗ и общее впечатление (ОВ) по 10-балльной шкале.

При этом обнаружилась сильная зависимость оценок КЗ от содержания программы, очень большой разброс в оценках (погрешность 30-50%), низкая повторяемость результатов. Оценки в генеральной совокупности распределяются таким образом, что можно предположить, что эксперты избегают крайних оценок. Следовательно, шкалу нельзя считать равноинтервальной, и она годится для оценок КЗ только по рангу.

Введение шкалы «ОВ» позволило обнаружить эффект «разогрева» экспертов. По мере «разогрева» уменьшается разброс оценок ОВ, уси-

ливается корреляция между оценками ОВ и КЗ и увеличивается разброс оценок КЗ, т.е. эксперты уточняют свое мнение о КЗ (причём каждый по-своему). Это приводит к увеличению вариативности оценок КЗ и говорит о том, что, пользуясь данной методикой, точную оценку КЗ получить вообще невозможно, поскольку по мере уточнения оценки КЗ все сильнее проявляется индивидуальность каждого эксперта.

При переходе от простой программы к сложной статистические данные, описывающие звуковоспроизводящее устройство, изменяются так, как если бы ухудшилось КЗ: чем сложнее содержание музыкального произведения, тем выше требования к качеству аппаратуры.

Существует стандарт AES (audio engineering society), согласно которому КЗ оценивается не по одной, а по нескольким (чистота звучания, тембральная однородность и пр.) шкалам. Однако очевидно, что введение нескольких шкал принципиального решения проблемы не дает. Требуется изменение принципов оценки КЗ, более углублённая психологическая проработка проблемы.

Меркурьева Е.Ю.

АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ОПРОСНИКА ЛЕОНАРДА ГОРДОНА

В настоящее время существует множество методик диагностики психических процессов и интеллекта. Некоторые же области психологии недостаточно оснащены экспериментальными методами. Существует определенный дефицит психодиагностических методов в некоторых областях изучения личности – опросников диагностики черт личности.

Нами была проведена адаптация и апробация восьмифакторного личностного опросника, разработанного американским профессором Л.Гордоном в 1978 г. и успешно использующегося в США, Швеции, Польше, Венгрии, Испании, Чехословакии и некоторых других странах.

Опросник состоит из 38 групп утверждений, группа в свою очередь включает в себя 4 утверждения. В каждой группе утверждений испытуемому предлагается выбрать два утверждения из четырех: одно, которое наиболее точно описывает особенности испытуемого, отмечая это в графе «Согласен», и другое, говорящее о характеристиках, наименее свойственных испытуемому, отмечая это в графе «Не согласен».

Опросник состоит из 8 шкал следующего содержания:

1. *Доминантность и лидерство.* Высокие показатели характеризуют людей, которые играют активную роль в группе и самостоятельны при принятии решений.

2. *Ответственность*. Люди, которые справляются с выполнением начатой работы до конца, выносливы, решительны и те, на кого можно положиться, обычно получают высокие показатели по этой шкале.

3. *Эмоциональная стабильность*. Высокие показатели по этой шкале показывают те люди, которые эмоционально стабильны и свободны от беспокойства и нервной напряженности.

4. *Общительность*. Высокие оценки характеризуют общительных людей, которым нравится находиться в обществе и работать в группе.

5. *Осторожность*. Осторожные люди, которые тщательно все взвешивают, перед тем как принять решение, не любят рисковать, обычно получают высокие оценки по этой шкале.

6. *Оригинальность мышления*. Высокие оценки получают те, кому нравится работать со сложными заданиями и обдумывать новые идеи.

7. *Межличностные отношения–доверительность*. Высокие оценки характеризуют людей, которые доверяют другим, относятся к другим с пониманием, снисходительны и терпеливы.

8. *Энергичность*. Высокие оценки характеризуют энергичных людей, которым нравится работать в быстром темпе.

Объектом данного исследования явились студенты специального факультета при факультете психологии СПбГУ. Выборка составила 156 человек в возрасте от 25 до 40 лет, женщин – 127, мужчин – 29.

Оценки по тестовым показателям, полученные в ходе исследования, были подвергнуты математическому анализу. Обнаружены значимые корреляционные связи по всем показателям опросника Гордона.

Результаты проведенного исследования говорят о том, что опросник Гордона является кросс-культуральным диагностическим инструментом, показавшим свою валидность на российской выборке. Существует возможность надежного измерения таких качеств, как лидерство, ответственность, эмоциональная стабильность, общительность, осторожность, оригинальность мышления, доверительность, энергичность, которые раньше измерялись только с помощью проективных методик. Компактность теста, возможность группового обследования, отсутствие временного ограничения на выполнение теста, «непрозрачность» теста для испытуемых, интерес к его выполнению со стороны испытуемых, а также возможность применения теста в различных областях позволяют утверждать, что данная методика будет успешно использоваться в российской психодиагностике.

Мурина С.В.

ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКА НАРУШЕНИЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Расстройства памяти и внимания при органической патологии мозга являются одним из важных объектов медико-психологического исследования. Необходимость изучения этих расстройств у больных с органической патологией мозга, а в данном случае с последствиями черепно-мозговой травмы (ЧМТ), связана с широкой распространенностью этой патологии и зачастую стойкими нарушениями трудоспособности у лиц относительно молодого возраста. По данным ряда авторов нарушения памяти и внимания могут служить критериями для оценки структуры и уровня дефекта, уточнения латерализации очага поражения и оценки эффективности восстановительного процесса.

Задачей настоящего исследования является изучение нарушений познавательных процессов в виде расстройств внимания и модально-неспецифических нарушений памяти.

В настоящей работе приводятся результаты исследования больных с отдаленными последствиями ЧМТ в форме сотрясений головного мозга и ушибов головы средней степени выраженности. Средний возраст больных – 38,6 лет, давность резидуального периода 1–15 лет. Выборку составили 44 праворуких человека (мужчин – 93,2%, женщин – 6,8%).

Исследовалось состояние различных видов памяти и внимания у больных с односторонним поражением головного мозга травматического генеза. По клиническим и нейрорентгенологическим данным были выделены группы с правосторонним и левосторонним поражением преимущественно в височно-лобных и теменно-височных областях мозга.

Исследование внимания проводилось с помощью модифицированной методики «Корректирующая проба». Больным предлагалось вычеркивать определенные цифры. При этом фиксировалось время выполнения, учитывались ошибки, допущенные в правом и левом полях зрения, а также индекс утомляемости. Активное внимание у всех групп больных отличается неустойчивостью. Выявляются признаки истощаемости психических процессов. К концу работы продуктивность деятельности заметно снижается: падает скорость выполнения, возрастает количество ошибок, больные жалуются на утомление. При правостороннем поражении ошибки преобладают в левом поле зрительного рабочего пространства, что находит подтверждение в литературе (Вассерман Л.И., 1997).

Для изучения зрительной кратковременной памяти использовался тест зрительной ретенции Бентона. Больным предъявлялись слабоверба-

лизуемые геометрические фигуры и предлагалось нарисовать их по памяти. Оценивалась общая успешность выполнения задания, а также качественный анализ ошибок. При этом обнаружилось, что у больных с правосторонней патологией число ошибок было достоверно больше, чем у больных с левосторонней патологией ($p < 0,01$).

Для исследования слухоречевой памяти использовалась методика «Запоминание 10 слов». Оценивалась общая продуктивность запоминания, объем долговременной и кратковременной памяти, кривая успешности. Было достоверно ($p < 0,05$) выявлено, что у больных с правосторонней патологией продуктивность непосредственного воспроизведения достоверно выше, чем у больных с левосторонней патологией (5,4 и 3,2 слова соответственно).

Таким образом, исследование выявило некоторые особенности расстройств памяти и внимания у больных с последствиями ЧМТ в зависимости от латерализации. Активное внимание у всех групп больных отличалось неустойчивостью, расстройствами распределения, концентрации и переключения на фоне общего снижения психической активности, замедленности темпа деятельности. По литературным данным игнорирование левой половины зрительного пространства характерно для поражения теменных отделов правого полушария у праворуких.

У больных с левосторонней мозговой дисфункцией в большей степени страдает слухоречевая память, а при правосторонней – преимущественно зрительная память, что подтверждается данными литературы.

Полученные результаты позволяют в экспресс-диагностическом патопсихологическом эксперименте выявить определенные различия между группами больных с последствиями ЧМТ в зависимости от латерализации поражения. Дефицитарность левой гемисферы проявляется в более выраженных нарушениях слухоречевой и зрительной памяти. Дефицитарность правой гемисферы проявляется в преобладании ошибок в левом поле зрительного пространства и большей сохранностью мнестических процессов, чем у остальных больных.

Наследов А.Д.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОМЕТРИИ

Предлагаемая схема обработки социометрической матрицы с использованием кластерного анализа (КА) снимает проблему трудоемкости в задачах изучения структуры групп, выделения группировок и позволяет отразить разные «точки зрения» на социальную структуру группы. Объем изучаемой группы при этом практически не ограничен.

Первая проблема – задание метрики взаимоотношений. Исходной для КА должна быть матрица, симметричная относительно главной диагонали, каждый элемент которой отражал бы попарные различия (расстояния) между субъектами. В социометрии субъект далеко не всегда выбирает того, кто выбрал его. Следовательно, необходимо оцифровать исходную социоматрицу так, чтобы ее можно было представить в симметричном виде. В соответствии с тремя типами одностороннего отношения («да», «нет», «пусто»), можно определить шесть возможных типов взаимоотношений, каждому из которых необходимо присвоить свое числовое значение, отражающее социальную дистанцию.

Минимальной дистанции («да–да» – положительный взаимный выбор) должно соответствовать минимальное число, максимальной («нет–нет» – отрицательный взаимный выбор) – максимальное число. Исходя из этого принципа, можно подобрать числа для исходных выборов. Положительному выбору («да») присвоим значение 1, нейтральному отношению («пусто») – 2, отрицательному выбору («нет») – 4. Другой вариант, соответственно, 1–3–4. Вариант 1–2–3 недопустим, так как будут неразличимы варианты отношений «да–нет» и «пусто–пусто». Диагональные элементы заменяем нулями (расстояния между идентичными элементами). Приведение исходной матрицы к симметричному виду производится путем сложения строк и столбцов с одинаковыми номерами. Полученная симметричная матрица отражает все попарные взаимоотношения между членами группы: «да–да» – 2, «да–пусто» – 3, «пусто–пусто» – 4, «да–нет» – 5, «пусто–нет» – 6, «нет–нет» – 8.

В отношении полученной симметричной матрицы необходимо сделать два замечания. Во-первых, на этом этапе мы теряем часть исходной информации о направлении выбора. Например, расстояние 3 свидетельствует об одностороннем положительном выборе в паре, однако симметричная социоматрица не дает возможности узнать, кто в паре выбирает, а кто остается нейтральным. Во-вторых, принятая в данном случае оцифровка (1–3–4) приводит к тому, что расстояние в паре с амбивалентными отношениями («да–нет» = 5) становится меньше, чем взаимно нейтральные отношения («пусто–пусто» = 6). При оцифровке (1–2–4) соотношение было бы обратным. В зависимости от того, какие отношения исследователь считает более близкими, амбивалентные или односторонне отрицательные – выбирается и вариант оцифровки.

Вторая проблема – выбор метода кластеризации и интерпретация результатов. Из всего множества известных методов наиболее приемлемыми оказались иерархические: одиночной, полной и средней связи, реализованные в известных статистических программных средствах (STATISTIKA, SPSS и др.).

При использовании метода одиночной связи («ближайшего соседа») в расчет принимаются только наиболее близкие отношения. Новый кандидат на включение присоединяется к той группировке (кластеру), один из членов которой находится в самых близких с ним отношениях, по сравнению с членами других группировок. Отношение между выделенными группировками трактуется так же: это наилучшие взаимоотношения между любым из членов одной группировки и любым из членов другой. Часто в одну группировку попадают субъекты с взаимно отрицательным выбором на том основании, что другой член этой группировки находится с ними в отношениях взаимного положительного выбора.

Метод полной связи («дальнего соседа») демонстрирует другой подход к анализу той же матрицы. Кандидат на включение в кластер присоединяется к той группе (кластеру), самый дальний член которой все же ближе, чем самые дальние от него члены других кластеров. Точно так же происходит дальнейшее объединение первичных группировок на основании наихудших отношений между объединяемыми группировками, которые, однако, должны быть лучше, чем сложились бы при объединении с другими группировками.

Таким образом, два метода кластеризации соответствуют двум точкам зрения на одну и ту же структуру взаимоотношений: оптимистичное объединение в большие кластеры в случае метода одиночной связи и пессимистичное дробление группы на множество мелких кластеров методом полной связи. Метод средней связи занимает промежуточное положение, но его психологическая интерпретация не столь очевидна.

Патзелт В., Лабковская Е.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛЕЙ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТСКИХ СТРУКТУР

На прошедших в июне-июле 1998 г. международных конференциях по проблемам развития и укрепления законодательной (представительной) власти («Роль индивидуальных членов Парламента в парламентской политике», Будапешт, Венгрия и «Возможности и ограничения парламентского лидерства», Любляна, Словения), организованных и проводимых при участии Исследовательского комитета специалистов по законодательной власти Международной ассоциации политических наук, четко обозначилась необходимость проведения сравнительных исследований по изучению институтов представительной власти, которые следует начать с изучения ролей представителей этой ветви власти.

Материалы исследований, проведенных в Германии и Испании с 1994 г. по настоящее время, позволили сформулировать основные положения, которые должны составлять основу широкомасштабного психолого-политического кросс-культурного исследования:

- деятельность внутри парламентских или любых других структур представительной власти должна рассматриваться как целостная система ролей отдельных членов этих структур;

- ролевые функции членов парламента необходимо исследовать одновременно как зависимые переменные (поскольку депутат или член парламента является не изолированной фигурой, а действует внутри организационной и социальной структур) и как независимые переменные (поскольку важное значение играют также индивидуальные психологические и профессиональные качества члена Парламента);

- роли членов Парламента и других представительных структур необходимо изучать на основе известных и оправдавших себя социально-психологических ролевых теорий;

- необходимо провести психологический анализ ролей представителей законодательных структур, на основе которого следует разработать перечень психологических характеристик, необходимых депутату или члену Парламента для успешного исполнения своей роли.

Существенной проблемой при моделировании кросс-культурного политико-психологического исследования ролей индивидуальных членов структур представительной власти является разработка адекватного и надежного инструментария для сбора научных данных. Как известно, проблема подготовки методического аппарата является одной из самых непростых. Еще более сложной она становится, когда речь идет о проведении широкомасштабного кросс-культурного исследования с количеством стран-участников более, чем две. Неизбежно возникают проблемы перевода и адаптации стимульного материала и опросников, адекватной интерпретации, полученных в разных странах экспериментальных материалов, проблемы объема и количества используемых методик и пр. С учетом сказанного, пакет методов, предполагаемых для проведения кросс-национального исследования, может включать следующие:

1. *Глубинное интервью.* На наш взгляд, использование этого метода необходимо, поскольку чрезвычайно важным является получение информации от самих членов Парламента, построенное на их субъективной оценке своих ролей и места в парламентских структурах. Для проведения интервью необходимо проработать его содержание, разработать схему интервьюирования с учетом возможных незапланированных ситуаций, подготовить квалифицированных и надежных ассистентов.

2. *Опросы по почте.* Такая разновидность заочного опроса позволяет значительно ускорить сбор данных и существенно увеличить их объем. Использование отпечатанных опросников является сравнительно недорогим способом сбора данных и позволяет получить четко структурированную информацию. Однако разработка вопросников и проведение опросов по почте возможно тогда, когда уже имеется представление об объекте исследования, полученное ранее с помощью других методов.

3. *Тесты.* Здесь речь идет об известных психологических тестах, традиционно используемых для изучения психических процессов, состояний и свойств личности.

4. *Наблюдение.* Использование этого классического метода обусловлено его универсальностью и информативностью. Однако при его применении необходима проработка схемы наблюдения, поскольку при интерпретации могут возникнуть существенные сложности и противоречия, вызванные культурологическими и национальными особенностями.

Таковы, на наш взгляд, основные принципы разработки психолого-политического кросс-национального исследования по изучению ролей членов парламентских структур.

Рухтер Т.В.

О ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДИК

Одной из наиболее часто встречающихся диагностических задач патопсихолога в психиатрическом учреждении является обнаружение считающихся специфическими для эндогенных заболеваний нарушений когнитивных процессов, для которых прочно утвердился термин «структурные нарушения мышления». Традиционные и наиболее валидные методики для исследования мышления при решении клинических задач – «Пиктограммы» и методики исследования вербального мышления «Интерпретация пословиц», «Сравнение пар понятий», «Исключение 4-го». Однако в практической работе замечено, что частота встречаемости структурных нарушений мышления в этих методиках существенно отличается. Как правило, первые признаки начинающегося распада личности и нарушений мышления при шизофрении обнаруживаются прежде всего методикой «Пиктограммы». И только через год-два (при высокой прогрессивности процессуального заболевания) или 5–7 лет (при средней прогрессивности) появляется актуализация латентных признаков или выраженные структурные нарушения мышления в пробах

на вербальное мышление. Статистическая проверка этого наблюдения представлена в данном сообщении.

Из 100 больных (мужчин), прошедших патопсихологическое обследование в остром психиатрическом отделении Санкт-Петербургской психиатрической больницы № 6 в 1997–98 г.г., были отобраны лица, страдающие шизофренией в любой ее форме. Эта выборка составила 49 человек в возрасте от 16 до 60 лет. У 74% из них обнаружены структурные нарушения мышления в «Пиктограммах». Несколько менее чувствительна, но все же продуктивна методика «Исключение 4-го» (визуальный вариант) – у 59% испытуемых выявлено искажение мышления в этой пробе. Также проявляются эти нарушения при «Сравнении пар понятий» и «Интерпретации пословиц» (37% и 35% соответственно).

Таким образом, подтвердилось мнение о наибольшей чувствительности методики «Пиктограммы», которая выявляет специфические изменения на ранних стадиях болезненного процесса. И только при существенной прогрессивности заболевания и распаде когнитивных процессов структурные нарушения мышления проявляются в вербальных пробах. Интерпретация этого требует дальнейших исследований.

Свенцицкая Ю.А.

ЦВЕТОВОЙ ТЕЗАУРУС РУССКОЙ ЛЕЧЕБНОЙ МОЛИТВЫ

На материале более двух сотен текстов неканонических молитв, используемых в русской целительской практике, нами рассматривается использование цвета в лечении различных заболеваний. Мы не касаемся проблем синестезии (типа звук – цвет) и не анализируем идиом, куда входят наименования цветов. Предметом нашего внимания являются цвета, входящие в целительский обряд, воспроизводящийся в обряде «цвет болезни», а также названия цветов в тексте лечебной молитвы.

Отметим, что многие целители, практикующие лечение заговорами (неканоническими молитвами), пользуются также приемами наведения транса, и при упоминании того или иного цвета у пациентов в большинстве случаев имеет место визуализация. В нашей консультативной практике мы предлагали детям и родителям проиллюстрировать текст одного из заговоров. В тех случаях, когда в рисунках детей и родителей обнаруживались сходные группы образов, наблюдалось большее стремление к общению друг с другом. В беседе выяснялось, что родители стараются больше времени проводить с детьми, знакомить их с друзьями и т.п.

Цвет, используемый в обряде, часто является воспроизведением «цвета болезни». Например, если у ребенка сыпь, берется красный ме-

шочек с мелкой крупой, при онкологических заболеваниях одной из составляющих обряда является отрывание черных ниток и т.д. Не всегда использование цвета в обряде и упоминание цвета в тексте имеют место одновременно: в обряде может и не требоваться той или иной цветовой гаммы, а в тексте встречаются несколько наименований цветов.

Цвета, используемые в обряде, распределены следующим образом: чаще всего используются черный и белый, за ними следует красный, далее в редких случаях – серый, и в двух случаях из двух сотен обрядов – синий и зеленый. Заметим, что красный, белый и черный – цвета-символы в наиболее древних культурах, в частности, в мифологии и магии Африки (Д.Заан, 1996). Человеческий организм в текстах описывается четырьмя наименованиями цветов: синий, красный, белый, желтый.

Если цвет играет роль и в обряде и в тексте, то в тех случаях, когда в обряде воспроизводится «цвет болезни», в тексте упоминается контрастный (в частности, синий и лазоревый при лечении различных воспалительных процессов). Иногда цвет в тексте повторяет тот цвет, что используется в обряде, а далее заменяется контрастным. Интересно отметить, что в обряде черный и белый цвета иногда взаимозаменяемы. В большинстве случаев «цвет болезни» поглощается цветом «лечебным». Чаще всего в качестве такого «лечебного» цвета выступает белый.

Исследования в этом направлении представляют нам перспективными, так как позволяют найти новые аспекты применения цвета при лечении различных заболеваний.

Федорова А.В.

ЭТАПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Наказание в виде ограничения свободы в известной мере предопределяет судьбу воспитанника после выхода из спецшколы. Влияние данного наказания на постпенитенциарный процесс социальной реабилитации неоднозначно. Призванное в идеале исправлять несовершеннолетнего правонарушителя, наказание нередко приводит к противоположному результату. Вместо того чтобы приучить подростка жить в обществе людей, оно создает новые, часто непреодолимые препятствия этому.

Изучение проблем социально-психологической адаптации несовершеннолетних правонарушителей в условиях спецучреждения, в частности проблемы поэтапного развития данного феномена, позволит не только объяснять и прогнозировать поведение подростков во время пре-

бывания в спецшколе, но также выработать эффективные стратегии перевоспитания и подготовки воспитанников к жизни в условиях свободы.

Для выделения этапов социально-психологической адаптации воспитанников спецшколы нами были взяты следующие критерии: поведенческий (изменение среднего количества побегов в месяц), эмоциональный (изменение эмоционального состояния в зависимости от срока нахождения в учреждении), эмоционально-поведенческий (изменение среднего количества агрессивных реакций при переходе от одного этапа к другому) для характеристики выделенных этапов адаптационного процесса.

Результаты нашего исследования показали, что первый этап длится начальные 4-8 месяцев пребывания в спецшколе. Подросток, попадая в новые социальные условия, ведет себя неуверенно и осторожно, не желает адаптироваться к новой среде, стремится возвратиться домой. Этим обусловлено большое количество побегов в этот период. Воспитанник старается быть более закрытым для окружающих, отвергает принятые в новой среде нормы и правила, подчиняясь все еще сильному влиянию прошлого. Нежелание находиться в спецшколе выливается в нежелание приспособливаться к ее условиям, пассивность в выработке адаптационных механизмов. Вполне логично на этом фоне выглядит стабильно негативное эмоциональное состояние и повышенная агрессивность, обусловленные протестом на воздействия со стороны внешней среды.

Второй этап можно условно назвать «этапом ломки». Он длится от 8-го до 16-го месяцев пребывания в спецшколе. Подросток, пробыв в учреждении определенное время, осознает неизбежность своего положения и начинает искать пути приспособления к данным социальным условиям. В связи с этим происходит снижение количества побегов в месяц. У воспитанника начинают вырабатываться различные стратегии адаптации, среди которых выделяется наиболее эффективная, соответствующая психологическим возможностям субъекта. Агрессивность снижается, так как перед подростком стоит задача конструктивного разрешения конфликтов и поиска путей взаимодействия с окружающими.

Третий этап (от 16-го до 24-го месяцев), подобно первому, характеризуется эмоциональной и поведенческой стабильностью. Настроение приобретает более позитивную окраску, попытки побегов резко снижаются. Это объясняется тем, что механизмы адаптации, выработанные к концу второго этапа, обеспечивают относительно бесконфликтное общение с окружающими. Появляется надежда на благоприятное будущее, обусловленная скорым окончанием срока пребывания в спецшколе. Подросток начинает чувствовать себя более или менее «уютно».

Таким образом, выделены три этапа социально-психологической адаптации несовершеннолетних правонарушителей в условиях спец-

школы. Эти этапы различаются интенсивностью поиска адаптационных возможностей. Первый и третий этапы относительно стабильны: на первом этапе подросток тяготеет к прошлому и пассивен в выработке механизмов адаптации, а на третьем – механизм уже выработан. Второй этап отличается нестабильностью, являясь переходным.

Филимоненко Ю.И.

ПСИХОЛОГИЯ СЛОВ-«ПАРАЗИТОВ»: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Метод наблюдения – одно из самых сильных средств в арсенале психодиагностики. Наш практический опыт показывает, что эффективность применения этого метода увеличивается, если эксперт-наблюдатель опирается на следующие общие положения: 1) человек – существо принципиально деятельное; 2) человек един во всех своих проявлениях; 3) сознание и подсознание – равноправные партнеры в организации поведения человека; 4) «Голос» подсознания всегда искренен, лаконичен и информативен. Значение этих положений продемонстрируем на таких элементах устной речи, как оговорки и слова-«паразиты».

С учетом вышесказанного феномен речевых оговорок может трактоваться не как агрессивное вторжение асоциального подсознания в сферу сознательного контроля, а как обеспечиваемое подсознанием выражение в словах истинных актуальных интересов целостной личности, осуществляемое в психологически корректной форме, т.е. существенно не задевающей самоуважения личности и не влекущей за собой какого-либо социального наказания. Пример такого рода обнаружился в выступлении Е.Примакова перед иностранными инвесторами. Порицая прессу за необъективность, премьер-министр, в частности, сказал: «Наше правительство не разрабатывало планов запрета на хождение в стране РУБЛЯ...», через некоторое время поправился: «Хождение доллара!».

Эта оговорка интересна, поскольку выпала на опровержение именно того пункта предполагаемой и критикуемой в СМИ программы правительства, который вызвал наиболее резкие и негативные отклики в прессе и нуждался поэтому в особом к себе внимании со стороны премьера. Мы различаем за этой оговоркой три психологических момента. Во-первых, подсознание своими средствами дало возможность премьеру избежать публичной неискренности (т.е. планы запрета доллара так или иначе обсуждались). Во-вторых, подмена слова «доллар» на слово «рубль» означает, что проблема денег, финансов, платежей является для

премьера безусловно приоритетной. И наконец, в-третьих, отсутствие подсознательного сопротивления на словосочетание «запрет на хождение рубля» показывает, что грустный анекдот о таком пути преодоления кризиса популярен в Доме правительства.

Слова-«паразиты» мы рассматриваем как один из подсознательных способов преодоления остановок в речевой деятельности. Когда по смыслу ситуации человек должен что-то говорить не может быстро сформулировать ответ, в речи возникает субъективно мучительная пауза. Ее немедленно начинает заполнять подсознательная речевая «продукция»: причмокивание, прокашливание, междометия, повторы слов, слова-«паразиты». К последним мы (несколько расширительно) относим те слова, встречающиеся в речи данного человека избыточно часто и применяются им в слишком различных контекстах.

Анализ поведения и речи политических и государственных деятелей в ситуации телевизионного интервью обнаружил, что между психологическими особенностями человека и «предпочитаемым» им словом-«паразитом» есть неслучайное соответствие. «Выбор» такого слова осуществляется подсознанием, и поэтому оно несет с себе прозрачное указание на нечто, существенно важное в психологии говорящего. «Так сказать (скажем... как говорится...)» заполняет речь человека, который испытывает явные трудности с умением реально сделать то, о чем он говорит. «Сегодня (на сегодняшний день... сейчас... в настоящее время...)» – присуще речи человека, не видящего перспективу и не способного реалистично спланировать будущее. Многопланово раскрываются «Вот... понимаешь...» Б.Ельцина и «Однозначно!» В.Жириновского.

Избираемое слово-«паразит» характеризует индивидуальность говорящего. Однако потрясения государственного масштаба способны погружать большие группы людей в общие проблемы, «загонять» в сходные психические состояния. Благодаря этому некоторые слова приобретают массовую или групповую «популярность», становясь психодиагностическими индикаторами состояния целого социального слоя.

В словаре государственно-политической элиты в период после событий 17 августа доминирующими стали два слова: «Сегодня» и «Знаете». Первое и ранее было наиболее часто звучащим с экранов телевизоров. Очередной экономический кризис только отсек его смягченные варианты (например: «к сегодняшнему дню»), скрывавшие за собой наличие у говорящего способности конструктивно совмещать жизненный опыт хотя бы на ограниченной временной перспективе (прошлое и настоящее).

«Знаете», с которого обычно начинается ответ на вопрос тележурналиста, – слово, ставшее популярным уже на фоне разразившегося кризиса. Неосознаваемая склонность к такому началу речи имеет под собой

несколько оснований. Во-первых, прямое и лаконичное указание «Вы знаете...» есть не что иное как завуалированная попытка внушения своего мнения слушателям вместо его обоснования. Во-вторых, оно ненавязчиво переносит ответственность за убедительность последующего высказывания с говорящего на слушающих: если сказанное их не убедит, то это потому, что *они* не знают чего-то, что должны были бы знать. В-третьих, выбор подсознанием понятия «знание» для включения его в речь выявляет, предположительно, главную проблему государственной и политической элиты – острую нехватку достоверной и полной информации (знания) о том, что происходит в стране и внутри самой власти.

Таким образом, все наблюдаемые элементы поведения человека имеют психологический подтекст. При этом целесообразно акцентироваться на неосознаваемых человеком проявлениях, примером которых в устной речи могут служить оговорки и использование слов–«паразитов».

Шаболтас А.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ «БАРЬЕРЫ» КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТ НАСИЛИЯ

На основании 4-летнего опыта практической работы в кризисном Центре для женщин, пострадавших от насилия, нами отмечены определенные социально-психологические «барьеры» или трудности, с которыми сталкиваются консультанты.

Несмотря на профессиональное образование и опыт, для психологов-консультантов ситуация насилия, которую пережили клиенты, оказывается тяжелым и, порой, травмирующим опытом. Можно сказать, что консультанты реагируют на основании своего личного опыта столкновения с насилием, опираются на социальные и культурные представления и установки. Опыт пережитого другими насилия ударяет по базисным представлениям и ожиданиям человека в отношении внешнего мира и поведения других людей. В Западной культуре такими аксиомами являются представления о доброжелательности, осмысленности мира, ценности своего «Я». В акте насилия ломаются эти установки, разрушая положительные ожидания относительно мира и создавая негативные.

Наиболее типичная реакция на пережитое клиентом насилие – реакция обвинения жертвы. В широком смысле – это смещение фокуса ответственности за ситуацию насилия с реального виновника на пострадавшего человека. Подобные представления пронизывают наше культурное поле, выражаясь в огромном количестве мифов, предрассудков и поговорок о насилии и жертвах, которые на уровне общественного соз-

нения играют роль психологической защиты от ужаса перед возможностью насилия. Это может выражаться в настойчивом желании консультанта выяснить закономерность попадания человека в ситуацию насилия. Консультант использует такие вопросы: Как Вы себя вели? Почему не позвали на помощь? Реакции «обвинения» только усугубляют и так гипертрофированное чувство вины и ответственности за случившееся.

Одним из серьезных социально-психологических барьеров, искажающих смысл психологической помощи при травме насилия, является подмена основной сущности насильственного акта. Насилие объясняется не стремлением к удовлетворению желания власти, контроля, разрядки гнева, а спецификой внешних атрибутов акта насилия и используемых средств. Например, типичным является рассмотрение сексуального насилия, не как формы насильственного поведения (когда для унижения и подавления другой личности используется сексуальная сфера), а как формы сексуального поведения. Происходит необоснованная эротизация насильственного акта, которая серьезно сдерживает пострадавших, консультантов, да и общество в целом от открытого обсуждения подобных проблем и оказания адекватной помощи.

К числу негативных реакций консультантов на опыт пережитого насилия следует отнести и переживания страха и тревоги. Особенно если у консультанта был собственный опыт насилия в прошлом. Истории клиентов часто являются причиной рестимуляции травматических переживаний консультантов или причиной вторичной виктимизации.

Довольно часто консультанты говорят о чувствах раздражения в отношении клиентов, их беспомощности и вялости. Чаще всего это является сигналом попадания в классическую ловушку консультирования, а именно треугольник ролей «жертва–спасатель–агрессор», когда консультант под воздействием тяжелейшего опыта клиента и его беспомощности активно берет на себя роль «спасателя».

Систематическая проработка собственных переживаний консультантом, возникающих в процессе работы, профилактика синдрома «психического выгорания», накопления или рестимуляции травмирующего опыта являются важнейшими и необходимыми составляющими работы кризисных служб. Существуют различные формы проработки внутренних переживаний консультантов, которые могут блокировать «выздоровление» клиентов. В случае помощи пострадавшим от насилия необходимы значительные усилия по осознанию внутриличностных и социальных представлений о насильственных формах поведения, его культурных и психологических корнях.

Одной из самых эффективных форм подобной работы являются супервизорские группы для консультантов или группы поддержки для

консультантов, которые должны регулярно проводиться с первых дней развертывания кризисной службы.

Шингаев С.М.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И АДАПТАЦИИ МНОГОФАКТОРНЫХ ОПРОСНИКОВ

Психологическая диагностика как один из разделов психологической науки в последнее время приобретает особое значение. Привычными становятся психологические испытания кандидатов при поступлении в учебные заведения и приеме на работу, при формировании команд и эффективных управленческих систем, в профессиональной ориентации. Однако следует признать, что современный психолог–практик продолжает испытывать потребность в научно обоснованных и одновременно экономичных стандартизованных психодиагностических методиках.

Профессия предъявляет человеку определенные требования, связанные с его характерологическими свойствами. При наличии этих свойств ему оказывается субъективно легче подчиниться этим требованиям, что обуславливает более быстрое и качественное овладение профессией. Поэтому измерение степени соответствия характерологических портретов испытуемого и успешно работающего профессионала дает основания для научного прогноза эффективности деятельности, определяет рекомендации при выборе профессии, подборе и расстановке кадров.

Среди существующих характерологических методик на практике чаще всего применяются опросники, как наиболее информативные и вместе с тем экономичные. К таким методикам относится и Калифорнийский психологический опросник (СРІ), разработанный Н.У.Gough в 1951 г. и в настоящее время адаптируемый в России к различным профессиональным и популяционным группам. Область применения опросника широка: выявление асоциального поведения, сферы образования и семейных отношений, выбор профессии, вооруженные силы. СРІ включает в себя 18 стандартизованных шкал, предназначенных для оценки одной из граней межличностной психологии, а их совокупный набор позволяет оценивать индивида с точки зрения социальной интеракции.

Логически шкалы объединены в четыре класса:

1. Манера держаться, властность, межличностная адекватность.
2. Социализация, ответственность, внутренние ценности и характер.
3. Потенциал достижения цели и интеллектуальной эффективности.
4. Измерение интеллектуальной и мотивационной направленности.

Преимуществами СРІ являются большой объем получаемой информации о личностных особенностях профессионала, а также защищенность результатов четырьмя шкалами «лжи».

Нами проведено исследование, направленное на установление связей между шкалами СРІ и апробированным психодиагностическим комплексом, измеряющим интеллектуальный, коммуникативный и волевой потенциалы личности. Обнаружена положительная ($p < 0,01$) связь между шкалами «Самоконтроль», «Терпимость» и показателями целеустремленности, решительности, настойчивости, самообладания по методике Н.Б.Самбуловой. Чем больше целеустремленность, тем выше оценки по шкале «Чувство благополучия», характеризующей человека как энергичного, предприимчивого и многогранного; по шкале «Ответственность», оценивающей последовательность, основательность и продуктивность индивида. Тесная связь установлена между шкалой «Хорошее впечатление», предназначенной для определения лиц, озабоченных тем, как к ним относятся другие, и шкалой социальной желательности (лжи) методики Г.Айзенка. Чем выше показатели интеллектуальной лабильности и креативности, измеряемые модифицированной методикой Козловой, тем выше оценки по шкале «Психологической направленности», определяющей человека как находчивого, непокорного правилам и ограничениям. Представляет интерес отрицательная взаимосвязь сенситивности к отвержению по Меграбиану и шкал «Социальный облик», «Терпимость», «Общительность».

Несмотря на проведенную работу по адаптации и кросс-культурологическому применению СРІ, представляется необходимым дальнейшее развитие исследований в этом направлении.

Шингаева И.В.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗАСТЕНЧИВЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Застенчивость – термин, который используется для обозначения особой черты личности человека, постоянно испытывающего смущение, стыдливость, нерешительность в определённых ситуациях общения: контакты с малознакомыми людьми, лицами более высокого статуса, или когда он хотя бы ненадолго становится центром всеобщего внимания. Исследования, проведённые в нашей стране В.Н.Куницыной, показали, что 33% взрослого населения попадают в категорию застенчивых (30% женщин и 23% мужчин). У школьников распространённость застенчивости колеблется от 25 до 35%. Особенно остро встаёт проблема

застенчивости и связанные с нею трудности при адаптации ребенка в детском саду, при поступлении в первый класс, при переходе из начальной школы в среднюю, в подростковом и юношеском возрастах.

Цели нашего исследования заключались в выявлении личностных характеристик, связанных с застенчивостью, и определении характера их взаимосвязей. Объектами исследования явились учащиеся 10-го класса общеобразовательной школы. Задачами исследования были: сравнение личностных характеристик испытуемых этих двух групп, определение достоверных различий между ними и на этой основе выделение особенностей застенчивых подростков. Для выделения групп «застенчивых» и «свободных в общении» мы использовали метод компетентных судей, предложенный В.Н.Куницыной. К экспертному оцениванию также были привлечены учителя, работающие в этих классах.

Наши данные говорят о достоверности различий ($p < 0,01$) для экстраверсии–интроверсии, общительности, уравновешенности, личностной тревожности, сенситивности к отвержению, целеустремленности, решительности. Имеются различия ($p < 0,05$) по депрессивности, реактивной агрессивности, эмоциональной лабильности, реактивной тревожности, тенденции к присоединению, по волевым качествам: инициативность–самостоятельность, настойчивость–упорство, самообладание–выдержка.

На основании проведенного исследования нами составлен обобщенный психологический портрет застенчивого подростка. Застенчивые часто погружены в себя, характеризуются низкой общительностью. Им легче общаться с младшими детьми и значительно труднее с более старшими или более компетентными людьми. Они склонны к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации по пассивно-оборонительному типу. Мучительно переживают ситуации, когда оказываются в центре внимания группы людей или когда их оценивают. Застенчивые подростки испытывают трудности в общении с одноклассниками противоположного пола. Характеризуются беспокойством и мнительностью. В состоянии высокой тревоги не могут сконцентрировать внимание. Застенчивые подростки нерешительны, недостаточно упорны в достижении цели, им трудно принимать решения.

Таким образом, застенчивые подростки нуждаются в особом внимании школьного психолога. Важно создать среду, в которой у ребенка формировалась бы адекватная самооценка, развивались его инициатива и самостоятельность, в которой бы он получил позитивный опыт общения с окружающими. Если застенчивость подростка создает серьезные проблемы, является непреодолимым барьером в общении, то с ним необходима индивидуальная работа с элементами психотерапии, обучение приемам физической и психической саморегуляции.

Глава 6. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ: РАССТРОЙСТВА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Андрущенко Н.В., Мамайчук И.И.

АНАЛИЗ ГНОСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У ДЕТЕЙ С ЦЕРЕБРАЛЬНО-ОРГАНИЧЕСКОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

С целью изучения особенностей становления гностических процессов у детей с церебрально-органической недостаточностью изучены особенности нейропсихологического и клинического статуса детей, имеющих последствия локального органического поражения головного мозга, полученного в раннем детском возрасте.

Основную группу составили 85 детей от 5,5 до 15 лет, имеющих верифицированные современными методами локальные органические повреждения головного мозга непрогрессирующего характера: 31 ребенок с преимущественно левополушарной, 30 – с правополушарной и 24 – со срединно-гипоталамической локализацией органического повреждения. В качестве контрольной группы выбрано 24 ребенка того же возраста, без признаков органического поражения головного мозга по данным дополнительных методов обследования.

Все дети основной и контрольной группы проходили полное неврологическое обследование с применением стандартного неврологического осмотра и использованием дополнительных методов обследования - функциональных методик (ЭЭГ, доплерография сосудов головного мозга) и методов нейровизуализации (ультрасонографическое обследование головного мозга, компьютерная томография головного мозга, магнитно-резонансная томография головного мозга), а также нейропсихологическое исследование гностических функций (шкала А.Р.Лурии, модифицированная для детского возраста). Все исследования проводились на детском неврологическом и нейрохирургическом отделениях ДГБ № 19, являющихся клинической базой кафедры детской неврологии и нейрохирургии Санкт-Петербургской МАПО.

Проведенный нами анализ клинического и нейропсихологического исследований выделенных групп детей позволил установить различия между каждой из подгрупп основной и контрольной группы. Наиболее выраженные различия наблюдались между третьей и четвертой группой. Психометрические исследования позволили установить отсутствие выраженных нарушений интеллектуального уровня во всех анализируемых группах детей. Интеллектуальные показатели занимали промежуточное

значение между нормой и задержкой психического развития II степени во всех подгруппах основной группы.

Анализ закономерностей, полученных в отдельных группах и для детей с последствиями локального поражения головного мозга в целом, позволил сделать следующие выводы:

1. Локальное поражение головного мозга имеет относительно слабую связь с проявлениями уровня интеллектуальной деятельности.

2. Органическое поражение головного мозга локального характера по-разному нарушает структуру психической деятельности в зависимости от локализации дефекта.

3. В онтогенезе достаточно рано обнаруживается функциональная специализация полушарий головного мозга, являясь одним из факторов, организующих структуру психической деятельности ребенка.

4. Различия в структуре психической деятельности у детей с локальными органическими поражениями головного мозга позволяет предложить дифференцированные методы психологической коррекции.

Афанасьева А. В.

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЙ БОЛЬНОЙ: ПСИХОЛОГИЯ И ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

На настоящий момент сосуществуют два основных взгляда на тот круг нарушений, который должен являться предметом психосоматики. Одна из точек зрения, все болезни должны рассматриваться с позиций психосоматического единства. По Дамбер, 65% всех больных беспокоят расстройства, связанные с психологическими проблемами. По другой точке зрения, существуют собственно психосоматические болезни, при которых телесно-органные дисфункции сочетаются с психопатологией. По мнению ряда авторов, такие больные составляют не менее 30% контингента лечебных учреждений соматического профиля.

Пациенты, обращающиеся за помощью в психосоматический стационар, имеют, в первую очередь, выраженные в большей или меньшей степени телесные расстройства. Основной поток психосоматической патологии приходится на врача общей практики. Решая дифференциально-диагностические задачи, этот специалист должен ориентироваться в вопросах психосоматической медицины и иметь некоторые навыки неспецифической психотерапевтической коррекции.

Отвечая на вопрос о том, кто же является собственно психосоматическим пациентом, мы пришли к следующей позиции: в самом широком

смысле слова – это тот пациент, который «болеет от проблем». В зарубежном и отечественном руководствах по диагностике в главе о психологических факторах, влияющих на физическое состояние, перечислены критерии последних. Сам факт наличия этих факторов и их соответствие выделенным критериям подчас бывает крайне сложно подтвердить эмпирически, так как психосоматический больной, и в этом его особенность, вовсе не усматривает связи между своим телесным состоянием и некими психологическими факторами. Поэтому на практике, реально, специалист должен получить некоторый клинический материал, который бы «работал» на то, чтобы разобраться, что за пациент перед ним.

Таким образом, диагностируя больного, специалист-практик решает задачу со многими неизвестными. В ходе нашего исследования мы задались вопросом, можно ли, хотя бы отчасти, формализовать этот процесс, тем самым снизив цену диагностической ошибки.

По нашему замыслу, авторами формализованной модели первичной диагностики психосоматического заболевания должны были стать специалисты-психотерапевты, работники Психосоматического центра, развернутого на базе одной из городских клиник. Каждый работник центра, по роду деятельности сталкивающийся с вопросами диагностики и психотерапевтического лечения, был проинтервьюирован на предмет выделения особенностей, свойственных психосоматическому пациенту.

Описательная часть экспериментального материала обрабатывалась через выделение наиболее частых ключевых слов и устранение синонимических лексем. Далее группой экспертов проводилась независимая, по произвольному логическому основанию, сортировка выделенных лексем-понятий с разбиением общего ряда на группы, объединенные тем или иным признаком общности с последующей кластеризацией и интерпретацией. Вышеописанные процедуры позволили нам составить «портрет» психосоматического больного, включающий особенности его жалоб, поведения, характера, анамнеза, лечебной мотивации и стратегии взаимодействия со специалистами в ходе лечения.

Структурируя материал по рубрикам и выделяя отдельные диагностические блоки, мы предположили, что каждый такой блок будет иметь определенную и отличную от других диагностическую ценность, которую можно количественно определить процедурой частотного анализа.

В ходе всего исследования мы пытались учитывать собственное влияние на него и в настоящий момент времени готовы прибегнуть к верификации полученных результатов с тем, чтобы познать их подлинный масштаб, степень и пределы достоверности.

Дандарова Ж.К.

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

В психологической литературе последнего времени все большее внимание уделяется самооценке несовершеннолетних правонарушителей. Одним из основных дискуссионных вопросов является вопрос об оппозиции «завышенность-заниженность» самооценки подростков-правонарушителей. Одна группа исследователей отмечает завышенный характер самооценки трудных детей и подростков-правонарушителей. Данные исследований других авторов (Г.К.Валицкас, Ю.Б.Гиппенрейтер) показывают, что в целом уровень самооценки у несовершеннолетних правонарушителей ниже, чем у правопослушных подростков.

Наше исследование не выявило фактов, подтверждающих ту или другую тенденции. Уровень самооценки несовершеннолетних правонарушителей варьируется, обнаруживая практически равномерное распределение между низкой, средней и высокой самооценками. Поэтому правомерна следующая точка зрения (А.А.Реан): самооценка подростков-делинквентов всегда находится в противоречии с оценкой социума, что и выступает пусковым механизмом к асоциальному поведению.

Анализ результатов исследования парциальных составляющих общей самооценки выявил следующую закономерность. У испытуемых с высокой общей самооценкой показатели по шкале «Значимость для других» самые высокие, а у испытуемых с низкой общей самооценкой они самые низкие. Этот факт указывает на то, что важнейшим фактором, влияющим на интегральную самооценку подростков-делинквентов, является оценка значимости себя для окружающих, для референтной группы.

По параметру «Доброта, отзывчивость» практически у всех испытуемых отмечены крайне высокие оценки. Этим подтверждается мнение о том, что человек оценивает себя по нравственным критериям выше, чем по другим параметрам и кроме того оценивает себя по этому критерию выше, чем других людей. Позитивные нравственные характеристики, высоко ценимые в человеческой культуре, по мнению индивида, свойственны ему в большей мере, чем другим. Эта тенденция, возникнув на ранних этапах онтогенеза, сохраняется у человека на всю жизнь.

По остальным параметрам были выявлены вполне прогнозируемые результаты. Так, по шкалам «Способность отвечать за себя», «Сила воли», рассматриваемые в подростковой среде как одни из наиболее значимых, у подростков были отмечены высокие значения. По параметрам, оценивающим интеллект, знание, умение, выявлены средние значения.

По шкале «Способность к лидерству» у испытуемых с высокой общей самооценкой наблюдаются высокие значения, а у подростков с низкой общей самооценкой – низкие значения.

Демьянчук Р.В.

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТИ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ЗПР

Проблема детей с интеллектуальной недостаточностью далека от разрешения. Несмотря на все более совершенное и последовательное научное изучение этой проблемы, возможность адекватной социальной адаптации таких детей, напрямую связана с эффективностью коррекционной и реабилитационной работы.

Среди различных контингентов детей с интеллектуальной недостаточностью одно из ведущих мест занимают дети, страдающие различными формами задержки психического развития (ЗПР). К сожалению, существует отчетливая тенденция к дальнейшему увеличению их числа.

В основе коррекционной работы с детьми, страдающими ЗПР, лежит рациональное использование научно обоснованных знаний о состоянии когнитивных процессов, обуславливающих потенциал их научения и, следовательно, степень социальной адаптации. Одним из наиболее важных направлений научных исследований ЗПР является изучение памяти, играющей ключевую роль в познавательной деятельности человека.

С целью изучения характеристик памяти и возможности их целенаправленного развития посредством коррекционной работы нами обследовано посредством индивидуального лабораторного констатирующего эксперимента 24 дошкольника с различными формами ЗПР (средний возраст – $5,7 \pm 1,25$ года) и 24 учащихся младших классов для детей с ЗПР (средний возраст – $8,5 \pm 1,25$ года). Исследование выполнено на базе образовательного учреждения «Центр реабилитации ребенка», где осуществляется последовательная работа с детьми указанного контингента, включающая различные виды арттерапии, индивидуального логопедического, дефектологического и социально-педагогического воздействия. Сопоставление результатов проводилось на основании сходной анамнестической картины рассматриваемых групп детей ($p < 0,05$).

Полученные данные указывают на доминирование в структуре кратковременной памяти зрительных и моторных механизмов запоминания над слуховыми, низкий объем как кратковременной, так и долговременной памяти, составляющий около 30% от возрастной нормы. Отмечена

выраженная недостаточность логико-смысловой памяти. Представляет интерес установленный факт более высоких показателей произвольной памяти по сравнению с произвольной (преимущественно за счет пассивной), что может свидетельствовать о низком развитии мотивационных личностных качеств исследуемых.

Выявлено, что у детей с ЗПР младшего школьного возраста, которым в течение 2-3 лет проводилась указанная выше коррекция, регистрируются в 1,5 раза лучше показатели слуховой и комбинированной памяти, в 0,9 раза – смысловой, в 3 раза – логической, в 1,3 раза – произвольной, чем у детей дошкольного возраста, работа с которыми проводилась в течение 1-1,5 лет. У школьников с ЗПР, не включенных в программу, показатели развития памяти составили 25-30 % от указанных цифр.

Таким образом, актуальность вопроса социальной адаптации детей с задержкой психического развития требует широкого изучения состояния их мнемических функций и факторов, на это состояние влияющих и во многом определяющих эффективность коррекционной работы.

Липовская Н.В.

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

Открытие феномена механизма психологической защиты (МПЗ) произошло при исследовании З.Фрейдом детской психопатологии. Внимание Фрейда было сфокусировано на внутренних неосознанных побуждениях, а внешний стимул и внешняя реальность не играли роли. Фрейд считал, что МПЗ – это общая функция *Эго*. Она ограждает *Эго* от требований инстинкта. Согласно этой концепции использование защиты в обязательном порядке малоадаптивно и нездорово.

Современные психологи (Brown, Taylor) полагают, что защита адаптивна и обеспечивает психическое здоровье. Fenichel считает, что МПЗ ограждает *Эго* от опасностей, поступающих из двух направлений: от инстинктивных требований *Ид*, а также от опасностей, основанных на внешних запретах (или представлениях о них), которые приводят к чувству вины. Таким образом, можно сказать, что МПЗ одновременно препятствуют и способствуют развитию *Эго*.

С точки зрения Cramer, МПЗ включают в себя ряд компонентов, которые обеспечивают защиту психическим содержанием. Различные компоненты, составляющие такие МПЗ, как отрицание, проекция, идентификация, Cramer группирует в две категории:

1. Операции, близкие к перцептивной системе, ограждающие *Эго* от реальности путем искажения события, пропуска значимых деталей и т.п.

2. Операции, близкие к когнитивной сфере и включающие в себя конструкторы персональных фантазий, различение внутреннего и внешнего, себя и других, структурирование, обобщение и т. п. В дальнейшем эти когнитивные способности обеспечивают развитие внутренних оценочных стереотипов, понимание причин и следствий и т. д.

МПЗ участвуют в развитии и становлении личности – ее мыслительной, эмоциональной и социальной сфер. Однако личность формируется не только благодаря своим перцептивным и когнитивным способностям, но и в условиях внешней среды. Знание психологом факторов, оказывающих влияние на формирование и использование МПЗ детьми, может быть применено при организации психопрофилактической и психокоррекционной работы у детей с дезадаптивным поведением, а также у детей с невротическими реакциями и неврозами. Это становится особенно актуальным для детей младшего школьного возраста на первом году обучения. Проблема адаптации к школьному обучению возникает и при обучении детей с задержкой психического развития (ЗПР), характеризующейся задержкой темпа и неравномерностью развития.

В эксперименте особое внимание было уделено МПЗ в форме *отрицания, проекции, идентификации, регрессии, компенсации и рационализации*, так как, по мнению исследователей (А. Фрейд, Сramer), эти защиты используются уже детьми младшего школьного возраста.

Эксперимент проведен на здоровых детях 7-8 лет 1-го года обучения и детях с ЗПР различной этиологии и патогенеза 7-10 лет 1-го и 2-го годов обучения. Участвовало в эксперименте 38 детей. Рассматривалась взаимосвязь проявления МПЗ, социальной зрелости личности и сформированности абстрактного мышления ребенка. Результаты прошли обработку методами математической статистики.

Эксперимент показал, что у детей с ЗПР социальные качества не имеют достоверной связи с использованием МПЗ. У детей с нормальным психофизическим развитием любознательность и трудолюбие, возможно, способствуют интенсивному использованию МПЗ в форме компенсации, помогают добиться успеха в другой области. Недостаточный уровень абстрактного мышления, возможно, имеет связь с менее интенсивным проявлением МПЗ в форме регрессии у детей с ЗПР.

Хотя МПЗ в форме идентификации у детей с ЗПР проявляется значительно реже, чем у детей нормы, достоверной связи между уровнем абстрактного мышления и использованием данной защиты не выявлено. Однако установлена связь между полом (мальчики) у детей ЗПР 1-го года обучения, возрастом (более старшие) у детей 2-го года обучения и

интенсивным использованием МПЗ в форме идентификации. Следовательно, развитие защиты идентификация основывается не на когнитивных, а на других способностях ребенка (например, эмоционально-личностных). Это относится и к интенсивности использования мальчиками с ЗПР механизма защиты в форме отрицания и рационализации. Установлена связь между проявлениями различных МПЗ. У детей с ЗПР механизмы идентификации и рационализации наиболее интенсивны, когда защита отрицанием используется меньше. В период интенсивного использования защиты регрессией детьми с ЗПР начинают активно использоваться механизмы компенсации и рационализации. Это может означать, что регрессия играет позитивную роль в развитии других МПЗ.

Логинова Л.И.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВНИМАНИЯ УЧАЩИХСЯ С ЗПР

Известно, что для детей с задержкой психического развития (ЗПР) характерна выраженная эмоциональная неустойчивость, несформированность произвольного внимания, повышенная отвлекаемость и другие отклонения в регуляции произвольных форм деятельности. Эмоционально-волевая незрелость у детей с ЗПР сочетается с несформированностью произвольного внимания, что проявляется в повышенной отвлекаемости на незнакомые сильные раздражители, неустойчивости, распределяемости, в трудностях переключения на новый вид деятельности.

Нами была поставлена задача исследования свойств произвольного зрительного внимания у детей с ЗПР и динамики учебной деятельности при работе с последовательно усложняющимся знаковым материалом.

Подбор методик осуществлялся с учетом следующих требований: направленность на определение изучаемых свойств произвольного зрительного внимания; постепенное усложнение деятельности, выражающееся в изменении знакового материала при сохранении способа выполнения задания; возможность проследить динамику деятельности.

Было обследовано две группы школьников. В экспериментальную группу вошли учащиеся 5-х классов специальной (коррекционной) школы (15 человек), средний возраст 13 лет. Каждый из испытуемых этой группы имеет диагноз ЗПР церебрально-органического генеза. Контрольную группу составили учащиеся 6-го класса массовой школы, средний возраст 12 лет, имеющие среднюю по школе успеваемость.

В ходе эксперимента выявилось последовательное снижение продуктивности деятельности учащихся с ЗПР по мере увеличения знаковой опосредованности. Так, задание, не содержащее знакового материала, испытуемые экспериментальной группы выполняли с незначительным отставанием от контрольной группы ($t=1,1$; $p>0,05$). При выполнении задания, требующего механического действия со знаковым материалом на перцептивном уровне, наметился разрыв в результативности ($t=3,8$; $p<0,001$). И хотя при выполнении задания, содержащего операции со знаками различного типа, также наблюдается значительный разрыв в продуктивности ($t=2,8$; $p<0,001$), следует заметить, что испытуемые экспериментальной группы показали в среднем результаты, соответствующие нижней границе нормы. Наибольший разрыв в результатах наблюдается при выполнении наиболее знаково-опосредованного задания на интеллектуальном уровне ($t=4,6$; $p<0,001$).

Деятельность испытуемых экспериментальной группы в условиях высокой знаковой опосредованности характеризуется скрытой импульсивностью на интеллектуальном уровне, выражающейся в снижении концентрации внимания при сохранении внешних атрибутов деятельности. Наблюдения в ходе эксперимента выявили у испытуемых с ЗПР наличие внешних способов самоконтроля – моторного и речевого, усиливающихся при выполнении наиболее знаково-опосредованного задания.

Выявлено, что устойчивость, концентрация и распределяемость внимания у детей с ЗПР при работе на перцептивном уровне приближаются по своим характеристикам к характеристикам детей с нормальным развитием. Постепенное усложнение деятельности, связанное с усилением знаковой опосредованности, ведет к изменению ее характера и резкому снижению продуктивности выполнения задания учащимися с ЗПР.

Л.С.Выготский отмечал, что переход внешне опосредованной высшей психической функции во внутреннюю обусловлен зрелостью соответствующих психофизиологических структур и механизмов. Следовательно, с точки зрения теории формирования высших психических функций, факт наличия внешне опосредованного произвольного внимания у испытуемых с ЗПР можно рассматривать как замедление (задержку) процесса формирования высших форм данной функции, вследствие отклонений в развитии детей данной категории.

С другой стороны, тот факт, что учащиеся специальной (коррекционной) школы пользовались внешними стимулами самоконтроля при выполнении всех заданий в ходе эксперимента, необходимо рассматривать как положительный. Систематическая коррекционная работа обеспечила овладение и использование учащимися навыков внешней саморегуляции и самоконтроля. Именно эти навыки позволили им показать

результаты, близкие к результатам учащихся массовой школы в заданиях низкой и средней сложности. Эти же навыки внешнего самоконтроля позволили испытуемым управлять динамической стороной деятельности при выполнении наиболее сложных, знаково-опосредованных заданий. Этим может быть объяснено снижение перцептивных ошибок при выполнении задания, требующего внутреннего осмысления.

Мамайчук И.И.

ЛИЧНОСТЬ ДЕТЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ПСИХИЧЕСКОГО ДИЗОНТОГЕНЕЗА

В современной психологии личность рассматривается как сложное динамическое и структурное образование. Разработанные Б.Г.Ананьевым и его учениками принципы построения структуры личности в онтогенезе имеют важное методологическое значение при изучении психического дизонтогенеза. Структурно-генетический подход позволяет выявить степень целостности развития личности и ее многокачественность.

Психологический анализ личности ребенка требует специального методического аппарата, опираясь на который можно систематизировать наиболее информативные свойства личности, определяющие конкретное поведение ребенка. В нашем исследовании мы использовали многофакторный эксперимент, позволяющий объединить в себе достоинства целостного подхода, свойственного клиническому и педагогическому методу, с достоинствами метрического подхода, присущего многомерному эксперименту. Многомерный статистический анализ эмпирического материала позволил нам выявить индивидуальные особенности обследуемых по совокупности различных показателей. Использовались опросники Кеттелла (детский и подростковый варианты), опросник Айзенка, Рисуночный тест Розенцвейга, Самооценочный тест Дембо–Рубинштейн, Детский апперцепционный тест (КАТ)).

В исследовании участвовали дети от 8 до 16 лет 120 здоровых и 313 детей с двигательной недостаточностью различного генеза и форм: детский церебральный паралич (189 человек), параличи верхних конечностей (72 человека), ревматоидный артрит (52 человека).

Возрастной анализ выявил изменение корреляционных структур личности в группе здоровых школьников, что проявляется в росте их интегрированности, в высокой значимости саморегулирующих свойств (самоконтроль, ответственность), в общей интеграции их поведения.

В группе детей с двигательной недостаточностью церебрально-органического генеза (детский церебральный паралич) структура личности отличается меньшей интегрированностью. Структурообразующим компонентом личности здесь являются эмоционально-волевые характеристики (фрустрированность, эмоционально-волевая неустойчивость, тревожность). С возрастом у детей с церебральным параличом значимость эмоционально-волевых компонентов личности увеличивается.

В группе детей с периферическими параличами также наблюдается высокая значимость эмоционально-волевых компонентов в структуре личности. С возрастом структура их личности начинает отличаться большей интегрированностью. Возрастает значимость саморегулирующих компонентов личности.

В группе детей с ревматоидным артритом структурообразующими компонентами личности являются тревожность, эмоциональная нестабильность, пассивность. С возрастом их значимость возрастает.

Полученные данные показывают, что возрастная изменчивость личностных особенностей у детей с различными вариантами психического дизонтогенеза обусловлена не только действием ведущих социальных (воспитание, обучение, общение), но и биологических факторов (локализация дефекта, его форма, степень тяжести). Их учет позволит более дифференцированно подойти к психокоррекционной работе с детьми.

Михайлова Е.В.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ УЧАЩИХСЯ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА

Нарушение интеллектуального развития влечет за собой ряд отклонений в развитии познавательных процессов, восприятия, межличностных отношений, эмоциональной сферы. Нарушения восприятия и понимания состояния другого человека, свойственное многим умственно отсталым, может существенно нарушать динамику процесса общения.

Целью исследования явилось сравнительное изучение эмоционально-личностного развития как важнейшего компонента развития общения у детей младшего школьного возраста массовой и специальной школ.

В качестве объекта исследования были взяты учащиеся 1-х классов массовой и специальной школы для детей с нарушением интеллекта.

По медицинским картам и психолого-педагогическим характеристикам учащихся с нарушением интеллекта можно сделать вывод, что 40% детей данной группы имеют нарушения в общении, что выражается в

застенчивости, неуверенности в себе, неконтактности с педагогами и сверстниками, а у одного ребенка – в агрессивности и завышенной самооценке. Однако сведения о развитии психических и эмоциональных функций, по данным педагогов, крайне скудны и недостаточны для полной характеристики личности ребенка. Поэтому поиск информативных методик для наиболее объективного и качественного изучения развития ребенка с нарушением интеллекта представился крайне необходимым.

Эксперимент осуществлялся индивидуально с каждым ребенком с использованием методик «Уровень тревожности» и «Мимика». Полученные данные подверглись количественному и качественному анализу.

Согласно полученным результатам уровень тревожности учащихся обеих групп являлся высоким и средним. Никто из детей не обладал низким уровнем тревожности. Различие состояло в том, что среди учащихся с нарушением интеллекта высоким уровнем тревожности обладало гораздо большее количество детей (70%), чем среди учащихся массовой школы (40%). Следовательно, у учащихся специальной (коррекционной) школы в 1,7 раза чаще выявлялся высокий уровень тревожности по сравнению с учащимися массовой школы.

Для установления возможных причин данного состояния был проведен качественный анализ, который выявил, что дети с нарушением интеллекта не всегда способны выразить адекватную эмоциональную реакцию на предъявляемую ситуацию. В некоторых случаях это свидетельствует о непонимании ими смысла предлагаемой ситуации. Наиболее ярко это можно увидеть на примере ситуации «Игра с младшим», где моделируются отношения «ребенок–ребенок», и в ситуации «Объект агрессии», где 40% детей сделали положительный эмоциональный выбор. В ходе обследования выяснилось, что методика «Уровень тревожности» не всегда является адекватной в применении к учащимся с нарушением интеллекта, что объясняется нераспознаванием ими смысловой нагрузки некоторых сюжетных картинок.

Методика «Мимика» была нами модифицирована. Основой исследования явились описания эмоциональной экспрессии и порядок ранжирования предъявляемых эмоций детьми по классификации, изложенной в работах К.Изарда (1980) и Н.Я.Батовой (1971).

Обнаружены различия в порядке расстановки эмоций детьми обеих групп. Можно проследить закономерность в постановке детьми крайне положительных эмоций (радость, удовольствие) на первое и второе места соответственно, а крайне отрицательных (гнев) – на последнее.

Никольская Н.Л.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛОГО РЕБЕНКА

Рождение умственно отсталого ребенка является трагедией для семьи. С появлением на свет такого ребенка родители переживают глубокую депрессию, обвиняют себя в случившемся. Часто в результате рождения ребенка с умственной отсталостью семья распадается. Даже если этого не произошло, семью ждут тяжелые испытания. Эмоционально отверженный ребенок заброшен, предоставлен самому себе. Нередко встречается и противоположная ситуация. Больного ребенка в семье любят больше здорового. В семьях, имеющих ребенка с отклонениями в развитии, часто встречается тип воспитания, называемый гиперопекой.

И эмоциональное отвержение, и гиперопека обычно приводят к трудностям социализации и, следовательно, к повышению уровня агрессивности ребенка. Такое «воспитание» требует серьезной психокоррекционной работы. Впрочем, это относится не только к тем, кто воспитывает ребенка с отклонениями в физическом или в интеллектуальном развитии. К аналогичным результатам приводит стиль воспитания, для которого характерны резкая смена методов воздействия на ребенка, противоречивость требований и запретов. Неразборчивое смешение поощрений и наказаний, одновременно и ласковое, и агрессивное обращение могут вызвать у ребенка сомнения в том, любят ли его родители.

Ни для кого не секрет, что нелюбимые дети, имеющие ранний негативный опыт, вырастают более агрессивными и дезадаптированными, чем их сверстники, которых родители в детстве окружали любовью и заботой. Можно повторить слова Фрейда о том, что недостаточность социальных контактов и, в особенности, потеря любви являются важными факторами, благоприятствующими агрессии.

Ярким примером, подтверждающим эту идею, является растущее число правонарушений, совершаемых детьми и подростками из неблагополучных семей. Проблемы детей из асоциальных семей усугубляются в том случае, если эти дети являются умственно отсталыми, т.е. наиболее уязвимыми из категорий детей с отклонениями в развитии. В последнее время наблюдается значительное увеличение количества детей с интеллектуальной недостаточностью, обусловленное совокупностью биологических и социальных факторов.

При умственной отсталости, в основе которой лежит органическое поражение головного мозга, могут преобладать биологические факторы над социальными. Умственно отсталые дети также в значительной мере

подвержены влиянию неблагоприятных социальных факторов, к которым можно отнести неправильное воспитание ребенка в семье и школе, общение с асоциальными сверстниками, неблагоприятное социальное окружение, в частности, криминальную среду, куда умственно отсталые дети из неблагополучных семей попадают особенно часто в силу своих психологических особенностей.

Актуальной является потребность в тщательном психологическом изучении агрессивного поведения умственно отсталых детей и в разработке комплексной психолого-медико-педагогической программы коррекции агрессивного поведения. Успех психокоррекционной работы зависит от объединенных усилий семьи, психолога, врача и педагога.

Петрова Т.В.

ДИНАМИКА РАБОТОСПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Работоспособность учащихся младшего класса можно определить как способность быстро и точно выполнять инструкцию педагога или исследователя. Исходя из этого, в эксперименте исследовались скорость и точность выполнения методических заданий. Использовались следующие методики: корректурная проба (определение скорости работы) и тест Тулуз-Пьерона (определение скорости и точности работы).

Цель эксперимента состояла в определении работоспособности учащихся с задержками психического развития (ЗПР) в течение учебного дня, учебной недели, а также влияние каникул, проведенных в городе или в санатории, на работоспособность этих учащихся.

В эксперименте участвовало четыре 4-х класса школы для детей с ЗПР (всего 48 человек). Они были произвольно разбиты на две группы: первая группа учащихся проводила каникулы в санатории, а вторая - в городе. Всем учащимся были предложены тестовые задания, которые выполнялись в начале и конце учебной недели (в понедельник и пятницу) три раза в день в начале учебного дня, в середине и в конце. Через неделю после окончания каникул эксперимент был проведен повторно, так как, по экспертным оценкам педагогов, в продолжение первой недели после каникул происходит адаптация ребенка к учебному процессу.

По результатам исследования в конце четверти намечалась общая для обеих групп учащихся тенденция: в начале дня наблюдалась максимальная точность и минимальная скорость выполнения задания, затем в течение дня точность падала, а скорость росла. В начале учебной недели

в середине и конце дня показатели выходили на «плато», где их изменения незначительны. Это говорит о наступлении состояния монотонии у учащихся, что подтверждается также низкими значениями показателей.

В конце недели наблюдалась общая тенденция к снижению как скорости, так и точности выполнения заданий. В отличие от начала недели, эффекта «плато» не наблюдалось, а имелась общая тенденция к повышению скорости работы и снижению точности. Снижение точности в конце недели определялось не только числом случайных ошибок. В конце недели стали появляться случаи пропуска знаков и неправильного выполнения инструкции. На основании этого можно говорить о возникновении у учащихся состояния переутомления.

После каникул учащимся было присуще общее повышение как скорости, так и точности. Для учащихся, проходящих обучение и отдых в санатории, характерно увеличение скорости выполнения задания, но точность работы уменьшается по сравнению с результатами второй группы. При общей тенденции к устойчивой и достаточно высокой точности в течение дня, показатели скорости достигают максимума к концу дня. Следовательно, даже к концу учебного дня у учащихся не наступает переутомления. Для второй группы характерно состояние оптимальной работоспособности в середине учебного дня и заметное снижение всех показателей к концу, что свидетельствует о состоянии утомления. В конце учебной недели у первой группы учащихся достигаются высокие стабильные показатели скорости работы при средних постоянных данных точности. Это свидетельствует о состоянии нормальной работоспособности и отсутствии переутомления. Вторая группа учащихся показала снижение точности работы с достижением «низкого плато» и постоянным повышением скорости. Можно говорить о состоянии утомления.

Таким образом, нами была рассмотрена динамика работоспособности детей с задержкой психического развития, что позволило дать определенные рекомендации для их обучения.

Пискарев Д.П.

СТЕРЕОТИПЫ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В условиях кризиса, охватившего почти все сферы общественной жизни, наблюдается резкий всплеск противоправного поведения молодежи (ППМ). Доминирующее положение в структуре преступности несовершеннолетних заняли тяжкие преступления. Особенно активно рас-

тет число посягательств на собственность. Кориыстная преступность среди несовершеннолетних за последний год увеличилась на 62%. Вместе с тем практически отсутствует статистика и социально-психологический анализ потенциальных правонарушений молодежи (в первую очередь гражданских, административных и дисциплинарных), что негативно сказывается на эффективности профилактики молодежной преступности.

В целях исследования социально-психологических стереотипов ППМ нами была разработана комплексная методика, построенная с использованием различных опросных методик и методов исследования: опросник Басса-Дарки, применяемый для диагностики состояния агрессии; ассоциативные и проективные методы, связанные с различными ситуациями противоправного поведения. Исследованием охвачены 200 человек разных половозрастных групп, из них 120 подростков в возрасте 14–16 лет.

Опрашиваемым было предложено указать наиболее распространенные в молодежной среде формы противоправного поведения. В ответах участников опроса, отражавших их субъективную оценку, к наиболее распространенным преступным формам поведения были отнесены: воровство (70%), драки, грабежи, кражи, насилие в различных формах, в том числе изнасилования (по 60%), злостное хулиганство (40%), вымогательство (20%), а также злоупотребление служебными полномочиями, незаконное ношение холодного оружия, убийства (по 10%). По мнению участников опроса, в молодежной среде также широко распространены такие потенциальные формы противоправного поведения, как наркомания, повреждение телефонов, дорожно-транспортные правонарушения. По оценке участников опроса, основные причины противоправного поведения – неосознанность собственных действий, материальная напряженность и неустроенность в жизни, нетрезвое состояние.

Стереотипы ППМ изучались нами в различных ситуациях повседневной жизни (в ситуациях угрозы; в стрессовых условиях; в ситуациях материальной напряженности; в неформальных группах; в процессе «открытия своего дела»). Одна из частей методики позволяет исследовать стереотипы субъективного восприятия личностных качеств преступников и потенциальных правонарушителей. В ходе исследования опрашиваемым было предложено указать наиболее типичные черты (внешний вид, привычки, возраст), характерные для обеих категорий правонарушителей. Результаты исследования показали значительное совпадение (85%) личностных черт преступников и потенциальных правонарушителей в стереотипных представлениях участников опроса. Причем среди перцептивных характеристик обеих категорий встречаются диаметрально противоположные черты (например, «отталкивающий

внешний вид», «неопрятность» – «модно одет», «респектабельный»), что свидетельствует о размытости личностных характеристик обеих групп.

Опрашиваемым также было предложено дать проективную характеристику поведения лиц различных национальностей, профессий и должностей (азербайджанец, чеченец, коммерсант, губернатор, судья, работник ГИБДД, налоговый инспектор) в заданных ситуациях (на работе; в магазине; в местах общественного отдыха; в ресторане, казино; на встречах с клиентами, избирателями, депутатами). Проективные характеристики содержали ряд элементов противоправной направленности (берет взятки, злоупотребляет служебным положением) и отличались высоким уровнем стереотипизации поведения правонарушителя.

Результаты исследования позволяют разработать комплексную социально-психологическую методику, направленную на преодоление стереотипов ППМ, учитывающую специфику основных типов групп несовершеннолетних и групповые способы преодоления стереотипов ППМ.

Пискарева Т.Б.

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИЙ У УЧАЩИХСЯ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА

Одной из наиболее важных проблем психологии и педагогики является проблема развития эмоций, поскольку она дает представление не только об общих закономерностях развития психики детей и ее отдельных сторон, но и об особенностях становления личности.

Если воспитать нормального ребенка очень сложно, то воспитание ребенка с нарушением интеллекта особенно трудно и ответственно. При этом если дети, требующие особого внимания, лишены правильного воспитания, то недостатки усугубляются. У детей с нарушением интеллекта слабо развита эмоционально-личностная сфера. Нередко незрелость эмоционально-личностной сферы сочетается с недостаточным развитием познавательной сферы.

Целью данной работы является сравнительное изучение эмоциональной компетентности и уровня тревожности учащихся 2-3-х классов массовой и специальной (коррекционной) школ.

Для исследования способности детей к дифференцированию эмоциональных переживаний человека по экспрессии была использована методика определения эмоций по мимическим выражениям, условно названная «Мимика». Также был использован «Тест тревожности» Р.Теммел, М.Дорки, В.Амен (США), позволивший исследовать способ-

ности учащихся 2-3-х классов общеобразовательной и специальной школ понимания эмоционального состояния, испытываемого человеком по отношению к конкретной ситуации.

Было установлено, что дети с нарушением интеллекта способны определять эмоции по выражению лица, но точность дифференцирования у них ниже, чем у их сверстников с нормальным интеллектом. Для учащихся массовой школы, как и для учащихся специальной, было легче понять эмоции, возникающие в знакомых им жизненных ситуациях, и затруднительно облечь эмоциональные переживания в слова.

Проведенное исследование показало, что как с точки зрения дифференцирования эмоций, так и по частоте выбора доминирует эмоция радости. Отрицательные эмоции дифференцировались менее точно. У учащихся специальной школы наблюдалась тенденция к объединению их под название «грусть». Большие сложности вызвало у детей дифференцирование удивления и страха. Недифференцируемым для учащихся 2-3-х классов массовой и специальной школ явилась эмоция вины. Результаты исследования показали избыточность эмоции презрения в наборе изображений лиц методики «Мимика».

Исследование выявило достаточно сложный характер взаимодействия, осознания и выражения эмоций у учащихся специальной школы, подтвердив тем самым необходимость развивать эмоциональную компетентность детей. Развитие эмоциональной компетентности необходимо для того, чтобы дети с нарушением интеллекта приобретали способность понимать чужие эмоции в различных жизненных ситуациях и адекватно выражать свои.

Пластунова Л.Г.

РАЗВИТИЕ ВОСПРИЯТИЯ У ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА СО ЗРИТЕЛЬНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

Роль разнообразных ощущений, посредством которых дети воспринимают внешний мир, в первый год жизни возрастает необычайно быстро. Как считает К.Флейк-Хобсон, благодаря взаимодействию с окружающими предметами и людьми, развитие мозга и зрительной системы быстро прогрессирует, особенно усиливается значение зрительного анализатора, увеличивается объем воспринимаемой органами чувств информации. Поэтому важно формировать зрительное восприятие в раннем возрасте, так как развитие зрительного анализатора существенно влияет на дальнейшее развитие мышления (Запорожец, Венгер, Бюлер).

Под наблюдением находилось 62 ребенка раннего возраста со зрительной патологией. Они были разделены на экспериментальную и контрольную группы. В первую группу входило 42 ребенка из семей. Дети находились в Центре реабилитации детей со зрительной патологией. У них были различные зрительные диагнозы: ретинопатия недоношенных, глаукома. Вторая группа состояла из 20 детей, воспитывающихся в доме ребенка. У всех детей имелось нарушение зрительного восприятия: они плохо следили за движениями предметов и людей (про-слеживающая функция); наблюдалось нарушение звуко-зрительно-двигательных связей, обнаруживаемых в повороте головы и глаз на источники звуков; дети не различали наощупь знакомые и незнакомые предметы.

В экспериментальной группе по специально разработанным методикам проводилась стимуляция компенсаторных возможностей детей за счет слуха, обоняния и тактильного анализатора. В первые месяцы детям предлагали слушать различные звуки и уже к 6-ти месяцам они умели различать звуки высоких и низких тонов. С первого месяца стимулировалось развитие обоняния и тактильных ощущений. Такая стимуляция в дальнейшем способствовала правильной ориентировке в конкретной ситуации. В контрольной группе стимуляция не проводилась.

Сравнивая ориентировку на конкретную ситуацию детей экспериментальной и контрольной группы, было установлено, что у детей первой группы уровень ситуативной ориентировки был более высокий. У них не было реакции страха, эмоциональной напряженности, через полгода они более уверенно чувствовали себя в конкретной ситуации. Дети контрольной группы заметно отставали в психологическом развитии. Уровень ориентировки в конкретной ситуации у них не формировался.

На основе полученных данных можно рекомендовать детям раннего возраста со зрительной патологией разрабатываемый нами метод стимуляции других органов чувств: слуха, обоняния, тактильных ощущений.

Полтавцева Н.С.

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ТРЕВОГИ У ДЕВОЧЕК В ПЕРИОД ПОЛОВОГО СОЗРЕВАНИЯ

Подростковый возраст обычно характеризуют как переломный, переходный, критический, но чаще – как возраст полового созревания. В настоящее время отмечается более раннее начало периода полового созревания у девочек-подростков, что в ряде случаев является причиной его дисгармоничного течения. В процессе работы с девочками, стра-

дающими функциональными нарушениями репродуктивной системы (ФНРС), которые проявляются главным образом в различных нарушениях менструального цикла, в подавляющем большинстве случаев выявляются выраженные в различной степени нарушения эмоциональности, поведения и социальной адаптации. При этом, как правило, проявляется следующая закономерность: чем в более раннем возрасте сталкивается девочка с подобными проблемами, тем чаще следуют остро выраженные психогенные реакции на имеющиеся нарушения, даже если они проявляются в легких формах. Это обстоятельство позволило сформулировать гипотезу, что наличие у подростков препубертатного и пубертатного возрастов адекватного по характеру и объему запаса знаний о психологических и физиологических изменениях организма, свойственных этому периоду, способствует оптимальному решению вопросов психопрофилактики реакций дезадаптации, возникающих в связи с различными ФНРС, особенно при их неадекватном отношении к таким нарушениям.

Данные, полученные в исследовании, указывают на наличие связей между возрастом детей, уровнем их осведомленности о физиологических изменениях организма в период становления репродуктивных функций, интенсивностью тревожных переживаний при ФНРС и формированием типа эмоционального отношения к болезни. Результаты исследования показали, что и при разном уровне психического развития (возрастная норма и психическое недоразвитие), и при различных условиях воспитания (семья и детский дом) наибольшая интенсивность тревожных переживаний характерна для возрастных групп 11-12 лет. По мере взросления характер изменения показателей различен.

В группе «домашних» детей с нормальным интеллектом отмечается более выраженное снижение интенсивности тревоги к возрасту 13 и 14 лет, что кажется закономерным. Кроме любви и поддержки эмоционально значимых близких людей, они имеют большую возможность получения адекватной информации по тревожащим их вопросам.

В группе детей-сирот с психическим недоразвитием проявляется иная тенденция. Острота тревожных переживаний при ФНРС у них не только не снижается, а нарастает к возрасту 13 лет и в дальнейшем к 14 годам остается стабильно высокой. У девочек этой группы наблюдается усиливающаяся с возрастом установка на «уход в болезнь», отказ от активных действий. Выявленные изменения эмоциональности и мотивации поведения не могут не влиять на процессы социальной адаптации и без того достаточно проблематичной у подростков данного контингента.

При сравнительно-возрастном подходе к изучению проявлений тревожности у девочек-подростков с ФНРС обнаружилось, что по мере взросления от 11 лет к 14 годам происходило смещение остроты пере-

живаний за исход болезни от ближайших к её отдаленным последствиям (возможности получения желаемой профессии, способности к деторождению). Эти переживания отражали представления девочек о характере имеющихся ФНРС и их последствий для здоровья.

Таким образом, разработка мер по предупреждению индивидуально-психологических форм дезадаптации, вызванных состоянием повышенной тревожности на основе информационного дефицита по вопросам физиологии репродуктивной системы женского организма в пубертатном периоде, является в настоящее время одной из острейших психолого-медико-педагогических проблем, особенно насущных в условиях закрытых учебных заведений для детей с проблемами в развитии.

Прохоренко Т.В.

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА ОБЩЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В процессе учебной деятельности учащийся выступает и как объект, и как субъект общения, следовательно, его умение общаться, особенности коммуникативной сферы личности, несомненно, оказывают влияние на успешность учебной деятельности и на развитие самой личности. Велика и важна роль подросткового возраста для развития общения, различных его форм. Именно в возрасте от 11 до 16 лет отчетливо проявляется тенденция в предпочтении социально-ориентированной формы общения, что создает для подростков условия их признания как социально значимых лиц. Данное положение связано с активным стремлением подростков к занятию новой социальной позиции, проявлением инициативности в общении, утверждением во взрослом мире.

В исследовании рассматриваются следующие коммуникативные характеристики: коммуникативный потенциал по суммарному показателю и отдельным свойствам, личностная общительность, экстраверсия-интроверсия в разные возрастные этапы развития подростка 11-16 лет, а также в зависимости от пола подростка. Основными его свойствами являются коммуникативная активность, коммуникативная уверенность, эмоциональная реактивность в общении, потребность в общении, коммуникативный объем как частота и число межличностных контактов.

Результаты исследования показали сходство в уровне развития отдельных свойств коммуникативного потенциала школьников во всех возрастных группах. Наиболее высокие показатели были получены по шкале потребность в общении, что свидетельствует об активном жела-

нии подростков вступать в контакт с другими людьми. Тем не менее во всех возрастных группах довольно низкие значения по параметру эмоциональной реактивности в общении. Школьники в этом периоде развития характеризуются некоторой напряженностью в ситуациях общения. Они не всегда легко вступают в контакт с другими людьми.

В целом можно отметить, что уровень развития общения в период 11-16 лет имеет тенденцию к увеличению. При сохранении стабильности в проявлении индивидуальных свойств коммуникативных характеристик, в первую очередь таких, как коммуникативный потенциал, в подростковом возрасте наблюдается повышение личностной общительности.

Исходя из познавательной и коммуникативной природы учебной деятельности, можно сделать вывод, что изучение динамики коммуникативных характеристик на протяжении подросткового возраста позволяет совершенствовать учебно-познавательную деятельность, а также активно формировать субъекта общения. Развитие и коррекция коммуникативного потенциала должны осуществляться с учетом изменения его структуры и ведущих компонентов на разных этапах его становления.

Пыжова М.Х.

КОРРЕКЦИЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ МУЗЫКАЛЬНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ

Опыт истории человечества показал, что ни одно общество не обходилось без музыки. Она объективно необходима, т.е. у людей существует естественная потребность в ней. В художественных образах музыка отражает реальную действительность, раскрывает сущность человека в его многосторонних жизненных связях. Она является формой эстетического освоения мира, выступает как потребность, возникшая в результате практической деятельности общества. Но особенно сильна музыка «в передаче внутренних противоречий жизни» (Л.С.Выготский) Через музыку человек познает и оценивает действительность, накопленный многими поколениями нравственный опыт человечества (К.Беллэг, 1896).

Музыкальные потребности разнообразны. Также многолики выполняемые музыкой социальные функции. Музыка участвует в воспитании людей, формирует интеллектуальные и нравственные качества, стимулирует творческие способности, способствует социализации. Музыка также должна иметь огромное значение для детей, имеющих проблемы в развитии. Она являет собой альтернативный вариант работы с детьми, для которых вербальное выражение мыслей затруднено.

В нашем исследовании психокоррекционные музыкальные занятия проводились в двух группах. У детей первой группы нарушения в эмоциональной сфере характеризовались эмоциональной неустойчивостью, возбудимостью, конфликтностью, присутствием аффективных реакций, преимущественно агрессивной направленностью. Дети второй группы были заторможены, замкнуты, апатичны. Психокоррекционные занятия проводились в течение 30 минут 1 раз в неделю. Занятия заключались в прослушивании специально подобранной музыки с последующим обсуждением. Для эффективности занятий необходимо, чтобы музыка соответствовала психологическому темпу и эмоциональному настроению детей. Поэтому на первом занятии детям предлагалось выбрать из нескольких фрагментов наиболее понравившийся. Чаще всего выбор падал на музыку агрессивного характера у первой группы детей и тягостную, грустную музыку у второй группы. Иногда это произведение прослушивалось несколько раз. Повторное прослушивание проводилось для стимуляции интенсивных эмоций, воспоминаний, ассоциаций. После этого уделялось время для обсуждения этих переживаний. Нередко дети рассказывали о своих страхах, вспоминали негативные моменты из собственной жизни. Таким образом, до этого остававшиеся неосознанными страхи и тягостные переживания преобразуются в конкретные понятия. В конце каждого занятия прослушивалось произведение, которое снимало напряжение. Оно было либо спокойным (в группе заторможенных детей), либо энергичным, но не несущим агрессию.

На последующих занятиях после прослушивания музыки агрессивного настроения давались произведения, в которых при сохранении характера музыки менялись тембровая окраска, ритм, регистр, лад. Благодаря этим изменениям постепенно менялся эмоциональный фон музыки. Например, занятие начиналось с проигрывания фрагмента из сюиты Грига «Пер Гюнт» («Пещера горного короля») и заканчивалось отрывком «Утро» из того же произведения. Вместе с изменениями эмоционального фона музыки менялось эмоциональное настроение детей.

В процессе групповых занятий наряду с формированием новых поведенческих стереотипов отмечалось снижение эмоциональной напряженности, беспокойства и тревоги. Дети научились более точно распознавать эмоциональные состояния. Расширился спектр воспринимаемых и узнаваемых эмоций. Полученные в ходе коррекционной работы результаты позволяют считать, что предложенная психологическая коррекция эмоциональной сферы может быть использована при реабилитации детей с умственной отсталостью.

Самоленкова Т.А.

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

Изобразительная деятельность играет важную роль в развитии предпосылок для школьного обучения, поскольку процесс рисования тесно связан с интеллектуальным, сенсорным, перцептивно-двигательным и личностным формированием ребенка. Особенности изобразительной деятельности детей с задержкой психического развития (ЗПР), методы и приемы руководства ее развитием изучены недостаточно. Известно лишь, что у этих детей наблюдается неравномерное отставание в развитии компонентов рисования и его предпосылок. Недоразвитие пространственных представлений, конструктивного мышления, изобразительной деятельности у детей с ЗПР дошкольного возраста существенно затрудняет процесс овладения ими знаниями по всем учебным предметам.

Целью работы явилось изучение изобразительной деятельности детей с ЗПР в связи с особенностями их пространственных представлений и конструирования. В исследовании приняли участие 16 воспитанников подготовительной группы специального (коррекционного) детского сада и 16 детей массового дошкольного учреждения. Все дети имели диагноз ЗПР церебрально-органического генеза, осложненный у части из них общим недоразвитием речи II и III степени.

В исследовании фиксировались: способности детей к программированию и последовательной реализации конструктивной деятельности; сформированность операций зрительно-пространственного анализа и синтеза; уровень развития наглядно-образного мышления; степень зрелости графического символизма (насыщенность существенными деталями, сложность композиции) в рисунке; способность передать пространственные признаки предметов и их пропорции.

Было установлено, что по уровню развития пространственных представлений дети с ЗПР старшего дошкольного возраста заметно отстают от своих нормально развивающихся сверстников. Это отставание проявляется в несформированности представлений о форме предметов, их величине, локализации в пространстве, соотнесении деталей. Расстройства конструктивного праксиса и конструирования выразились в неспособности синтезировать целое из его элементов по детальному и контурному плану, как на наглядно-действенном уровне, так и во внутреннем плане. Специфика рисунка детей с ЗПР проявилась в виде статичности, бедных деталями изображениях, стереотипности, отсутствии композиции, нарушении пропорций изображаемого, отсутствии творческого воображе-

ния. Перцептивные и сенсорные процессы у детей с ЗПР характеризовались определенной незрелостью, которая проявлялась не только в конечном результате, но и в способе выполнения заданий. Обнаружилась слабость ориентировочной фазы действия и контроля над выполнением, который у детей с ЗПР был направлен в основном на окончательный результат, а не на процесс действия.

Характерным для детей с ЗПР явилось недоразвитие изобразительно-графических навыков, что говорит о несовершенстве сложных произвольных форм зрительно-моторной координации и, в свою очередь, может изменять формирование зрительных и перцептивных образов, выражаясь в скудности детализации рисунка и не способствуя проявлению творческих задатков личности ребенка.

Ранее выявление нарушений изобразительной деятельности ребенка и своевременное начало коррекционного обучения позволит значительно ускорить процесс формирования пространственных представлений, что в дальнейшем окажет положительное влияние на готовность детей к школе и успешность их учебной деятельности.

Сметанников П.Г.

МЕХАНИЗМЫ РАССТРОЙСТВА ПАМЯТИ ПРИ ЦЕРЕБРАЛЬНОМ АТЕРОСКЛЕРОЗЕ

Исключительная актуальность проблемы психических расстройств при церебральном атеросклерозе определяется как высокой их частотой, так и несомненной прогрессивностью их течения. В клинической картине этих психических расстройств особое место принадлежит нарушениям памяти, в частности – расстройствам запоминания и избирательной репродукции прошлого жизненного опыта.

Приходится иметь в виду непростой характер реакции личности на появившуюся психическую несостоятельность. Речь идет в этих случаях не о возникновении психических расстройств, а об осознании первичной психической несостоятельности и, прежде всего, ослабления памяти. Проявляется это как в затруднении запоминания нового актуального материала, так и в неспособности избирательной репродукции прошлого жизненного опыта, различных конкретных сведений. Трудность фиксации нового материала касается как сложных, обобщенных понятий и знаний, так и непосредственных фактов повседневной жизни. Бросается в глаза внешне парадоксальное обстоятельство наибольшей трудности запоминания не абстрактного, обобщенного знания, а фиксации конкретных

фактов и событий, имен, фамилий, дат и цифрового материала, т.е. большее нарушение механической памяти по сравнению со смысловой. Еще более своеобразна несостоятельность элективной репродукции прошлого жизненного опыта. Этим симптомом в сущности и дебютируют мнемические расстройства при церебральном атеросклерозе. Он заключается в том, что больной в нужный момент в процессе беседы, обычного «шлавного» рассказа, например, никак не может вспомнить имя, фамилию прекрасно знакомого и порой близкого ему человека, номер постоянно используемого им телефона и т.п. Эта несостоятельность памяти тем более усугубляется, чем сильнее он напрягается для достижения воспоминания. Однако это воспоминание дается ему само собой, как только он отвлечется от волевого усилия. Слабость памяти тревожит больного порой вплоть до обсессивной степени.

Как показывает клинический опыт психиатрии, психические расстройства при церебральном атеросклерозе начинаются именно с этих нарушений памяти, которые выявляются на всех его последующих этапах, начиная с дебютных невротоподобных картин и все более углубляясь в сосудистых психозах, достигая апогея в структуре слабоумия, т.е. являются сквозными симптомами этих психических расстройств.

Нарушения церебральной гемодинамики, приводящие к гипоксии корковых нейронов, сопровождаются падением общемозгового тонуса, нарастающим ослаблением замыкательной функции коры и ориентировочно-познавательной реакции, которые в совокупности обуславливают трудности запоминания нового материала. В этих условиях меньшее нарушение смысловой памяти объясняется большей силой раздражительного процесса с широких корковых полей, принимающих непереносимое участие в осуществлении смысловой памяти, и неизмеримо меньшей его силой при вовлечении в реакцию фиксации только узкого, почти локального коркового пункта при осуществлении памяти механической.

В основе несостоятельности избирательной репродукции прошлого жизненного опыта лежат слабость замыкательной функции коры и снижение предела работоспособности корковых клеток, приводящие к распаду (сначала лишь к функциональному) нейроассоциативных цепей. Однако важную роль играет еще и возникающий у пациентов «больной» пункт о несостоятельности собственной памяти, который перехватывает магистральный нейроассоциативный поток, переключает его на себя (в момент, когда больной напряженным волевым усилием старается непременно вспомнить нужный ему для самореабилитации факт), тем самым делая невозможным попадание в целевой корковый пункт данного факта и само воспоминание. Вместе с тем, когда больной не ставит перед собой задачу доказать сохранность своей памяти (в ситуации «сво-

бодного течения ассоциаций») «больной» пункт частично теряет свою силу, оказывается уже неспособным переключать на себя магистральный нейроассоциативный поток, каковой достигает коркового участка фиксации целевого факта, и пациент благополучно вспоминает его.

Структура расстройств памяти при церебральном атеросклерозе далеко не проста и своеобразна, а их чрезвычайно сложные патогенетические механизмы нуждаются в дальнейшем детальном изучении.

Сурогина Н.К.

СИНДРОМ «ВЫГОРАНИЯ» У УЧИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ДЕЗАДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ЗПР

Одной из важнейших теоретических и практических проблем, стоящих перед психологами и педагогами образовательных учреждений, является необходимость создания благоприятных условий пребывания ребенка в школе и благополучной психологической адаптации его к новым условиям. Для ее решения большое значение имеет преодоление школьной дезадаптации путем помощи детям с трудностями в обучении.

Социально-психологическая адаптация представляет собой процесс активного приспособления, где адаптироваться приходится не только ребенку к школе, к учителю, но и самим педагогам к новым для них воспитанникам. Отношения «учитель-ученик» всегда в какой-то мере асимметричны, и эта неизбежная асимметрия потенциально конфликтна. Результатом становится у педагогов синдром «выгорания», а у учеников – школьная дезадаптация.

Школьная дезадаптация (ШД) представляет собой сложное вторичное социально-личностное явление – это невозможность школьного обучения соответственно природным способностям и адекватного взаимодействия ребенка с окружением, что влечет за собой образование неадекватных психологических механизмов приспособления ребенка.

Основой диагностики при таком понимании ШД становится проблемный подход к системам отношений ребенка: «ребенок-родители», «ребенок-учитель», «ребенок-школа», «ребенок-сверстники», «ребенок-его психофизическое здоровье и личностная самооценка». Важным и необходимым становится анализ влияния отклонений в ведущих системах отношений ребенка на процесс школьной адаптации. «Группу риска» детей по ШД прежде всего составляют дети с различного рода задержками психического развития.

«Выгорание» – психологический синдром, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редуцированные личност-

ные достижения. Он является фактором, провоцирующим ШД у нормальных детей и с ЗПР. Это препятствует полноценному личностному развитию ученика и затрудняет учебно-воспитательный процесс.

Исследование проводилось на базе коррекционной школы № 1 Адмиралтейского района для детей с ЗПР и средней общеобразовательной школы № 27. В эксперименте участвовало 40 детей в возрасте 7-9 лет. Изучение основных систем отношения ребенка обнаружило, что наибольшее количество проблем дети испытывают в системе «ребенок-учитель» и «ребенок-школа», причем роль основных средовых психотравмирующих факторов играют особенности психологического климата в педагогическом коллективе и личностные характеристики учителей.

По нашим данным наиболее актуальными проблемами в адаптации к школе как для детей с ЗПР, так и для детей нормы, являются страхи и опасения, связанные со школой и обучением (фигурирует одинаково у 72% детей обеих групп), личностью учителя. Страхи и неуверенность в отношениях с учителем присутствуют у 65% и 53% соответственно, что свидетельствует о наличии дистанции между учителем и учениками, отсутствии между ними полноценного контакта; о недостатке или отсутствии у преподавателя интереса к детям, непонимании их психологии, возрастных и индивидуальных особенностей. В результате деятельность учителя отличается низкой эффективностью, и он постоянно испытывает психологические и эмоциональные перегрузки.

Полученные данные свидетельствуют о том, что сама школа, стиль обучения и психологические характеристики учителей могут являться психотравмирующим фактором для детей. В подобной критической ситуации своевременная психологическая помощь (психологическое сопровождение) таким детям и учителям является необходимой предпосылкой успешного обучения и воспитания.

Чесноков В.Б., Суворов Г.Б.

ПСИХОЛОГИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ПАРАДОКСЫ КРИЗИСНОГО ПЕРИОДА

Общество с устоявшимися традициями может не волновать то, какая конкретно личность (индивидуальность) стоит у руля верховной власти. Совсем недавняя история знает факт, когда бывший киноактер успешно управлял супердержавой.

В Российском государстве, где институты власти нового типа только формируются, очень многое зависит от психологических особенностей, жизненного опыта и мировоззрения лидера страны. Именно вокруг него

формируется команда, ведущая государственный корабль в едином порыве к какой-то цели. Если лидера нет, или он дряхлеет - это общенациональная беда, судно тут же сбивается с курса, крениться то на левую, то на правую сторону, начинается повсеместное мародерство и крах кажется неминуемым.

Социальные и экономические катаклизмы, начавшиеся в России после 17 августа, в сочетании с однозначно негативным имиджем Рулевого и его команды, тщательно формируемым отечественными средствами массовой информации, приводят к мысли, что предчувствия краха имеют под собой достаточные основания.

Преобладающая часть информации, получаемой населением страны с экранов телевизоров и из прессы, носит нарочито негативный, «депрессогенный» характер. Из чего на 90% складываются новости по любому из телеканалов?: здесь очередное заказное убийство, тут опять украли, там небывалые по силе природные катаклизмы, кругом процветает коррупция, смертность превышает рождаемость, количество суицидов далеко шагнуло за устоявшиеся «нормы» прежних лет.

Получается парадоксальная картина. Человек в течение рабочего дня тратит свои силы и время, не получая порой за это даже мизерной зарплаты. По дороге домой смущенно минует витрины магазинов, где все стало слишком дорого. И наконец, вечером оказывается у себя дома, в месте духовного и физического отдыха и... Дома его настойчиво «добивают» потоком бед, льющим с голубых экранов.

В психологической науке давно и однозначно установлено, что для нормальной жизнедеятельности человека стрессы, которые в нем стимулируют извне, не должны быть устойчиво деструктивными. В применении к деятельности СМИ это означает, что в составлении программ на телевидении обязательно должны участвовать психологически грамотные и доброжелательно настроенные люди. В противном случае (т.е. в том самом, как оно есть в настоящее время) слишком большая часть населения может лишиться здоровья или жизни (или лишит себя их) не столько потому, что в стране кризис, сколько из-за антипсихологичной и антигуманной политики руководства телевидения и СМИ.

Таким образом, информационная политика в государстве и, особенно, государственных СМИ не является чисто технологическим или информационным феноменом. Государство обязано учитывать мощное психогенное влияние СМИ, обеспечивая адекватное психологическое обеспечение организации информационного пространства России. Нагнетание массовой нерво-психической напряженности не имеет ничего общего с «жестокой но объективной правдой» и приведет только к хронификации психологических последствий социального кризиса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Социальная психология

Андреева Т.В., Козлова Д.В. Березников А.А.	Репродуктивные установки женщин: влияние материнского воспитания	3
	Условия эффективной обратной связи в групповой работе с подростками	4
Варфоломеева Л.Е.	Вклад Е.С.Кузьмина в акмеологические методы исследования	6
Васильев В.К.	Психология толпы: эмоции и реаль- ность	8
Журавлев А.Л.	Некоторые тенденции развития психо- логии	
Кузьмина Н.В.	Научное наследие Б.Г.Ананьева в свете определения предмета акмеологии	11
Куницына В.Н.	Стадии и барьеры межличностного не- формального общения	13
Пахомова Т.В.	Социально-психологические особен- ности личности актера	14
Рыбалко Е.Ф.	Об онтопсихологическом подходе к проблемам общения	16
Снетков В.М.	Основы проектирования изменений со- циально-психологических систем	17
Чикер В.А., Сольц Е.В., Жезмер Н.М., Джос П.	Стресс и особенности его преодоления российскими подростками	19
Шишкина О.В.	Современные супружеские отношения	21
Щербаков А.Б.	Влияния средств массовой коммуника- ции на политические установки	22
Юрьев А.И.	Психологические проблемы российской политики	24

Глава 2. Общие вопросы психологии

Балин В.Д.	Уточнение формулировки психофизио- логической проблемы	25
Бордовская Н.В., Хулхачиева Г.И.	Самоуважение как «социальная вакци- на»	26

Василенко В.Е.	Взаимосвязь показателей интеллекта и фрустрационных реакций	28
Васильева Н.В., Плебанек О.В.	Когнитивный стиль как принцип типологического анализа культуры	29
Грачев А.А.	Практический психолог как социальный инженер	31
Дерманова И.Б.	Структура нравственных ценностей	33
Езан С.В.	Эмоциональный компонент социально-перцептивного образа	34
Калягина Г.В.	Проблемы биологических основ психики человека	35
Карсаевская Т.В.	Социокультурные основания глобализации картины мира	36
Левченко Е.В.	Идея отношения в концепции М.Бурге-ра и психология познания	38
Лоскутов В.В.	Существует ли воля ?	39
Мазиллов В.А.	О соотношении теории и метода в психологии	41
Мазиллов В.А., Панкратов А.В.	Б.Г.Ананьев и проблемы методологии психологии	43
Мирошников С.А.	Уровневая организация модели нейропсихологической системы	45
Никандров В.В., Сонина Э.К.	Социально-биологический смысл феноменов личности и индивидуальности	47
Панферов В.Н.	Проблемные поля практической психологии	49
Прохоров А.О.	Неравновесные состояния человека	50
Реан А.А.	Аутоагрессивный паттерн личности	52
Реброва Н.П., Клецина И.С.	Психофизиологические предпосылки гендерных аспектов поведения	54
Сафонов В.К.	О психическом состоянии и состоянии психики	56
Тарасов С.В., Тимофеев Ю.Т.	Восприятие мира и инновационное образование	58
Трифонова С.А.	Влияние позиции субъекта на восприятие и отображение ситуации	60
Федюнина Н.В.	К вопросу о предмете психологии	61
Филимоненко Т.Ю.	Психологические факторы самооценки собственного возраста	62
Чураков М.А.	О подходах к исследованию серьезного и комического	64

Глава 3. Психологические аспекты социального кризиса

Авидон И. Ю.	Интерес к иностранному языку в мотивах интеллектуальной миграции	66
Городецкая И.М.	Исследование мотивации учения и труда безработных	67
Гулина М.А.	Психодинамический подход в социальной работе с бездомными детьми	69
Дейнека О.С., Савенко А.К.	Образ российского предпринимателя в предкризисный период	70
Дмитриева М.В.	Изучение мотивационной структуры личности безработных	72
Коваленко М.И.	Этнопсихология деструктивного сектантства	74
Мартюшев Д.Г.	Социально-психологические аспекты развития российского бизнес-слоя	75
Первова И.Л.	Проблемы социализации подрастающего поколения в условиях кризиса	77
Семенов В.Е.	Динамика российских менталитетов на стыке веков	79
Скородумов А.А.	О социально-психологической классификации сатанинских групп	81

Глава 4. Психология развития и деятельности

Андреева Т.В.	Направленность личности: типология и формирование	83
Анцупова Н.А.	Развитие эго-компетентности учителей	84
Балакшина Ж., Бургардт И.	Особенности психического развития детей в различных системах воспитания	85
Васильева С.В.	Комплексный подход к изучению адаптации студентов	87
Гаврилова О.В.	Удовлетворенность учебной деятельностью в системе многоуровневого образования	88
Герасимова Н.	Ценностные ориентации личности в период ранней взрослости	90
Головей Л.А.	О типологии в профконсультировании	91
Дерманова И.Б., Посаженикова А.	Нравственная самоидентификация и поведение	93

Доценко Е.В., Киреева Н.Н. Душабаев З. Р.	Структура социального интеллекта старшекласников	94
	Система игр, развивающих интеллекту- альные способности детей	96
Ерина С.И., Соколова Е.Е. Калинина С.В.	Некоторые особенности мотивации научной деятельности у женщин	98
	О профессиональном и личностном самоопределении старшекласников	100
Капустина А.Н., Панева Н.А.	Влияние гуманизации образования на развитие самопознания учащихся	101
Коростылева Л.А. Крогиус Н.Г.	Стратегии самореализации личности	102
	О самореализации личности в профес- сиональной деятельности	104
Кузьменко Т.А.	К вопросу о содержании категории «личность» в психологии	105
Кулешова Л.Н., Кожина Е.Л.	Рефлексивные характеристики личности в позднем периоде	106
Куницына В.Н., Сурпина Е.А.	Социальная компетентность научно- технической интеллигенции	107
Левченко В.В.	Социально-психологическая ситуация в педагогических коллективах	108
Максимов В.В., Савельева Е.М.	Социальная психология и по-семейная статистика	109
Осорина М.В.	Стратегемы детской субкультуры	111
Палей И.М., Чежина Я.В.	Лонгитюдное исследование интеграль- ной функции осязания у школьников	113
Пережигина Н.В.	Роль перцептивного опыта в развитии речи детей дошкольного возраста	114
Плебанек О.В.	Соотнесенность типов мышления и ценностных систем	115
Прокофьева В.А.	Психолог в школе: проблемы профес- сиональной адаптации	117
Прусская-Юркевич С.Н.	Влияние компьютеризации на психиче- ское развитие человека	118
Ржепецкая Е.К., Рудкевич Л.А.	Познавательные способности и темпы физиологического созревания у детей	120
Рогов М.Г.	Проблемы мотивации учения в системе непрерывного профобразования	121
Розум С.И.	Психологические условия формирова- ния нормальной личности	122
Рыбалко Е.Ф.,	Адаптация воспитанников детского до-	

Травникова Н.Г.	ма к учебе в ПТУ	124
Саморуков В.И.	Прогнозирование успешности деятельности в особых условиях	125
Солондаев В.К.	Особенности обобщений в мышлении профессионала-практика	127
Сорина С.П.	Инновационный подход к допрофессиональной подготовке учащихся	128
Стеглянникова Ю.В.	Проблемы психической адаптации одаренных подростков	130
Травникова Н.Г.	Прогноз успешности адаптации после выпуска воспитанников детского дома	132
Тулупьева Т.В.	Взаимосвязь личности, психологической защиты и успеваемости	133
Хвацкая Е.Е.	Особенности отношения родителей к занятиям ребенка спортом	134
Шалимова Г.А.	Эмоциональные характеристики индивидуальности	136

Глава 5. Прикладные психологические исследования

Анисимова Т.В.	Некоторые особенности политических текстов	138
Артеменко О., Лабковская Е.Б.	Психологические механизмы формирования имиджа политического лидера	139
Балин В.Д., Меклер А.А.	Паттерн базовых эмоций как индикатор качества звуковоспроизводящей аппаратуры	141
Берно-Беллекур И.В.	Опросник нарушений полоролевой самоидентификации	142
Богданова Т.А., Голубев А.А.	Влияние психологического тренинга на личностные параметры	143
Бурикова И.С.	Воздействие на избирателя в ситуации политических выборов	145
Василькова А.П.	Психологические знания в практической деятельности врача	147
Гулина М.А.	Терапевтическая психология как основа психологической помощи	148
Дворник А.В.	Психодиагностические элементы устной речи	150

Дреева Ж.Ю.	Видеоигры как фактор формирования агрессивности	152
Елохина Т.П.	Психобиографическое исследование в политической психологии	152
Еремеев Б.А.	Психологические расстояния в пространстве мнений	154
Жмыриков А.Н.	Концепция формирования имиджа лидера в избирательной кампании	156
Зайцев А.Я., Палей И.М. Ковалев Ю.Т.	О старом афоризме «глаза – зеркало души» по иридо-пупиллярным данным	157
	Психологическая предпочтительность символов в песочной терапии	159
Костромина С.Н.	Диагностическая задача как основа деятельности практического психолога	160
Краев Ю.В.	Экспресс-диагностика агрессивности в спорте	161
Ловягина А.Е.	О системе индивидуализации психологической подготовки спортсменов	163
Меклер А.А.	Анализ принципов построения стандартных методик экспертной оценки	164
Меркурьева Е.Ю.	Адаптация личностного опросника Леонарда Гордона	165
Мурина С.В.	Экспресс-диагностика нарушений познавательных процессов	167
Наследов А.Д.	Кластерный анализ результатов социометрии	168
Патзелт В., Лабковская Е.	Организация кросс-культурного исследования ролей членов парламентских структур	170
Рихтер Т.В.	О диагностической ценности некоторых патопсихологических методик	172
Свенцицкая Ю.А.	Цветовой тезаурус русской лечебной молитвы	173
Федорова А.В.	Этапы психологической адаптации несовершеннолетних правонарушителей	174
Филимоненко Ю.И.	Психология слов-«паразитов»: индивидуальный и социальный аспекты	176
Шаболтас А.В.	Психологические «барьеры» консультирования пострадавших от насилия	178
Шингаев С.М.	Проблемы конструирования и адаптации многофакторных опросников	180

Шингаева И.В.	Изучение личностных особенностей застенчивых старшеклассников	181

Глава 6. Психология здоровья: расстройства и восстановление

Андрущенко Н.В., Мамайчук И.И.	Анализ гностических процессов у детей с церебрально-органической недостаточностью	183
Афанасьева А. В.	Психосоматический больной: психология и деонтологические проблемы	184
Дандарова Ж.К.	Особенности самооценки несовершеннолетних правонарушителей	186
Демьянчук Р.В.	Изучение памяти в аспекте социальной адаптации детей с ЗПР	187
Липовская Н.В.	Механизмы психологической защиты у младших школьников с ЗПР	188
Логинова Л.И.	Особенности произвольного внимания учащихся с ЗПР	190
Мамайчук И.И.	Личность детей с различными формами психического дизонтогенеза	192
Михайлова Е.В.	Эмоционально-личностное развитие учащихся с нарушением интеллекта	193
Никольская Н.Л.	Проблемы воспитания умственно отсталого ребенка	195
Петрова Т.В.	Динамика работоспособности детей с задержкой психического развития	196
Пискарев Д.П.	Стереотипы противоправного поведения молодежи	197
Пискарева Т.Б.	Развитие эмоций у учащихся с нарушением интеллекта	199
Пластунова Л.Г.	Развитие восприятия у детей раннего возраста со зрительной патологией	200
Полтавцева Н.С.	Возрастная динамика тревоги у девочек в период полового созревания	201
Прохоренко Т.В.	Становление субъекта общения в подростковом возрасте	203
Пыжова М.Х.	Коррекция умственно отсталых детей музыкальным воздействием	204
Самоленкова Т.А.	Особенности изобразительной деятельности у дошкольников с ЗПР	206

Самоленкова Т.А.	Особенности изобразительной деятельности у дошкольников с ЗПР	206
Сметанников П.Г.	Механизмы расстройства памяти при церебральном атеросклерозе	207
Суругина Н.К.	Синдром «выгорания» у учителей как фактор дезадаптации детей с ЗПР	209
Чесноков В.Б., Суворов Г.Б.	Психология и информационная политика: парадоксы кризисного периода	210

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 98
(Тезисы научно-практической конференции)

Редактор – С.С.Алмаметова
Компьютерная верстка – Т.Ю.Филимоненко

Лицензия ЛР №040050 от 15.08.96 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 7.11.98. Формат 60×84
1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,79. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 300
экз. Заказ **367**

Издательство Санкт-Петербургского университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7 / 9.

Типография Издательства
С.-Петербургского государственного университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.